

ΧΡΙΣΤΙΑΝΟΣ

XXIV

АЛЬМАНАХ

ISSN – 1407 – 0898

Обложка работы архимандрита Зинова

Редакционный совет

Наталия Большакова-Минченко – главный редактор, Латвия
Протоиерей Владимир Зелинский, Италия
Андрей Десницкий, Россия

Ответственный за выпуск
Василий Минченко

*При перепечатке материалов
ссылка на альманах обязательна*

© Международное Благотворительное Общество
имени Александра Меня
Рига, Латвия, 2015

*Путям,
которыми идет душа
человеческая к Богу,
посвящен этот альманах.
Особенно значима для нас
жизнь христиан нашего времени,
войдем же и мы вместе с ними
в святое любовное
единение с Богом – Отцом
и Сыном и Духом Святым,
Троицей единосущной
и нераздельной. Аминь.*

ЦЕРКОВЬ В СВОИХ СВЯТЫХ

*Ты не дашь святому
Твоему увидеть тление...*

Пс 15:10

Продолжая тему, начатую в «Христианосе-XXIII», мы ведем дальше разговор о явлении святости, о призвании к святости каждого человека, о Церкви, о святых.

Кто такие «святые», где они?.. В Священном Писании можно встретить немало призывов к достижению праведности, святости и, одновременно, примеров ее присутствия в Церкви. В апостольских посланиях много обращений от живых святых к живым святым: «Приветствуют вас все святые, а наипаче из кесарева дома» (Флп 4:22). «Находящимся в Ефесе святым и верным во Христе Иисусе...» (Еф 1:1).

О ком это пишет апостол Павел? «Это нам непонятно и чуждо. Слово “святость” или “святой” слышится нами точно из давно забытого мира. Кто канонизировал этих святых? Какие синодальные комиссии расследовали и разрешили вопрос об их святости? И за какой срок? Ведь, например, для того, чтобы удостовериться

в святости преподобного Серафима, церковному управлению России понадобилось 70 лет»¹.

Святые, которыми наполнен «Христианос-XXIV», в большинстве своем, не объявлены таковыми Синодальной комиссией по канонизации. Но в подлинности их жизни во Христе сомнений не возникает. И те, кому выпало счастье знать их, быть с ними рядом, свидетельствуют о них на страницах этого альманаха, и через их жизнь можно ощутить, какую исцеляющую силу имеет благодать Божия в тяжелых испытаниях человека, во всех его самых страшных страданиях.

Так получилось, что в основном, это женщины. У Креста тоже стояли женщины. Архивные документы, фотографии, письма и свидетельства о мироточащих из катакомб нашего времени нам удалось собрать буквально по крупицам, и их собственные голоса – непосредственно или отраженно – тоже звучат в альманахе. Эти материалы лучше читать подряд, начиная с Е. С. Мень, потому что они связаны, эти рассказы, переплетены эти судьбы – верой, дружбой, любовью, общим путем, духовным отцом, неразрушимыми узами. Одна судьба раскрывается в другой, восполняется в третьей, и все они вместе дают представление о реальности святости, о жизни Духа, которая никогда не прерывалась. Эти женщины создали «почву», на которой вырастают святые, на которой зиждется вера следующих поколений (о такой преемственности мы читаем в Библии).

«Церковь существует в святых своих, ими наполняется, ими создается и в них никогда не умирает. [...]

¹ Фудель С. И. Церковь верных. М., 2012. С. 21.

Началась новая и, может быть, последняя эпоха церковной истории, которая все больше будет походить на первую. И среди забытых нами слов первоначальной Церкви, как среди стертых веками монет с непонятными надписями, мы встретили и это слово – “святость” человека в Церкви»².

Среди этих людей, живших в абсолютной преданности воле Божией, ушедших в катакомбы и лагеря ради сохранения чистоты православной церкви, родился, был крещён, воспитан и с детства благословлен на священническое апостольское служение Александр Мень, став по праву «наследником той праведности, что дается за веру». (Евр 11:7).

Отец Александр, как и его духовные наставники, жил верой в Бога, его жизнь была и остается судом для этого мира. Среди материалов альманаха есть два документа, позволяющие читателю, хотя бы приблизительно, почувствовать тот жизненный контекст, в котором проходило служение о. Александра.

Являясь апостолом Христовым, он разделил и судьбу большинства апостолов. В этом году мы отмечаем 25-летие мученической кончины нашего пастыря, и посвящаем ему и его духовной семье, – тем, «кого весь мир был недостоин»³ – XXIV выпуск альманаха.

И еще важное для нас событие, которое мы не можем не отметить, – о чем свидетельствует специальная рубрика, – 25-летняя годовщина кончины митрополита Рижского и Латвийского Леонида (Полякова). Наш латвийский архипастырь, который тоже нес свой крест, и

² Фудель С. И. Церковь верных. М., 2012. С. 20, 22.

³ Евр 11:38.

отец Александр – не только знали друг друга, но были близкими по духу людьми.

У отца Александра Меня есть такие слова: «Святые имеют благодать, не воскреснув еще, продолжать как-то участвовать в земной жизни, которую они покинули»⁴.

*Редакционный совет
альманаха «Христианос»*

⁴ Рукова София. Отец Александр Мень.
Рига: ФИАМ, 2000. С. 58.

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Священник Владимир Лапшин

**В ДЕНЬ ПРАЗДНОВАНИЯ СОБОРА
НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ
ЦЕРКВИ РУССКОЙ**

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

В этом году так совпало, что в Неделю о блудном сыне, в тот день, когда читается знаменитая притча, мы совершаем память святых новомучеников и исповедников российских. И мне кажется, что это не случайно! Мне кажется, что это очень символично. В этот день в патриаршем календаре есть замечательное высказывание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «Сегодня никто не угрожает ни смертью, ни пытками, ни тюрьмами, ни ссылками за отказ поклоняться новым идолам. Но в том-то и трагедия, что без всякого принуждения люди отдают себя идолослужению, испытывая даже наслаждение от этого действия. Что же нас может спасти от всех этих заблуждений? Сильная вера, память о наших новомучениках и исповедниках, которые даже перед угрозой смерти не поклонялись идолам. Они ушли в иной мир, они ушли к Богу, они стали героями для народа нашего и святыми для Церкви. И сегодня, прославляя их память и вспоминая всех, их же имена только Бог знает, мы просим святых новомучеников и исповедников Церкви нашей быть с нами в это непростое время обольщения новыми идолами и новыми заблуждениями».

Я не слышал этого выступления святейшего Патриарха (или, возможно, это отрывок из его проповеди), поэтому я не знаю, — каких новых идолов и какие новые

зablуждения имеет в виду святейший отец. Если распущенность нравов, сребролюбие, властолюбие, гордыню, тщеславие, самомнение, – то это очень старые, традиционные идола, хорошо знакомые. Может быть, Святейший знает каких-то новых, но мне кажется, что сегодня старые идола вполне привлекательны. Сегодня старые идола оживают. И самый живучий, самый страшный идол, – это империя. Это стремление к великодержавности, откуда возникает и великодержавный шовинизм. Этот идол известен много веков, он был и во времена первохристианства. Этот идол, как молах, пожирающий детей, был и во времена новомучеников и исповедников российских. И именно этот идол оживает сегодня. Именно он требует сегодня себе все новых и новых жертв.

И еще Святейший напоминает нам, что время исповедничества не осталось в прошлом: «Нам иногда кажется, что подвиг исповедничества – это то, что принадлежит прошлому, поскольку нас сегодня окружает совершенно другая реальность, не требующая никаких особых усилий, чтобы исповедовать Христа. Нам кажется иногда, что эта реальность мученичества и исповедничества – она в прошлом, она где-то позади. На самом деле исповедничество веры, подвиг свидетельства всегда будет. Сегодня никто не требует от нас отказываться от веры, никто не принуждает уйти из Церкви, но сегодня существует во всем мире великое множество соблазнов и сил, которые, воздействуя на человека, без всякого употребления физической силы способны оторвать его от Бога и Церкви и помрачить его жизнь и способность свидетельствовать о Божией правде».

Когда-то Римскую империю символизировал император. Он был богом. Ему приносили жертву. И первых

христиан обрекали на смерть, на казнь на кресте, не за то, что они верили во Христа. Римлянам на это было, в общем-то, наплевать. Их убивали, потому что они отказывались приносить жертвы этому идолу. Символу их идей. В принципе, то же самое было и во времена революции, во времена новомучеников российских. Новомучеников убивали не только за то, что они ходили в церковь или верили во Христа. А главное – за то, что они отказывались прославлять, а не только быть лояльными тому новому молоху, тому новому идолу, который требовал себе поклонения.

Когда один из королей Франции сказал: «Франция – это я!», – над этим можно было бы посмеяться. Можно было бы заподозрить этого человека в мании величия. В болезненности. В воспаленном самолюбии.

Но в наше время мы знаем зловещие примеры, когда другие люди, «народ» говорят о правителе что он – это всё, что за него надо жизнь отдать, а это уже идолопоклонство, свидетельствующее о болезни не одного человека, а всего общества.

У нас сегодня манипулируют словом и понятием – патриот, патриотизм. Главное, быть патриотом, поступать патриотично, чтобы не прослыть «пятой колонной» или иностранным агентом.

Но христианин, взыскующий «будущего Града», – в любом государстве на земле – «пятая колонна» и иностранный агент. Как сказано о христианах еще в III веке н.э., что они «живут на родине, но как иноземцы; всякая чужбина им – родина и всякая родина – чужбина; на земле обитают, но гражданство их на небе...». Христианин, являющийся подданным одного Царя, – какой бы он ни был национальности, – в любой империи, в любом царстве – чужак. Потому что его отечество – на

небесах. И он может быть патриотом только одного царства – Царства Божьего! О котором нам сегодня, в Неделю о блудном сыне, напоминает евангельская притча. Эта притча рассказывает о том, что мы – везде пришельцы. И только *там* – для нас Отчий Дом. Только *там* нас ждет родной Отец. И только Ему мы должны хранить верность и быть Его патриотами.

Давайте, задумаемся об этом!

И да хранит вас Господь!

Москва,
2015

ЗА ПРЕДЕЛАМИ МОЛЧАНИЯ

«О чем невозможно говорить, о том следует молчать» (Людвиг Витгенштейн). Я не могу говорить о святости, потому что не знаю ее в себе. Но трудно всегда молчать о том, что составляет суть нашей веры, да и самой жизни. Поэтому говорить на эту трудную тему я могу только догадками, тезисами, предположениями, в выбранном мною жанре «мозаики отрывков», которые выкладываются вокруг того, о чем мне следовало бы молчать.

Неопалимая купина

В начале книги Исход говорится о том, что Моисей видит огонь, *горящий внутри куста... Куст горит, но не сгорает. «Пойду посмотрю на это чудо поближе, – подумал он, – почему не сгорает куст»* (Исх 3:2-3)¹.

Пойду посмотрю, – говорит себе Моисей. Несгорающий куст притягивает, ибо это место присутствия Божия. В жизни каждого человека случается событие, приходящее извне или запрятанное глубоко внутри, которое становится таким местом, откуда Бог окликает нас. Может быть, он еще не носит имя «Бог», но мы знаем, что мы стоим перед непостижимым и святым. Мы слышим его голос, несгорающий куст вступает с нами в беседу, и мы в ней участвуем. Такое участие, когда мы входим в него, становится верой. Она рождается у порога святости, хотя он и не всегда различим.

¹ Цит. по изд. Библия. М.: Российское библейское общество, 2011.

Увидел Господь, что Моисей подошел посмотреть, – и воззвал Бог к Моисею из горящего куста: «Моисей, Моисей!» – «Да!» – отозвался тот. Бог сказал: «Не приближайся. Сними сандалии: место, где ты стоишь, – свято. Я Бог твоих отцов, – сказал Он Моисею. – Я Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова». Моисей закрыл лицо: он боялся взглянуть на Бога (Исх 3:4-6)².

«Моисей, Моисей!» – Господь зовет его и нас по имени. Он знает не просто имя, но ту суть, сердцевину личности каждого, о которой мы и сами не ведаем. *Имеющий уши, слышащий Слово* из куста, из бури, из дуновения тихого ветра, отзывается: «Да». Тот, Кто говорит с нами, обладает голосом и лицом. Он Сам есть средоточие святости, ответ которой касается нас. И мы узнаем Говорящего.

Но: не приближайся. Сними сандалии: место, где ты стоишь, – свято. Свято всякое место, где присутствует Бог, однако мы не готовы войти в это жаркое пространство. Пусть даже, если это место спрятано внутри нас: *не приближайся.* Чем лучше мы узнаем черты лица Божия, тем острее ощущаем, насколько мы далеки от Него. Бог может заговорить с нами отовсюду, и всякое Его движение к нам может стать неопалимой купиной. Чудо, нежданно как бы «выпавшее» из стечения ничем не примечательных обстоятельств, некая встреча, которая казалась случайной, а потом окрашивает всю жизнь, пронзившая нас боль, окрик совести, внезапное просветление души или долгое ее созревание – все это способы Его обращения, обладающего своим языком, личным и часто не переводимым на общезначимый. Но тогда откуда мы узнаем, Кто говорит с нами? *Я Бог от-*

² Там же. Дальнейшие библейские цитаты даются в синодальном переводе. (Прим. ред.)

цов твоих, Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова; открывая Себя здесь и сейчас, Господь приходит из прошлого, из традиции, из признаний, откровений отцов. Моисей знает о них, он познает Бога из опыта богообщения святых, родных по крови, памяти.

Память есть тот камень веры, на который мы встаем и за который держимся, чтобы нас не затянуло в пьянящие испарения мистических или гностических топей. То главное, что мы знаем о вере, мы узнали от других. Ее послание передается по наследству, собранному отцами. Мы приходим к Богу, доверяя отпечатавшимся следам Его «посещений»: Авраама, Исаака, Иакова, затем Моисея, праведников и пророков, наконец, Его явления в Иисусе, в Неопалимой Купине-Богородице, в апостолах, «вещавших» во все концы вселенной, во всех следующих за *Агнцем, куда бы Он ни пошел...* Все они открыли в себе и возвестили другим опыт Богообщения, текущего от сотворения мира до дня сегодняшнего. Этот опыт состоит из проявлений святости. В каждом святом происходит новое откровение о присутствии Бога среди людей, о Его лице и характере. Это святое знание собирается в Церкви. Бог входит в историю и оставляет нескоряющиеся, говорящие с нами кусты на Своем пути. Их горения, их теофании остывают и затвердевают в Предании, выпадают в кристаллы догм, вплетаются в ткань обрядов, оживают в «житиях святых».

Восток и Запад: «противостояние» святости

Святые соединяют нас – эта максима давно стала общим местом и кажется бесспорной. Некая бесспорность в ней, безусловно, есть, но еще больше в ней спорности.

Ибо память, как главная составляющая идентичности не только отдельных личностей, но и Церквей, способна не только скреплять, но и, в еще большей степени, разделять их. Разделять не по одним лишь острым граням догм и вероучений, но и по различным проявлениям того, что мы считаем угодным Богу. Здесь, на Западе, я не могу не сравнивать образы его святых с теми, память которых мы празднуем на Востоке. Конечно, прежде всего, должны объединять мученики, но о них не знают почти. О новомучениках и исповедниках российских XX века что-то, конечно, слышали, но едва ли кто в Европе, из неспециалистов, сможет назвать хотя бы одного. А в России – помнит ли кто исповедников испанских или мексиканских? Убийства христиан сегодня происходят почти ежедневно – в Ираке, Сирии, Пакистане, даже в Индии – но все это тонет среди новостей о греческом долге или футбольных матчах. Может быть, скорее их следует отнести к страстотерпцам, тем, кто принимает насильственную кончину беззлобно и кротко, *как агнец, ведомый на заклание*? Ибо граница между мученичеством и страстотерпчеством, не связанным с требованием отречения от веры, не бывает особенно четкой. Священник, расстрелянный или погибший в лагере, безусловно, мученик, хотя ни до, ни после ареста, как правило, не мог изменить свою участь. И от христиан, которых в наши дни убивают только за имя, вовсе не всегда требуют перейти в ислам.

Страстотерпчество существует и в мирное время, в том числе, и на Западе; это «блаженство» тех, кто с радостным, неколебимым доверием к Богу сумел принять свою кончину, в особенности, в молодости, полностью сознавая скорый и неотвратимый исход мучительной своей болезни.

Если в мученичестве или специфически русском стратотерпчестве единство святых кажется очевидным, то преподобные, молитвенники или учителя молитвы, такие как Феодосий Печерский, Сергей Радонежский, Серафим Саровский, Паисий Величковский, Феофан Затворник, Игнатий Брянчанинов, а они, наряду с мучениками, составляют основной корпус святых в Восточной Церкви, – почти теряются на Западе в толпе «героев действия»: миссионеров, просветителей, строителей Церкви, подвижников милосердия, основателей орденов или харизматических движений. Но здесь для всех святых, без различия подвига и чина, за исключением мучеников, существует неотменимый критерий: чудо, т. е. необъяснимое исцеление по молитвам праведнику.

Западный святой узнается не только благодаря почитанию и памяти о нем, но в силу свидетельства исцеленного, и оно всегда подтверждается документально. Первое из чудес возводит в чин блаженного; за вторым следует канонизация. Перескочить этот порог, как бы ни был любим и известен тот, чья святость всем очевидна, практически невозможно; на моих глазах происходила канонизация Иоанна XXIII и Иоанна Павла II, а также беатификация Павла VI, и всякий раз для подтверждения церковного их почитания требовались свидетельства врачей, не обязательно даже верующих, удостоверявших, что вот такой-то неизлечимый больной теперь исцелен. И комиссия по канонизации принимает к сведению, что он молился тому святому, который не был еще прославлен. А если следующее чудо медлит и все не приходит, а почитание растет? Тогда кто-то начинает молиться о «втором чуде», как делает одна группа монахинь в Брешии, откуда родом Павел VI, желающая скорейшего его прославления в полном чине

святых. Единственное исключение, которое я знаю – беатификация Шарля де Фуко, аскета, мученика, духовного писателя, основателя духовных движений «Малых братьев Иисуса» и «Малых сестер Иисуса», который по настоятельной их просьбе, но без всяких чудес, был провозглашен «блаженным» папой Бенедиктом XVI в 2005 году³.

В Римской Церкви святость определяется деянием, канонизация святого прославляет его «героические добродетели». Православие же узнает святых по усердной молитве и ее плодам: различении духов, благодатном духовничестве, ясновидении, усиленном посте, победе над плотью. Оно всегда недолюбливало, так называемый, «героизм», в особенности же с почина Сергея Булгакова (в ту пору еще не священника), разделявшего «героизм и подвижничество». Если придерживаться прямых линий без особых нюансов, то святость на Востоке индивидуальна и эсхатологична, она состоит в одиноком пути преображения и спасения души, на Западе же – святость более социальна, она направлена на то, чтобы сделать что-то для этого мира, далекого от святости, но изнывающего от бед. При этом понятие Востока и Запада лишь условно: так римлянин Алексий – человек Божий, ушедший из дома в день свадьбы и прошедший в странствиях всю жизнь, типично восточный святой; албанка Тереза Калькуттская, которая отправилась в Индию, не стяжав мира в своей душе,

³ Мне всегда хотелось получить ответ на совсем нериторический вопрос: совпадает ли непримиримая православная позиция относительно «неправославных» чудес со старой советской установкой, что чудес никаких нет и не было никогда, а то, что было – результат самовнушения или гипноза. Или же, коль скоро Церковь «не наша», то она творит свои чудеса, как говорит Евангелие, *силой князя бесовского*?

но сумев помочь многим тысячам бездомных, причем – нехристиан, стала в наши дни любимой святой Запада. Если единству между нашими Церквями суждено созреть, а Востоку и Западу встретиться, то встреча эта должна произойти в примирении памяти о разных типах святости. И во взаимном узнавании их.

Совсем схематично: святость Востока – созидание Царства Божия по ту сторону этого мира, святость Запада – по эту.

Отречение от себя

Ибо для Востока святость начинается здесь: с призыва *отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях... и облечься в нового человека, созданного по Богу...* (см. Еф 4:22-23). Отложить – но как? Жития святых, поучения святых Отцов учат, прежде всего, беспощадной науке систематического отсечения ветхого человека. Известна святоотеческая максима: «Человек – животное, призванное стать богом». Звучит возвышенно в богословских текстах, но как претворить ее в жизнь?.. Бог и животное не могут поместиться не только в смертном теле, но и в душе человека. Даже малая искорка Бога начинает жечь нашу плоть и томить душу, и борьба между новым человеком во Христе и ветхим в Адаме, едва начавшись, не заканчивается никогда. Умирая, подвижник иногда признается, что еще и не начинал настоящей борьбы.

Едва завершилась начальная эпоха мученичества, как голос пустыни позвал самых бескомпромиссных учеников Христовых к испытанию победы над плотью. Именно монашество, причем в самом радикальном,

отшельническом его изводе, вскоре стало цветением и сутью Благой Вести. Оно, как водоворот, затягивало не только самые чистые, но и самые честные души. Потому что если идти вослед словам Господа до конца, то не остается обходных, удобных путей, а только один: *отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною* (см. Мф 16:24). Как быть христианином, не подавив этого недремлющего беснования пола, который жалит нашу плоть уже в отрочестве? Пусть Новый Завет прямо не требует безбрачия (за исключением намека Иисуса о добровольных скопцах), но разве не зовет он постоянно к отказу от того, что притягательно, удобно, приятно, в житейском смысле разумно и здраво?.. Вот Заповеди блаженства; каждая из них бросает вызов тому что называется «человеческим естеством». *Блаженны плачущие... блаженны чистые сердцем... блаженны кроткие... блаженны алчущие и жаждущие правды...* — это провозглашение нового, небывалого вида наслаждения жизни в Боге, которое вступает в спор с любым представлением о счастье в этом мире.

Святой Франциск, когда вдруг усомнился в своем выборе, бросился голым в огромный розовый куст, чтобы шипы истерзали его тело; северные святые, тоже случалось, нагими выставляли себя на поедание комарам, преп. Моисей Угрин даже в землю себя закапывал... Но вечная схватка с полом, пусть и жестокая, — только начало настоящей «жизни во Христе». Безбрачие вместе с отказом от имущества, обетом нестяжания, иногда самого малого (книги на полке, цветка на окне), соединяются с другим, который бывает труднее всего исполнить — обетом послушания, отказом от возможности выбора, от того пребывания в своеволии, которое столь же естественно и незаметно, как дыхание. И все это —

лишь первый шаг на пути несения Креста. Ибо главным образом самоотречение совершается в сердце – в *невидимой брани*, в борьбе со страстями – в первую очередь, плотскими, но еще более, с душевными – гневом, завистью, тщеславием, гордыней. С гордыней – особенно, с ней тяжелее всего управиться, ее-то надо в первую очередь взнудать, наказать, унижить, раздавить как змею, но как отделить гордыню от самоутверждения, самосознания «я»? Отсюда – исповедание помыслов в некоторых монастырях, иногда ежедневное. Самоотречение добирается и до самых корней и до самых высот; требует отказа от красоты мира, сокращает до минимума запас зрительных удовольствий, обрекает на затвор, облачается в «худые ризы», не ведает гигиены, ополчается против всякой славы мирской, даже и в потопстве... Наконец, отвергается иной раз от самого разума, социальных правил, внешнего достоинства, как в подвиге юродства... Но различие между Востоком и Западом здесь не столь уж необратимо; если Восток славен упорством в посте и молитве, то Запад – упорством проповеди, грозящим гибелью от рук дикарей или тропической лихорадки. Да и здесь эти добровольные самоистязания не остались в мрачном средневековом прошлом; о том, что в Европе закрываются семинарии и пустуют храмы не обходится сегодня ни одна православная о ней публикация, но о том, что там растет число затворнических монастырей (в одной Италии несколько сотен *conventi di clausura*), и поток призваний в них не иссякает, не знает почти никто. По сути, и там и здесь прослеживается общий стимул: коли хочешь идти за Христом до конца, отринь то, что хорошо в мире, женское тело, семью, детей, вкусную пищу, покой библиотеки, порой даже уют кельи, физическую

возможность идти, куда глаза глядят, право самому выбирать свои пути к Богу, отринь добровольно, исходя из призыва к святости, которая должна заполнить собою все сердце.

Все это не придумано какими-то древними самоистязателями; призыв к отречению от себя выражен четко: *Кто хочет душу свою спасти, – говорит Христос, – тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот обретет ее.* В новейших западных переводах *психе* – душа переводится как «жизнь», кто потеряет жизнь, тот обретает ее. Т.е. подчеркивается лишь мученичество, жертва жизнью. Но смысл «потери души» глубже и шире; речь идет о радикальном отказе от земного «я» как в плоти, так и почти во всех спонтанных, «языческих» проявлениях нашей психики. Душа ищет наслаждений не меньше тела, но если тело иногда насыщается, то душа ненасытна.

«...Мы должны крайне отвращаться и от души, когда она внушает нам что-нибудь неугодное Богу» (Иоанн Златоуст). От ранних Отцов, от св. Иоанна Кассиана до Иоанна Крестьянкина и Никона Воробьева, но всего более, – преп. Игнатия Брянчанинова, прямой, царский, единственно возможный путь души к Богу – покаяние, т. е. постоянное соскабливание греховных помыслов-наваждений со своего «я». Да есть ли в нас вообще иные помыслы, кроме греховных? *Без числа согреших, помилуй мя!* – молился преп. Серафим Саровский, вся пронизанная благодатью жизнь которого и состояла из этой молитвы. *Томлю томящего мя,* – говорил он о своих веригах. Ибо познавая Бога, мы открываем в себе Его врага, который отец лжи. *Держи ум во аде и не отчаивайся* (св. Силуан Афонский). Потому что ад внутри нас, а Бог есть *огнь поядающий*. А поядает Он не

только то, что мы сами воспринимаем как плотское, ветхое, заключенное в кожаных ризах Адама, но и всякое поползновение души, убегающее от Бога. Само наше мышление, одолеваемое «помыслами», должно быть очищено до ангельской прозрачности, чтобы не сказать, полного внутреннего безмолвия, освобождения от всякого шума мирского. «Умственные занятия способны отвлекать человека от смирения и Бога и привлекать к самомнению и поклонению своему я» (преп. Игнатий Брянчанинов). Пусть нам невместимы эти слова, но, если следовать за «разумом» *поядающего огня*, они, увь, чистая правда. Захочет, сможет ли настоящий молитвенник заниматься математикой, философией, писать музыку, светскую живопись или стихи, когда единственная его забота – низвести ум в сердце, которое хочет заполнить себя Богом, но постоянно осаждаемо дьяволом? Его дом – пустыня, населенная бесами, часто принимающими вид диких зверей с оскаленной пастью. Днем – зной, ночью — холод, всегда – пост и бдение... Святость апокалиптична, *земля и все дела на ней сгорят*, – говорит ап. Петр (см. 2 Пет 3:10), – да и святой, *если спасется, но так, как бы из огня* (см. 1 Кор 3:15).

И тогда, обернувшись на себя, понимаем: мы, читающие эти строки, живем далеко от святости. Те пятиминутные, редко дольше, покаяния, которые мы выносим на исповедь, с грузом на совести куда более тяжким, чем у преподобных, наши ленивые, безрадостные посты – ничто по сравнению с их покаянием, их томлением плоти, их столпничеством, их молитвенным воплем. Всякая пылинка греха весила для них больше чем для нас бревно... Святость столь требовательна, что, призывая своих солдат, она сразу бросает их в бой и ни на день не дает им отпуска...

Способ, коим Бог открывается в мире

Она посылает в сражение, не обещая при этом никакой награды. Не только какой-нибудь духовной славы, пусть даже отдаленной, но даже и законной платы за труды. По честному трудовому контракту. Уж коли вся жизнь твоя – молитва и умерщвление плоти, то пусть хоть воссияет свет твой пред человеками, и они воздадут тебе должное... Но какое там! света нет и в помине, а вместо него дышит на вас, как из погребца, какая-то затхлая мгла. Разве не знаем мы туповато-агрессивных ревнителей, почти все, что велено, буквально исполнивших, отдавших тело на крайнее истомление, а не то, что любви не имеющих, но просто злобой изнутри поедаемых и источающих ее вовне? И интеллект бывает высоким у подобного Ферапонта («Братья Карамазовы») и необъятное образование, но сердце как окаменеет, в холодном отвержении мира и всего, что в нем любит, болеет, заботится, копошится, так ничем его не растопишь. Все видимые условия святости как бы соблюдены, но где хоть какой-то отблеск ее? Потому что возникает и расцветает она не только от трудов человеческих, но и от Божия участия в них. Потому что, помимо памяти о теофаниях в опыте отцов, помимо неопалимой купины невдалеке от нас, помимо самого яростного самоотречения, требуется еще чтобы Бог сказал нам «да». И если первое – это скорее внутренний опыт, непроницаемый для других, второе – подвиг тела и духа, который виден только тому, кто совершает его, то третье – это благословение Божие, которым все освящается не отсюда, а с высоты, нам неведомой. И все вдруг преображается в этом свете. И вся жизнь с чередой поступков и встреч, вхождений и выхождений

выстраивается как икона.

Потому что святость – это способ, которым Бог открывает Себя в мире. Она есть образ или канал Его откровения. Когда человек узнает это откровение, он благодарит. Возвращение и умножение полученного даром – сердцевина святости. «*За все благодарите*» (1 Фес 5:18). Литургически благодарение совершается в таинстве Евхаристии. Но за пределами литургии оно может охватить собою все человеческое существование, осветить собою все сущее. Даже *мир сей*, в котором меняются законы естества. Оттого православные отшельники водили дружбу с медведями, Франциск кормил присмирившего братца-волка, ибо и хищники перенимали от святых что-то из их благодати и подражали их кротости. И все это есть таинство благодарения, т.е. ощущения сотворенности мира, в котором – изначально, по замыслу Божию все – *хорошо весьма*. Но вот что удивительно: это *хорошо весьма*, сказанное творению и неистовое умерщвление плоти часто следуют рука об руку и совместно благодарят...

Иное зрение

Бог иногда наделяет человека острым зрением, умением распознавать то место, где загорается Его куст. Правда, в обыденной жизни чаще развивается иное зрение, которое проникает совсем в иные злые места. Где мы бываем более всего внимательны, находчивы, остро словны? В способности разглядеть, высмеять, вытащить из-под спуда изъяны, пороки, нелепости у других. Словно кто-то водит отточенным нашим умом, наделяя его часто не свойственной ему проницательностью при разгадывании низин и впадин чужой души. Такой-то

притворяется благочестивым, делает все для того, чтобы его хвалили, но если узнать его подноготную... Вот эта кажется всем матерью, готовой на все ради детей, а на самом деле обожает себя любящей. Выведение на чистую воду того, что припрятано у другого, есть, по сути, стыдливый способ самопознания; мы находим в ближних то, что не хотели бы найти в себе. Ибо мы не могли бы ни до чего дознаться, если бы не носили в себе того же самого. Со святыми бывает как раз наоборот, они узнают искру нездешности во всяком грешнике, и этой искре радуются. Не только радуются, но и берут ее взаймы, добавляют к своему запасу добра, который сами в себе не видят, ибо видят его в других.

Святость – это новое зрение, открывшееся в человеке, и в нем есть парадокс. Его не надо разгадывать или рационализировать: «с одной стороны, да, с другой...». Да, с одной стороны: *не любите мира, ни того, что в мире*, а с другой – через то, что мы называем миром, просвечивает художница-София, которая открывается отнюдь не всяким глазам. Но есть еще неузнанная, утаенная красота, как бы стоящая на пороге видимого, она ищет дверь, которую мы ей откроем, хотя чаще находит ее запертой. Если все вошло в мир через Слово Божие, то это Слово можно услышать из всего сотворенного (интуиция ранних Отцов и св. Максима Исповедника), но лишь *имеющие уши* различают его. Но есть еще мир, который не вошел в зримую, здешнюю реальность, и он входит через нас, творится Богом святым и в людях становится падшим. Святость есть прежде всего преодоление падшести.

Мы называем себя верующими, но вера сама по себе еще не «приговаривает» нас к святости. Она лишь утверждает упование на бытие Бога с нами, на то, что

Бог есть. И это «есть» обретает свою конкретность в святости. Бог есть здесь и сейчас, в этой встрече, в таком-то посланном Им событии, которое есть *место обитания Твоего*, как говорит Библия. В нем мы иногда узнаем Бога. Но вступая в это место или приближаясь к нему, мы открываем в себе то, что не может ни войти в него, ни приблизиться. Вера разделяет святое и падшее, и мы сами оказываемся в центре этого разделения. Открывая Бога или указывая на тот просвет, который ведет к Нему, вера в то же время ставит нас перед собственной ущербностью. Перед реальностью того, что *я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой*. И тогда начинается та долгая череда усилий по очищению крова, о которой говорилось ранее. И никогда не кончается.

Каждый святой делается собственной, персональной вестью о Боге. Существует общая, ко всем обращенная весть – Священное Писание. Писание говорит о святости истории, которую Бог освятил Своим участием, открывал Себя в ней, меняя Свой лик и закон от Десяти-словия до Заповедей Блаженства и Нагорной проповеди. *Вы слышали, что сказано древним... А Я говорю вам...* Новое слово Иисуса не отменяет старое, но раскрывает в нем неожиданную глубину, и в каждом святом она предстает по-своему.

Исповедание красоты

Всякий, кто исповедует Меня перед людьми, того и Я исповедую перед Отцом Моим Небесным. Мученичество, аскетика, милосердие, молитва, проповедь, миссия – это способы исповедания Христа, но не только. Они суть образы красоты нашего Бога. Образов исповедания много больше, и каждый из них по-своему до-

носит эту красоту. Христианским святым становится тот, чья жизнь проживается как исповедание красоты Доброго (по-гречески «прекрасного», – kalòs) Пастыря. Его личность, слово, улыбка, речь, выражение глаз – есть тот язык, на котором Пастырь говорит с нами. Исповедание святых часто обходится без слов, но достигает нас. Среди людей, которых мне приходилось встречать, святые отличались тем, что являли собой то, что изначально было *хорошо весьма*.

Я вспоминаю встречу с Роже Шютцом, основателем общины в Тэзе. Он буквально источал вокруг себя мягкий дружественный свет. Признаюсь, для меня это внутреннее излучение веры всегда было убедительней рациональной ее оболочки. Формулы исповеданий могут быть разными, как и дары Духа Святого, но эти дары можно не только друг другу противопоставлять, ими можно делиться. Для меня это не столько принцип экуменизма, сколько очевидность жизни с Богом, которая живет там, где хочет. Роже Шютц жил, казалось, в каком-то близком соседстве с Богом и умер как агнец на заклании, *не отвержая уст своих*. Митрополит Антоний (Блум) жил своей верой, как непрерывно длившейся встречей со Христом. Она происходила в его проповеди, разговоре, молитве, приветствии, взгляде, и всякий, кто сталкивался с ним, тотчас ощущал какую-то человеческую интенсивность, «плотность» его исповедания-встречи. В отце Александре Мене ощущалась неоспоримая, покоряющая благодать апостольства – петрово стояние на камне, с которого не сдвинешь, и павлово – *быть всем для всех*, чтобы спасти (вразумить, крестить, привести к таинству) хотя бы некоторых.

«Недостанет мне времени, чтобы повествовать»

(Евр 11:32) о всех встреченных праведниках, отмеченных образом Доброго Пастыря, *дары их были различны, Дух один и тот же*. Все знают о харизмах духовничества, ясновидения, исцелений, когда они подлинны, то неоспоримы для всех. Правда, чаще мы имеем дело с подражателями этим дарам, чем с их носителями, ибо эти способности имеют несомненный «успех» в православном мире, и многие, играя в старчество, любят, высоко взобравшись, восседать на *Моисеевом сидалище*. Но «доброта» святости чаще всего прячется от внешних глаз. Существуют совсем незаметные виды праведности, например, благословение надежды, когда надежды нет. Или простота перенесения страданий, как физических, так и душевных. Есть даже красота прощания с жизнью, я видел ее, среди прочих, в Оливье Клемане, когда посещал его в период долгого его умирания. Во всех этих проявлениях святого спонтанно и неизменно действует закон отречения от ветхого, тяжелого «я», которое хочет любым путем зацепиться за уходящий день, продлиться еще немного, а при неудаче объявляет своим врагом мироздание. Но и в повседневной жизни разбросаны какие-то узелки, светлячки, иносказания Божии, которых мы не замечаем. Чтобы видеть святость, надо быть ей причастным. В отказе от роли старца бывает больше верности Богу, чем в исполнении ее.

А в Церкви?

Труднее всего говорить о святости Церкви, потому что мы тотчас должны выбирать: говорить о ней так, как она сама о себе говорит, или описывать ее чужими для нее, заемными, грешными словами. Церковь, по

Писанию, есть Тело Христово, но предстает она нашим глазам в виде сакрального учреждения. В Церкви существуют два вида святости – институциональная святость Мистического Тела, и личная – как призыв следовать за Христом, адресованный каждому. Есть святость таинств, икон, облачений, обрядов, церковных титулов, наконец, святость формул веры, исповедуемых Церковью, но есть еще святость даров, которые *силою берутся* (см. Мф 11:12), требуют личного подвига. Мы слишком привыкли разделять эти два вида святости, словно одна из них, институциональная, небесна и виртуальна, и все наши высокие Преподобия, Преосвященства, Блаженства, Святейшества никогда не будут давать отчет о соответствии смысла слова и человеческой сущности. Но Писание не знает условных святых, и Христос в Свое время терпеть не мог номинальных праведников. *«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру...»* (Мф 23:23). Суд над собой, милость к другим, вера как деятельное утверждение правды Божией – не состоит ли в этом евангельская формула святости?

Драма нашего – далеко не только нашего – времени – резкий, иногда режущий контраст между ожиданиями от Церкви невидимой и ее здешней учрежденческой реальностью, к которой принадлежим все мы, церковники и миряне. Но в эсхатологической перспективе условное и институциональное в Доме Божиим должно влиться в реальное и личностное. *Милость и истина сретятся, правда и мир облобызаются*, – говорит Псалом (84:11). Истина веры не может далеко отстоять от правды и милости, для которых нет конфессиональных границ. Такая правда удостоверяется *свидетельством от*

внешних, на котором настаивает ап. Павел (см. 1 Тим 3:7), она есть правда-святость, которая должна быть очевидна всем, в том числе, и стоящим вне Церкви. Поэтому, на мой взгляд, пророческим было прославление Вселенским Патриархом матери Марии Скобцовой с ее сыном Юрием и священника Димитрия Клепинина, – как святых совести, погибших ради спасения евреев, на которых и по сей день как бы лежит коллективная вина за распятие Христово. Однако пророческая новизна этой канонизации состоит не только в том, что она провозгласила правду человеколюбия, но и словно приоткрыла лик Распинаемого в облике каждого мученика, безвинно принимающего боль и смерть.

Возможно, это святые будущего, но не только. Есть и в прошлом пророческие фигуры, которые давно ждут церковного прославления. Вспоминаю Фридриха или Фёдора Гааза (1780–1853), в жизни которого не было других дел, кроме исполнения пророческого призыва *«Спешите делать добро»* (см. Ис 1:17). Добро было в том, чтобы слышать чужое страдание и посильно – вопреки инерции вековой российской бюрократии и всеобщего равнодушия – облегчать жизнь каторжников, обитателей тюремных больниц и ночлежек. Если для немца еще можно найти уголок в наших святцах (первый юродивый на Руси, св. Прокопий Великоустюжский, был немцем), то уж для католика места пока не может быть никак. Но место ему, Фёдору Гаазу, именно в православных святцах, ибо именно за русских положил он душу свою. Но когда-нибудь *Господь в переписи* (святых) *напишет: «такой-то родился там»* (см. Пс 86:6). Эта перепись еще далеко не прочитана, и однажды, я думаю, мы должны будем найти в ней имена боярина Федора Ртищева, собрата доктора Гааза,

одержимого добром в эпоху Алексея Михайловича, (о нем есть прекрасный очерк Ключевского), и отцов Павла Флоренского и Сергия Булгакова, безусловно святых, но «непростительно согрешивших», родившихся гениями и потому сказавших слишком много...

Лицо нашего Бога

Есть слова о святости, одни из любимейших мною в Писании: *«Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!»* (Гал 4:19). Язык иногда сам гениально находит суть того, что мы хотим выразить. В другом варианте: *«Пока вы не станете подобием Христа»* (в переводе В. Н. Кузнецовой). Синодальный перевод, коего пишуший эти строки отнюдь не безусловный поклонник, в данном случае не только выразительнее, но и несет иной смысл, выражает собой динамику чуда, неожиданность проступившего изображения.

Вот эта «форма Христа», икона Его, которая ложится на человека, всегда личностна. Христос проступает – «тайно светит» – через человека, и его человечность приобретает то, что было дано ей от начала: прозрачность, легкость, строгость, иконописность, подлинность. И тогда мы прозреваем лицо нашего Бога в облике человека. Оно – как свидетельство о неоспоримой правде Божией, которая *изображаясь* в людях, делает наш мир неопалимой купиной.

Такое изображение – за пределами молчания – единственный критерий святости.

Италия, Брешия
Июнь 2015

СОВРЕМЕННЫЕ ЦЕРКОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

«СВЯТОСТЬ – ЭТО ЦЕЛЬ ЖИЗНИ ВСЕХ ЛЮДЕЙ»

Беседа с архиепископом Телмисским Иовом (Геча),
Экзархом Вселенского патриарха Варфоломея,
предстоятелем православных русских приходов
Западноевропейского Экзархата
Вселенского патриархата

Наталия Большакова: Здравствуйте, владыка Иов! Расскажите, пожалуйста, о себе; из какой Вы семьи, где родились, учились? Что помогло формированию Вас, как личности, что оказало наибольшее влияние – люди, события, книги?

Владыка Иов: Я родился в Канаде, в городе Монреале. Мой отец – украинец, он приехал в Канаду. Моя мать родилась в Канаде, она французского происхождения. И я воспитывался, можно сказать, в двойной культуре. В украинской – славянской, и в западной – французской. В Канаде мы жили во франкоязычном городе, но, тем не менее, Канада страна двуязычная – франко- и англоязычная, и поэтому с детства я изучал в школе английский язык и, получается, что у меня четыре родных языка: французский, английский, украинский и русский, который был в семье, и который практиковали на приходе. Мои родители были церковные люди, они регулярно ходили в храм вместе со мной, так что, можно сказать, я вырос в церкви.

Однажды был такой случай: мне исполнилось девять лет, и настоятель сказал отцу, что я должен в следующее воскресенье прийти в церковь и прислуживать в алтаре. Всю неделю я со страхом думал об этом, потому что боялся алтаря и не хотел туда заходить.

Но, поскольку настоятель благословил, отец сказал, что надо пойти и я, по послушанию, пошел в алтарь. Это была моя первая литургия, на которой я прислуживал как пономарь. В тот день произошла какая-то внутренняя перемена в моей жизни, и я почувствовал, что вся моя жизнь будет связана с алтарем. Так в девять лет я попал в алтарь.

И, конечно, я начал регулярно прислуживать в храме и чуть позже, когда мне было лет 15–16, стал читать на клиросе, но, в основном, я помогал в алтаре. Со временем я стал иподьяконствовать при епископе, когда епископ приезжал.

В школе я хорошо учился. Лучше всего мне давались физика с математикой и все преподаватели, друзья и коллеги в школе думали, что я стану математиком или физиком. Но у меня с девяти лет была моя первая любовь – богословие. Постепенно я начал читать разные богословские книги, и мне было ясно, что я пойду на богословский факультет.

Н. Б.: И это было с девяти лет, с тех пор, как вы первый раз вошли в алтарь?

Вл. Иов: Да, тогда началось и постоянно развивалось и поэтому, когда я заканчивал школу, то, к удивлению всех, я решил не поступать на математику или физику, а пошёл на богословский факультет.

Это было в другой провинции Канады, в Манитобе, в городе Виннипег. В то время это был единственный православный богословский факультет, который существовал. Он был основан украинской диаспорой, и я там изучал православное богословие четыре года. Собственно, это был как бы богословский институт, у нас было общежитие, часовня... отдельные лекции, но этот богословский институт находился на территории уни-

верситета. Находится до сих пор. Есть договор с университетом и многие лекции, такие как филологические, историю, языки, литературу мы слушали в университете, а чисто богословские предметы изучали в нашем институте.

В том же городе, где я учился, жил наш украинский митрополит, который знал меня с детства, и я, в течение моей учебы, при нем иподьяконствовал.

У нас в институте был замечательный преподаватель — отец Олег, который был франкоязычным, так как до этого жил во Франции.

Он очень любил и ценил Парижскую школу богословия и всегда давал на лекциях читать книги Владимира Лосского, отца Сергия Булгакова, отца Александра Шмемана, отца Иоанна Мейендорфа, отца Георгия Флоровского. Поскольку эти книги в большинстве своем существовали на английском языке, он нам давал их, как обязательное чтение, но так как я знал и французский, то для меня он имел отдельную программу — добавлял какие-то книги, которые не были переведены на английский, — на французском. И всегда требовал от меня на лекциях какие-нибудь презентации этих книг. Зная, что меня интересует эта школа богословия, он настаивал на том, чтобы я после окончания университета поехал учиться в Париж, в Свято-Сергиевский институт.

И в 1996 году с благословения моего митрополита Василия Виннипегского (ныне уже покойного), а тогда возглавлявшего в Канаде Украинскую митрополию Константинопольского патриархата, я поехал в Париж.

Н. Б.: А она сохраняется и сейчас, эта митрополия?

Вл. Иов: Да.

Но перед отъездом во Францию владыка Василий постриг меня в рясофор, поскольку у меня было призвание

к монашеской жизни, рукоположил в дьяконы и через несколько дней отправил в Свято-Сергиевский институт. Здесь, можно сказать, начался второй этап моей жизни. Как только я приехал в институт, я почти сразу начал петь на клиросе в церкви Свято-Сергиевского подворья. Хотя Николай Михайлович Осоргин – регент хора, – был довольно строгим человеком, он не всех допускал сразу на клирос, но, увидев, что я хорошо знаю и устав, и церковное пение, потому что я с детства участвовал в богослужении в храме, он почти сразу допустил меня петь на клиросе.

У меня было такое удивительное ощущение, что, хотя я приехал просто продолжать свое обучение (это был 1996 год), но я почувствовал, что с этим местом будет связана моя жизнь.

Н. Б.: Простите, владыка, а как ваше имя, которое дали вам родители?

Вл. Иов: Игорь. А при иноческом постриге получил имя Иова в честь Иова Почаевского.

Н. Б.: А призвание к монашеству вы тоже в детстве ощутили?

Вл. Иов: Ну... в юности...

С той поры, когда я начал интересоваться богословием, читать книги, меня всегда интересовало и удивляло, какая была связь и какое влияние имело монашество на богослужение.

Я с детства интересовался литургией. Это направление богословия меня больше всего увлекало, поскольку в моей жизни большое место занимали храм и богослужение.

А литургия, конечно, очень связана с монашеством. К тому же, я любил читать жития святых, меня привлекала жизнь монахов. В юности, лет в 16–17 вместе с

настоятелем мы поехали в Джорданвилль, такой известный в Америке монастырь, принадлежащий Русской Зарубежной Церкви, — это был первый монастырь, который я посетил, меня это сильно впечатлило и у меня появилось стремление к монашеской жизни. Потом, когда я учился в Богословском институте, летом меня послали в Польшу, в православный мужской Яблочинский монастырь, находящийся недалеко от Люблина. Митрополит Евлогий (Георгиевский) в начале XX века был викарным епископом люблинским.

И в 1996 году я принял иноческий постриг, дьяконскую хиротонию, приехал в Париж, учился на богословском факультете, и здесь жизнь меня связала с архиепископом Сергием (Коноваловым)¹, ныне покойным, который меня очень полюбил и брал с собою в пастырские поездки по приходам. В эти же годы я начал служить здесь, в Кафедральном соборе святого Александра Невского. Почти семь лет служил дьяконом при владыке Сергии. И в Богословском институте в Париже, через два года после приезда, в 1998 году я защитил магистерскую работу, потом записался на докторантуру. Мой митрополит Василий из Канады благословил, чтобы я продолжал учебу. Докторантуру я делал в Свято-Сергиевском институте.

Н. Б.: А какая была тема диссертации?

Вл. Иов: «Богослужебная литургическая реформа митрополита Киприана Киевского». Был такой митрополит в XIV веке Киприан Цамблак, корни которого были болгарские, но он был учеником и духовным

¹ Архиепископ Евкарпийский Сергей (Коновалов, 1941–2003), глава Западноевропейского экзархата русских приходов Вселенского патриархата (1993–2003). См.: «...Бередить совесть этого мира», беседа с архиепископом Сергием Евкарпийским // «Христианос-VIII». Рига, 1999. С. 214–232.

сыном константинопольского патриарха Филофея Коккина, который потом его отправил на киевскую кафедру и митрополит Киприан, как раз, ввел на Руси богослужебную традицию, которую в Константинополе в то время установил патриарх Филофей. Это очень интересный момент, потому что Русь всегда была тесно связана с Византией, но в то время, в XIV веке, веке исихазма, митрополит Киприан являлся живым мостом между Византией и славянским, русским миром.

Н. Б.: И эта его богослужебная реформа приблизила Церковь в Киеве, на Руси к византийскому богослужебному кругу?

Вл. Иов: Как раз в этот период в Византии богослужение унифицируется и монашеская традиция начинает преобладать. И митрополит Киприан, который познакомился с патриархом Филофеем, ещё когда он был монахом, а патриарх был игуменом на Афоне и потом, когда Филофей стал патриархом, он взял Киприана с собой в Константинополь, он эту всю традицию передал на Русь.

Н. Б.: Простите, это касалось Евхаристии непосредственно тоже?

Вл. Иов: Это касалось разных пунктов, но, в основном, суточного круга богослужения – вечерни, утрени, часов... В Евхаристии мало что изменилось...

Ну, вот... Докторантуру я делал в Свято-Сергиевском институте и параллельно в Католическом институте в Париже, который был основан в 1875 году как Католический университет.

И я защитил докторскую диссертацию. Это была как бы двойная защита – одновременно и в Свято-Сергиевском богословском институте и в Католическом институте.

Н. Б.: То есть одну и ту же работу вы защитили в двух учебных заведениях?

Вл. Иов: Да, одновременно, потому что есть соглашение между Свято-Сергиевском институтом и Католическим институтом. И у меня было два научных руководителя — один католик и один православный.

Н. Б.: Назовите, пожалуйста, имена этих ученых.

Вл. Иов: Православный был профессор Андрей Лосский, внук Владимира Лосского, сын Николая Лосского, а католик — известный католический литургист Поль Де Клерк (Paul de Clerck).

Защита была в 2003 году в июне месяце, а в начале 2003 года скончался архиепископ Сергей (Коновалов). Покойный архиепископ Сергей очень настаивал, чтобы я оставался во Франции, потому что он считал, что я нужен для Богословского института. Он об этом много раз говорил с Вселенским патриархом Варфоломеем, с которым я знаком с 1994 года, но об этом я расскажу отдельно и, конечно, мой митрополит Василий в Канаде, который очень меня любил, не хотел отдавать меня, но, в конце концов, Патриарх объяснил ему, что это важно, и он согласился.

Так случилось, что митрополит меня отпустил через несколько дней после смерти владыки Сергея, но это не связано с его кончиной. Так получилось. И в 2003 году, когда правящим архиереем стал владыка Гавриил (де Вильдер), он меня рукоположил в священники. Как раз это произошло в день моей докторской защиты. С утра была хиротония, а после обеда была защита диссертации. Так тоже получилось. И тогда же в 2003 году я стал профессором Богословского института в Париже и священником на Сергиевском подворье.

Н. Б.: И степень доктора у вас была и от Католического института, т.е. это были две защиты?..

Вл. Иов: Это была одна защита, потому что есть договор и в комиссии – половина была профессора Католического института, а другая половина – от Богословского института. Каждый институт дает свой диплом. Затем, в 2005 году, я был избран деканом Свято-Сергиевского института и был им до конца 2007 года.

Н. Б.: Да, мы с Вами тогда встречались в институте... Это был июнь 2007 года.

Вл. Иов: Да.

Вы меня спрашивали о моем детстве, о моих родителях, о моем образовании...

Н. Б.: Тут еще был вопрос – это всегда очень интересно: можете ли Вы назвать кого-то, кто оказал большое влияние на Ваше формирование, мироощущение, на выбор пути?..

Вл. Иов: Конечно, многие повлияли, но, могу сказать, что когда я начал в детстве интересоваться богословием, то, довольно быстро ко мне попали книги богословов Парижской школы. Так как я был франкоязычный, а многие книги издавались в Париже, то я начал читать... Мейендорфа и Шмемана я уже знал до богословского факультета. У нас было много профессоров на богословском факультете в Виннипеге, но самое большое влияние оказал на меня отец Олег Кравченко, о котором я уже упоминал, он меня как-то очень тесно связал с Парижской школой богословия. И можно сказать, что книги Лосского, Флоровского, Сергея Булгакова, Иоанна Мейендорфа, Александра Шмемана, – они стали для меня настольными книгами. Я имею в виду, что все они – основа моего богословского образования. Но есть и другие богословы, оказавшие влияние на меня, но это была, как бы, база.

Потом, я должен сказать про 1994 год – мне было 20 лет, – это был удивительный год многих встреч. Летом меня отправили в Польшу, в Яблочинский монастырь и там я встретился с архиепископом Авелем, который меня очень тепло принял и, надо сказать, что владыка Авель и отец Олег Кравченко очень повлияли на то, что я потом принял монашество. Отец Олег был женатым священником, у него была большая семья, он меня очень любил, был моим наставником, профессором на факультете, был моим духовником. Он с самого начала мне говорил: «Конечно, ты можешь жениться, иметь семью, быть священником и служить в церкви, но если ты хочешь себя полностью отдать церкви, ты должен принять монашество». Он мне это говорил, когда я еще был студентом, я не совсем понимал его и даже был удивлен: как может быть, что женатый священник говорит, что нужно принимать монашество?.. Это было немножко непонятно. И потом, когда я был в Польше, владыка Авель говорил: «Ну, что, будешь принимать монашество?» Я ему говорю: «Я не знаю, я еще молодой. Я еще не принял решения». А он мне говорит: «Христос нуждается не в старых солдатах, а в молодых». Эти два человека как-то повлияли на то, что я потом пошел по монашескому пути. Тогда еще не было принято решение – в 20 лет, – но уже в 22 года я решил принять иноческий постриг.

Но в 1994 году я еще был в Константинополе на богословской конференции, организованной СИНДЕСМОСом для всех православных богословских факультетов и богословских школ. И наш факультет в Канаде отправил меня, как представителя от студентов, и это было большое событие в моей жизни, потому что там я встретился с богословами. Я познакомился там,

например, с Каллистом Уэром, тогда он был еще епископом, а теперь он – митрополит, и мы с ним на той конференции много общались и с тех пор мы с ним поддерживаем связь; познакомился и со многими другими богословами. Там я встретился с Вселенским патриархом Варфоломеем, который принимал всех участников конференции. У патриарха Варфоломея феноменальная память – он встречает человека один раз и каким-то образом помнит его потом всю жизнь. Я тогда был молодым студентом из Канады и как-то он обратил на меня внимание и пожелал мне успехов в учебе. Так с 1994 года мы и поддерживаем с ним отношения. Патриарх любит, чтобы ему посылали богословские статьи, и я начал посылать ему свои богословские статьи, которые я стал публиковать в научных журналах, и Патриарх всегда с большим интересом следил за моими статьями и каждый раз, когда я с ним где-нибудь пересекался, он спрашивал, какие у меня новые богословские статьи.

Конечно, я имел книжное влияние, потому что Владимира Лосского, Шмемана, Мейендорфа и других богословов Парижской школы я не знал лично, но их труды меня формировали, оказали на меня сильное воздействие.

Плюс живые контакты с людьми. Например, личность митрополита Каллиста Уэра меня всегда поражала. Я видел в нем и великого ученого, и великого пастыря: епископ в Оксфорде, и, одновременно, богослов и пастырь, духовник местной православной общины. Так же оказала на меня большое влияние личность патриарха Варфоломея. Патриарх – человек огромных знаний, он получил разнообразное богословское образование: после богословской школы на Халке, возле Константинополя, он учился в Риме, где защитил док-

торскую диссертацию, затем продолжал свое обучение в Германии, в Мюнхене; потом – в экуменическом институте в Швейцарии, в Боссей; он знает много языков. Но больше всего меня поражает, как Патриарх просто и сердечно встречается с людьми. Куда бы он ни приехал, он близко общается со многими людьми, как с членами своей семьи, он помнит бабушек, детей, молодых людей – как отец, как истинный пастырь. Это в нем меня сразу очень поразило и повлияло на мое личное формирование.

Есть, конечно, и другие люди, повлиявшие на меня, встреченные мною по промыслу Божию, и с которыми я связан много лет...

Н. Б.: Прошел год, как Вы были избраны архиепископом и вступили в свою должность главы православных русских приходов Западноевропейского Экзархата Вселенского патриархата. Как Вы оцениваете первый год Вашего служения в качестве предстоятеля Архиепископии?

Вл. Иов: Ну, этот первый год, надо сказать, был очень насыщенный, утомительный и, в каком-то смысле, трудный. Насыщенный, потому что я постарался максимально посетить приходы нашей епархии. 120 приходов – это немалое число, но, конечно, бывают епархии, в которых еще больше приходов, но сложность в том, что эти приходы разбросаны по всей Европе. Приходится часто путешествовать: в Англию, Италию, Скандинавию, Германию, Бельгию... Если маленькая территория, скажем в Греции или в России, где епископ может посетить в течение недели 10 приходов, то здесь не получается, потому что приходится ехать из одного конца Европы в другой, тем более, что люди работают, и в основном приходская жизнь происходит в субботу

и воскресенье, и нет смысла разъезжать по приходам на неделе. Поездок было много и, конечно, они утомляют. Мне удалось посетить 31 приход и несколько монастырей. В епархии накопилось много проблем: административных, кадровых, организационных, экономических. Дело в том, что мой предшественник владыка Гавриил долго болел, так что последние годы он не мог часто посещать приходы, многие вопросы не были решены. Это одна причина. К тому моменту, когда я вступил на кафедру, – и это все знали, – в епархии не существовало мира, были разделения, была конфронтация между разными тенденциями, группами верующих, так что надо было постараться принести дух мира и, одновременно, навести порядок в епархии. Это не так просто. Кроме того, – возраст епархии. Она существует уже больше 90 лет и, как человек с возрастом стареет и должен лечиться, так и в епархии надо с возрастом обновлять кадры, адаптировать администрацию к современному миру. Так что здесь много проблем. Например, вопрос финансов. Если при основателе Архиепископии, митрополите Евлогии, можно было жить на пожертвования прихожан, то сейчас надо организовывать жизнь по-другому. Есть много вопросов, которые надо решать и которые нелегко решаются, так что первый год был насыщенный, утомительный и трудный.

Н. Б.: Но за этот год, первый год Вашего архипастырского служения было много сделано... Как Вы сами оцениваете?

Вл. Иов: Да, было много сделано, но я, в каком-то смысле перфекционист, так что я вижу недостатки, а успеха как-то не вижу.

Слава Богу, что Господь посылает хороших сотрудников, но, конечно, проблема с кадрами еще полностью

не решена, нужны кадры и, конечно, что говорить, — нужны средства! Ведь когда приходится взять человека, чтобы он работал в епархии, нужно найти для него и жилье и средства, чтобы он мог существовать. Я бы сказал, что до того, как я стал архиереем, моя жизнь была, в основном, связана с богословием, а теперь — все больше связана с экономическими вопросами.

Н. Б.: А Епархиальный совет выполняет свою работу, является опорой для архиерея?

Вл. Иов: Конечно, Епархиальный совет должен взять на себя часть работы, действовать и помогать архиерею выполнять задуманные проекты.

Все мои предшественники, — и владыка Гавриил, и владыка Сергей, всегда на епархиальном собрании говорили, кого они видят в Епархиальном совете. Епархиальный совет, который есть сейчас, был выбран до моего избрания...

Н. Б.: Владыка, к какой кафедре, какой епархии относится Ваш титул — «Телмисский»?

Вл. Иов: Город Телмисс находится в Средней Азии, — теперь Турция, на юге, на берегу Средиземного моря. Многие русские сейчас едут отдыхать в Анталию. Можно сказать, что этот город расположен на Запад от Анталии. И это древняя епархия, которая когда-то была частью Мирликийской митрополии.

Н. Б.: А титул дает патриарх?

Вл. Иов: Титул дает Синод.

Н. Б.: Мы знаем, что Вы преподаете в православных и католических учебных заведениях.

Где конкретно и какие предметы?

Вл. Иов: Я преподаватель Католического института в Париже и профессор в православном центре Вселенского патриархата в Шамбези в Женеве, и в обоих

институтах я преподаю литургическое богословие. В Католическом институте эти лекции имеют более экуменическое направление: сравнительная литургика и вопросы, которые связаны с экуменическим диалогом. Например, понятие «Таинства» в разных христианских конфессиях; отношение к смерти в разных христианских конфессиях, обрядовая сторона богослужения – как определенная конфессия это воспринимает, исполняет. А в Шамбези это богословский институт, аспирантура, открытый для всех православных поместных церквей, куда могут приехать студенты, которые получили какое-то богословское образование у себя на родине и которых Церковь присылает получить высшее образование. Там я читаю лекции по литургическому богословию и по догматике. Иногда меня приглашают читать лекции во фрибургском университете в Швейцарии, поскольку наш институт в Шамбези связан договором с университетом во Фрибурге и там есть богословский факультет. Меня также приглашает богословский факультет университета города Мец во Франции, где я защищал свою диссертацию – после докторской защиты есть ещё такая защита диссертации.

Н. Б.: А там какая была у Вас тема?

Вл. Иов: Тоже по литургии. Диссертация была по православной сакраментологии. Богословие таинства.

Н. Б.: Что Вы можете сказать о развитии богословия – православного, католического, протестантского в наше время? Есть ли, на Ваш взгляд, литургическое развитие, обновление церковной жизни?

Вл. Иов: Я, может быть, немножко пессимист, но в данный момент не вижу развития богословия. В XX веке было много православных, католических богословов, благодаря которым многое возродилось. Что же было

сделано в XX веке? Если не входить в детали, достаточно вспомнить три главные вещи – это было возобновление патристики, мы говорим о патристическом возрождении – в католическом мире это, в основном, заслуга Жана Даниэлю, известного богослова, мы говорим в православии о неопатристическом синтезе отца Георгия Флоровского, владыки Василия (Кривошеина)² – это век возрождения патристики. XX век был век возрождения литургики, литургического богословия. В католической среде Бернар Ботт возобновил понятие литургического богословия и наконец-то литургика нашла свое место среди богословских дисциплин, потому что до XX века литургику рассматривали просто как практический курс для исполнителя культа, где изучали обрядность – что, когда и как делать. Литургика просто считалась практической дисциплиной, а не богословской. В католической среде, благодаря Ботту и другим произошло обновление литургического богословия. В православной среде это было благодаря отцу Киприану Керну, отцу Александру Шмеману...

Патристическое обновление и литургическое обновление делалось гармонично вместе с католическим миром. Православные богословы встречались, общались, обсуждали вопросы вместе с католическими богословами. И третье – очень важное обновление XX века, – это возрождение евхаристической еkkлесиологии. В католическом мире это Анри де Любак, Жан-Мари Тийар, известный католический богослов, а среди православных богословов это, конечно, отец Николай Афанасьев

² См.: Модель С., прот. Основоположник «неопатристики» в православном богословии XX века: архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий (Кривошеин, 1900–1985). // «Христианос-XXIII». Рига, 2014. С. 277–302.

и митрополит Иоанн (Зизиулас). Можно сказать, что XX век был блестящим веком для развития христианского богословия. И развитие это было заметно не только в православной среде, но и в католической и, в какой-то степени, и в протестантской. Поэтому все обновление богословия как-то плодотворно повлияло и на развитие экуменического движения.

Сейчас, можно сказать, что, к сожалению, христианское богословие в начале XXI века находится в каком-то застое, не движется, хотя, слава Богу, нет какого-то упадка, деградации, хотя, до сих пор все придерживаются этих достижений XX века. До сих пор все православные богословы ссылаются на Шмемана, Афанасьева, Булгакова, Флоровского, Зизиуласа. Но пока не видно новых богословов, которые могли бы не только привнести что-нибудь новое, открыть новые перспективы, но которых можно было бы сравнить с богословами XX века. К сожалению, сейчас такой момент застоя. И этот застой наблюдается не только в православном богословии, но и в католическом. К сожалению. И из-за этого, если мы уж затронули немного вопрос экуменического движения, если в XX веке были эти блестящие богословы, которые вдохновляли экуменическое движение, то сейчас, из-за этой стагнации в богословии наблюдается упадок экуменического движения. Экуменическое движение, с одной стороны, отклонилось от богословских вопросов. Сейчас главные вопросы, которые обсуждаются в экуменических рядах, это, скорее всего, или политические вопросы или экономические вопросы: как поддержать права христиан в какой-то определенной стране мира, скажем, в Сирии или на Ближнем Востоке, или как помочь тем или другим христианам. Теперь вопросы богословия в экуменическом движении становятся второстепенными.

А с другой стороны, поскольку нет духовного обновления, сейчас во всех христианских конфессиях все больше и больше преобладает дух консерватизма и фанатизма и, скорее всего, в наше время большинство верующих относятся к экуменическому движению негативно.

Н. Б.: Расскажите, пожалуйста, об Ассамблее православных епископов Франции. Считаете ли Вы важным участие в этой Ассамблее?

Вл. Иов: Это очень важное явление. Слава Богу, что оно существует, потому что это помогает всем православным епархиям жить вместе. И как-то стремиться к единству и стремиться совместно отвечать на вызовы окружающего мира. Без этой Ассамблеи практически было бы трудно себе представить существование православных не только во Франции, но и в других странах. Но надо еще сказать, что православное население во Франции и в других странах Европы за последние десять лет категорически изменилось. Потому что, если еще десять лет тому назад во Франции, как и в других странах Европы, православными были второе, третье или четвертое поколение эмигрантов, то сейчас все больше и больше местное население становится православным. Или по собственному желанию, или по собственному пути духовному, или в связи с браком, — православный или православная создают брак с католиком, или протестантом, или атеистом, которые через брак встречаются с Православной церковью и решают стать членами этой церкви. Бывают разные причины...

Можно сказать, что еще 10 лет тому назад было такое главное движение — создание местной Православной церкви. Не греческой, не сербской, не румынской, не русской, а местной, скажем, французской Православ-

ной церкви. Но за последние 10 лет была новая многочисленная эмиграция и сейчас во Франции мы видим множество румын, грузинов, сербов. И это новое положение порождает, естественно, определенные пастырские нужды, и каждая Поместная православная церковь – румынская, грузинская, сербская посылает своих священников, своих епископов для окормления паствы. Развиваются новые приходы румынские, русские, грузинские. И если еще 10 лет назад можно было себе представить и говорить о том, чтобы объединить все православные епархии в одну епархию, то сейчас каждая Поместная церковь имеет свои интересы в том, чтобы развивать свои епархии и свои структуры. И это чувствуется в Ассамблее православных епископов, где каждый епископ, в первую очередь, заботится о нуждах своей паствы, а потом только о том, что есть общего...

Н. Б.: То есть говорить о стремлении Православных церквей к объединению пока не приходится?..

Вл. Иов: Сейчас интересы совсем противоположные. И мы видим, что РПЦ строит свои храмы, свои культурные центры, Румынская православная церковь строит свои храмы и культурные центры, Грузинская православная церковь, которая никогда не имела епархий за границей, – сейчас создает свои епархии в Европе. Вот такая тенденция и это связано с тем, что православное население во Франции, как и в других странах Европы, за последние десять лет совершенно поменялось, и сейчас пастырские нужды совершенно другие, чем десять лет тому назад, когда главная забота была в том, чтобы второе, третье, четвертое поколение эмигрантов не потеряло православную веру, и для этого нужно было переводить богослужения и всю пастырскую работу на местный язык, потому что был утрачен язык первых

эмигрантов (русский, румынский, греческий или какой-то другой), то сейчас главная пастырская забота, — я не говорю, что это уже не важно, но главная забота — это о новых эмигрантах, чтобы они не потеряли православную веру, чтобы как-то их объединить вокруг церкви.

Конечно, эта тенденция со временем поменяется, потому что уже видно, что для детей этих новых эмигрантов родной язык — не язык своих родителей, а местный язык. Так что через 10-20 лет опять все поменяется. Это происходит не по идеологическим причинам, а в связи с изменениями в мире.

Н. Б.: Скажите, а епископ МП в эту Ассамблею тоже входит?

Вл. Иов: Да, да! Епископ Корсунский является вице-президентом Ассамблеи православных епископов...

Н. Б.: А грузины?..

Вл. Иов: Грузины тоже. Но сложность в том, что грузинский православный епископ, как и болгарский православный епископ не живут во Франции. Они живут в других странах Европы и просто иногда приезжают. И если это совпадает со встречами Ассамблеи, то они тогда участвуют, но они не могут присутствовать каждый раз.

Н. Б.: А как часто происходят эти встречи?

Вл. Иов: Встречи Ассамблеи происходят примерно раз в месяц или полтора месяца.

Н. Б.: А в подготовке к Всеправославному собору, который должен быть в 2016 году, Ассамблея православных епископов принимает участие?

Вл. Иов: Существует целый процесс, связанный с подготовкой к Собору. Есть Межправославные подготовительные комиссии, которые готовят основные тексты. И есть Всеправославные Конференции, которые их

подтверждают. Эти тексты будут обсуждаться на Соборе. Каждая Православная Церковь назначает своего представителя для комиссий и конференций. Понятно, что когда Собор соберется, невозможно просто так обсуждать проблемы без каких-то подготовленных вопросов. Понятно, что Собор не будет, конечно, пассивно воспринимать эти материалы, но их нужно подготовить. Так что с 1960-х годов идет интенсивная подготовка материалов к Собору.

Н. Б.: С 1960-х годов?!

Вл. Иов: Идея Собора – возникла в начале XX века. Еще с 20-х годов говорилось о том, что нужно собрать Собор, какие темы обсудить. Но в 60-х годах состоялись первые подготовительные конференции, на которых выработали 10 главных вопросов, которые надо будет обсудить на Соборе, и начали готовить все основные материалы. Почти все документы готовы, но, конечно, за 50 лет некоторые из них устарели. Ну, почему устарели? Некоторые из них готовились во время «холодной» войны, во время коммунистического «железного занавеса» между Востоком и Западом. Поэтому надо некоторые вопросы откорректировать.

И относительно экуменического диалога, конечно, за 50 лет был большой прогресс и, одновременно, по каким-то вопросам было некоторое затруднение. 20 лет тому назад вопрос женского священства и вопрос однополых браков вообще не обсуждался в экуменическом диалоге. Сейчас это становится вопросом разделения разных конфессий. Так что некоторые тексты требуют пересмотра, корректуры, обновления. Для этого в 2014–2015 годах собиралась в Женеве в Шамбези в православном Центре Вселенского патриархата комиссия, которая складывается из представителей, назначенных

Синодами каждой поместной Церкви. И потом эти документы должны быть предварительно рассмотрены и подтверждены каждым Синодом поместной Церкви до того, как соберется Собор. Но можно сказать, что даже если иногда бывают какие-то затруднения, то в прошлом 2014 году, в Неделю торжества православия все предстоятели поместных православных церквей собрались в Константинополе на собрание, где они договорились и подтвердили, что Собор должен собраться в следующем, 2016 году в Константинополе.

Н. Б.: Какие-то надежды у Вас лично связаны с этим предстоящим событием?

Вл. Иов: Если говорить конкретно, я думаю, что есть много верующих, которые переживают и даже перепуганы, что этот Собор — принесет какую-то реформу, что этот Собор все поменяет в Православной церкви...

Н. Б.: Это Вы во Франции встречаете такое мнение?..

Вл. Иов: Везде... в России, в Греции, и даже во Франции...

Конечно, никогда невозможно предвидеть, что будет... Но сейчас я наблюдаю, что в Православной церкви преобладает довольно консервативный дух, так что я сомневаюсь, что великий и святой Собор Православной церкви, когда он соберется, сможет что-то радикально поменять.

Н. Б.: Зачем же чуть ли ни 100 лет вынашивать идею Собора, подготавливать его 50 лет, если невозможно будет что-либо решить на Соборе?

Вл. Иов: Думаю, что самое главное в связи с этим Собором, — это будет возобновление духа и практики синодальности, соборности в Церкви. Потому что уже довольно долгое время не было таких Соборов всемирного масштаба в Православной церкви, и она потеряла

этот живой опыт действия в мире, потому что за последние века, решения принимались отдельно Священными синодами каждой поместной церкви, и это до такой степени укоренилось в сознании, что православные думают, что у нас, как у протестантов, каждая церковь отдельно сама решает все вопросы. Потерян дух единства Православной церкви. Так что этот Собор должен возобновить дух единства и соборности всего православия. И кроме этого, не надо забывать, что с конца XIX века, т. е. за последнее столетие, конфигурация Православной церкви поменялась по сравнению с первым тысячелетием или даже с серединой второго тысячелетия. Потому что если в Православной церкви вначале было 5 патриархатов, — до разделения церквей, когда еще Рим входил в пентархию, и уже после разделения было 4 Восточных патриархата — Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский, а потом, в конце XVI века была добавлена Русская православная церковь — как автокефальная, а потом как Патриархат, — то в конце XIX столетия уже существует 15 автокефальных Православных церквей, так что структура церкви изменилась кардинально в конце XIX — начале XX века, и это тоже требует некоторого изменения в функционировании. Так что, я думаю, главная цель этого Собора — возобновить практику соборности Церкви. И уже когда эта структура будет работать, то можно надеяться что в будущем собираться на Всеправославный собор уже не будет так трудно, как сейчас. И тогда можно будет более конкретно обсуждать актуальные вопросы. Потому что, к сожалению, многие иерархи, богословы говорят, что эти 10 вопросов, которые будут обсуждаться на Соборе, которые очень важны — это вопрос церковного календаря, вопрос автокефалии,

автономии, вопрос диптихов, поста, вопрос экуменического диалога — многие иерархи и богословы говорят, что они уже, во многом, устарели. Потому что сейчас есть более существенные — и в пастырской и в церковной жизни — вопросы.

Н. Б.: Наверно, на Соборе не будет времени заниматься темой изменения устава и сокращения богослужебного чина?..

Вл. Иов: Это очень сложный вопрос, потому что в истории Церкви всегда по поводу богослужения были две противоположные тенденции: с одной стороны, с начала VI века была тенденция унифицирования, — чтобы везде все было одинаково... Мы начинали наш разговор от реформы патриарха Филофея, митрополита Киприана — это, можно сказать, вершина или апогей унифицирования, — чтобы везде было одинаково, но в то же самое время, с самого начала существования христианства, была тенденция разнообразия. Чтобы в каждой христианской общине была своя богослужебная традиция. Конечно, это не значит, что эти традиции не имели ничего общего, но в Риме не служили по тому же обряду, что и в Константинополе или в Александрии. Даже на Западе — в Риме не совершали тот же обряд, что и в Милане. Было разнообразие. Я всегда говорю своим студентам на лекциях по литургике, что мы не можем придумывать отсебятину, что у нас есть традиция и ее надо соблюдать и поэтому у нас один устав. Но, с другой стороны, нужно отвечать нуждам местной общины: есть общины, в которых люди говорят на разных языках, — приходится использовать разные языки, дублировать некоторые части богослужения или принимать какие-нибудь другие меры.

Есть маленькие общины, а есть – большие, и невозможно одинаково служить, когда вы находитесь в Кафедральном соборе, где 300–500 человек или вы находитесь в общине, где 10–20 человек. Надо делать некоторую адаптацию. И в этом вся сложность – это две противоположные тенденции: унификация, чтобы были одинаковые службы везде, а другая тенденция, – это учитывать нужды данной местной общины.

Н. Б.: Ведь важно, чтобы люди понимали богослужение, что в наших условиях далеко не всегда происходит...

Вл. Иов: Мы говорили о том, что сейчас наблюдается застой в православном богословии, что мы остались на том уровне богословия XX века, но надо сказать, что возрождение православного богословия, которое было в XX веке, пока еще не везде и не всеми воспринято. Отцы Киприан Керн и Александр Шмеман всегда подчеркивали, что нужно понимать богослужение.

А понимать богослужение – это не исключительно и не только вопрос языка. Это не значит, что надо просто понимать слова, потому, что даже богослужение в переводе на местный или ежедневный язык – на французский или, даже, русский язык в некоторых моментах не помогает понимать службу. Понимание богослужения связано с катехизисом, с тем, что необходимо понимать богословский смысл того, что происходит, а не только слова, которые произносятся. Но для этого нужна большая пастырская работа и, к сожалению, надо сказать, что мы остались не на уровне возрождения богословия в XX веке, а остались в менталитете XIX века, где богослужение просто исполняется.

Н. Б.: И это здесь, в Архиепископии, тоже есть?

Вл. Иов: Ну, здесь, может быть, слава Богу, поменьше, опять же благодаря Парижской богословской школе, но, в связи с новой эмиграцией, которая не воспитывалась в такой среде, эта проблема появляется.

Н. Б.: Ну, да... миряне непросвещенные...

Вл. Иов: Не только миряне, но даже и священники, которые, как говорил, отец Александр Шмеман, просто приходят «отслужить», которые отслужили, но не участвовали.

Н. Б.: У нас, к сожалению, это очень распространенное явление...

В чем, на Ваш взгляд, Владыка, самые большие проблемы в христианской церкви сегодня? И в чем Православная и Католическая церкви нуждаются сегодня более всего?

Вл. Иов: Я бы сказал, что одна из главных проблем не только среди христианских конфессий, но и всех религий, это с одной стороны фундаментализм, интегризм. Скажем, мир сейчас страдает от терроризма, которым славится ислам, но фундаментализм находится не только в исламе. Фундаментализм есть и в иудаизме, и в христианстве. И православный фундаментализм очень ярко проявляется в отрицании экуменического движения. Или в подозрении к нему. С чем связан фундаментализм? Фундаментализм связан с недостатком образования, с невежеством. Когда человек не знает достаточно свою веру, свою религию, он чувствует себя неуверенно. А поскольку он не уверен в себе, он видит, что все, что для него непонятно — все враждебно. Почему православные фундаменталисты боятся экуменического движения? Они боятся, что не смогут ответить католикам или протестантам. На самом деле, как говорил один из моих учителей, — экуменизм — это форма

православного миссионерства в XX и XXI веках. Когда мы идем на экуменическую встречу, – как говорил отец Георгий Флоровский, – мы идем не для того, чтобы все смешать: православную традицию с католической и с протестантской. Он говорил: «Мы идем на экуменическую встречу, чтобы свидетельствовать об истине». Но для того, чтобы свидетельствовать, – нужно знать. Я, как православный богослов, когда иду на экуменическую встречу, – я не боюсь. Я не боюсь, потому что я знаю свою традицию, я знаю свою историю, я знаю свою веру. Я могу обсуждать вопросы с католиками, с протестантами, потому что я могу свидетельствовать о своей истории и, поскольку, я знаю свою традицию, я могу понимать, что другая конфессия хочет сказать.

Но для этого мне нужно знание. А так как фундаментализм связан с недостатком образования, то наши главные цели сегодня – это образование, просвещение, воспитание, миссионерство. Миссионерство не только вне границ Церкви, но и миссионерство внутри Церкви. Другая проблема, это проблема секуляризации. Об этом много писал отец Александр Шмеман. Он говорил, что секуляризация, это когда человек перестает видеть свою связь не только с Богом, но и с миром; с вселенной, с творением Божиим. Он просто начинает жить в этом индивидуализме.

Одна из характеристик нашего современного общества – это индивидуализм. И этот индивидуализм приводит к секуляризации. Человек думает только о себе, о своих правах, о своих удовольствиях, о своих целях. Он забывает не только о Боге, он забывает даже о своей связи с другими людьми и о своей связи с творением, с космосом... И эта секуляризация приводит к тому, что религия перестала быть живой связью человека с

Богом и с творением, а просто стала употребляться для индивидуальных нужд или, в какой-то степени, как форма магии. Человек приходит в церковь не для того, чтобы праздновать свою солидарность с Богом, с другими людьми, и с творением Божиим, но приходит в церковь, когда ему нужно. Например, покрестить ребенка. Зачем крестить ребенка? — Чтобы не болел, или чтобы порадовать бабушку, или просто потому, что так положено... И мы приходим в церковь просто для того, чтобы покрестить ребенка и потом забываем о церкви. И ребенок растет без церкви. Мы приходим в церковь, потому что нужно похоронить бабушку. Почему? — Потому что бабушка этого хотела или потому, что так положено. Мы приходим в церковь, чтобы повенчаться. Почему? — Потому что так положено или родители этого хотят. И из-за этого индивидуализма, этой секуляризации религия перестала быть связью человека с Богом и с творением, а стала просто каким-то пустым прикладом...

Н. Б.: А для некоторых стала идеологией!..

Вл. Иов: Да! И поэтому нужно воспитание, образование. Католики говорят о новой евангелизации. С апостольских времен, и со времен Константина Великого миссия церкви была — распространять по всему миру Евангелие. Что касается славянских народов, то если мы вспомним миссию Кирилла и Мефодия — в чем она состояла? — Принести Евангелие славянским народам. Мы можем сказать, что в конце XX века Евангелие почти распространилось по всему миру. Существуют сотни переводов на разные языки, но, к сожалению, страны, которые веками были христианскими... мы сейчас находимся во Франции... я даже не буду говорить о славянских странах, которые пострадали за период коммунизма,

атеизма и советской власти. Но Франция – это христианская страна от первых веков христианства. Франция, по всей своей истории, была христианской страной. А если посмотреть сегодня, даже в этой маленькой части, которая себя считает христианской... я не говорю о людях, которые себя не считают христианами, считают себя атеистами... даже в этой маленькой части, люди которой считают себя христианами – насколько люди понимают Евангелие?! Насколько знают Евангелие?! Поэтому нужно образование, нужно воспитание. И, даже, есть нужда в новой евангелизации...

И, если вернуться к нашему вопросу – сегодня главная задача в Церкви – это миссионерство. Миссионерство не только вне церкви, но и миссионерство внутри нее. Но что такое Церковь?

Я думаю, что, во-первых, Церковь – это не клуб. Церковь – это даже не институт. Мы говорим, что Церковь – это мистическое тело Христово. Это термин богословский, философский. Но что он означает? Церковь – это место встречи с Богом. Встречи не только интеллектуальной или эмоциональной... Церковь нельзя ограничивать ни какой-то идеологией, ни какой-то философией, ни каким-то правилом, или учением, хотя Церковь имеет и устав и учение. Но это учение и правило существуют для того, чтобы помочь людям достичь единения с Богом.

И поскольку цель Церкви – встреча каждого человека с Богом, нужно всегда смотреть на Церковь не сверху вниз, а снизу вверх. Довольно часто, когда люди думают о Церкви, они смотрят на нее с высоты. Но они забывают, что надо смотреть на Церковь снизу. Церковь уже существует. Она существует с того момента, когда есть люди, которые желают встретиться с Богом.

И поэтому основание церкви — это личная встреча человека с Богом через таинство. Это значит, что церковь существует с того момента, когда существует приход. Конечно, человек не может быть в церкви без прихода. Приход не может быть в церкви без священника. А чтобы иметь священника, надо иметь епископа. Понятно, что епископа нельзя иметь, если он не связан с каким-то Синодом, возглавляемым Предстоятелем. Но главное, — это не институт церковный, исходящий из какой-то патриархии, из какого-то Синода. Церковь существует потому, что есть человек, который ищет Бога и, поскольку, надо помочь этому человеку найти путь к Богу.

Церковь сама для себя не существует. Она существует для того, чтобы привести человека к Богу.

Н. Б.: О святости. Являет ли Церковь святость миру. Нуждается ли Церковь в святости?..

Вл. Иов: Святость — это цель жизни. Еще в Ветхом Завете сказано, что человеку должно быть святым, как Бог свят, и призвание быть святыми повторяется и в Новом Завете. Как это возможно и почему это важно?.. Если христианин в крещении соединяется с Христом, то поскольку Христос свят, Бог свят, то и тот, кто член Тела Христова, тоже должен быть свят. Так что это цель, это существенная вещь в христианской жизни. Я бы сказал, что Церковь не нуждается в святости, а она ее имеет, и свидетельствует о святости, и она дает возможность людям стяжать эту святость через Таинства Церкви, через жизнь во Христе. Таким образом, мы получаем святость через Церковь от Бога.

Н. Б.: Ну, а сегодня Церковь являет святость миру, как Вы считаете?

Вл. Иов: Святость всегда была. Поэтому в разные века, в разные периоды в жизни Церкви всегда являлись

святые. В Церкви всегда происходило прославление, канонизация по определенным критериям. И в православии и в католичестве есть праздник Всех Святых, потому что святые, это не только те люди, которые канонизированы Церковью, есть много больше святых, которые остались неизвестными, потому что они по своему смирению и по своей скромности удалялись ото всех и не хотели привлекать внимание. Но есть люди, которые прожили святую жизнь, но Церковь не считала нужным их выделять. Есть святые, которые канонизированы довольно поздно, скажем, через несколько столетий, потому, что в их эпоху этот жизненный путь не говорил людям о чем-то особенном, ну, а в другом контексте, в другую эпоху этот тип святости стал действительно важным примером и поэтому Церковь на них обратила внимание и довольно быстро канонизировала. Но святость – это цель всех христиан, я бы даже сказал, всех людей, а не только христиан. Просто здесь мы говорим о вопросах христианской Церкви и святых людей намного больше, чем тех, кого мы знаем по календарю.

Н. Б.: Да, конечно!

Как Вы считаете, образ святого нашего времени... какой он? Отличается ли святой XX века от святых первых веков христианства или от святых средневековья, нового времени? Как меняется облик святости? Как Вы это видите?

Вл. Иов: Ну, с одной стороны – святость есть святость, ее главная цель – жить с Богом. И к достижению этой цели ведут разные пути. Конечно, человек, который имеет семью и должен ее прокормить, и каждое утро идет на работу, он не может жить одинаковой жизнью с монахом, который живет в пустыне, или в пеще-

ре, в одиночестве. Конечно, пути к святости разные, но цель одна.

Почитание святых, подражание им не является какой-то модой.

Поэтому святые IV века преподобный Антоний Великий или святые других веков, например, преподобный Ефрем Сирин или святитель Иреней Лионский, который жил во II веке во Франции, — они остаются актуальными для нас и сегодня. Их пример остается актуальным. Но с другой стороны может быть, для современных людей, в каждой эпохе есть святые, которые оказываются более доступными, более близкими или более понятными. Ну, например, преподобный Силуан Афонский. Почему-то книга, написанная о нем архимандритом Софронием Сахаровым, имела в XX веке большой спрос и большое влияние. Ее перевели, почти как Евангелия, на все языки мира! И почему-то многие люди, читая эту книгу, нашли путь ко Христу, путь к Богу. Я даже не знаю почему, но могу сказать, что эта книга более доступна, чем «Лествица» Иоанна Лествичника или «Поучения» Аввы Дорофея. Хотя поучения Аввы Дорофея и Лествичника остаются для нас актуальными, но это вопрос доступности. Может быть, для нас сегодня святые первых веков, где Церковь была гонима, говорят нам больше, чем святые, которые жили в какой-нибудь имперской церкви, потому что если для святых имперской церкви быть христианином в обществе было нормой, то сегодня быть христианином в мире — это не норма общества. Поэтому есть более близкие к нам святые, жизнь которых нам более понятна. Но святость остается святостью, и все святые остаются с нами.

Н. Б.: В этом номере альманаха мы рассказываем о христианах, среди которых вырос отец Александр Мень, о том «невидимом приходе», который советская власть не смогла уничтожить. Это все святые нашей Церкви, хотя и не канонизированные, но сохранившие верность Христу до конца.

9-го сентября 2015 года исполняется 25 лет со дня убийства священника Русской православной церкви, библиста и богослова, духовного писателя – протоиерея Александра Меня. Крещённый младенцем в каткомбном православном монастыре, воспитанный исповедниками Русской Церкви, продолжателями традиций Оптиных старцев, которые благословили Александра на священническое служение, на занятие Священным Писанием, – отец Александр Мень стал подлинным пастырем, просветителем. Приняв священнический сан в 1960 году, в пору новых «хрущёвских» гонений на Церковь, отец Александр в годы атеистического тоталитарного режима привел ко Христу тысячи людей, проводя катехизацию, которая считалась уголовно наказуемым преступлением.

И сегодня служение отца Александра продолжается, его книги приводят людей в разных странах к вере, так как его труды переведены на 15 языков и не потеряли своей актуальности.

Владыка, что вы можете сказать об отце Александре Мене?

Вл. Иов: Отца Александра я лично не знал, так что мне трудно говорить о нем, как о личности, но я встречал многих людей, которые были его духовными чадами. Так что исходя из встреч с этими людьми и из того, что многие его книги, хотя и не все, я читал, могу сказать, что отец Александр Мень как раз свидетельствует

и воплощает в своем служении, в своем подвиге все темы, которые мы с вами обсуждали, потому что, действительно он был мостом между Русской Церковью в СССР и богословами Парижской школы, он стал мостом между христианством и иудаизмом, он является мостом между христианством Востока и Запада, между православными поместными Церквями. Он своей научной работой по библеистике и своей пастырской работой с мирянами, очень много сделал для образования, воспитания.

Он вел занятия, читал лекции, проповедовал, и его преподавание, и его проповеди служили тому, чтобы люди познавали Евангелие, чтобы понимали Священное Писание, богослужение, и чтобы люди стремились к живой встрече с Богом. И поэтому, можно сказать, что он воплощал идеал святости и идеал пастырского миссионерского служения Церкви. И делал это в условиях тоталитарного режима и в контексте гонимой Церкви.

Н. Б.: Да... И ведь он был единственным библеистом в советское время.

Вл. Иов: И не только в советское время. И даже, можно сказать, что отец Александр Мень — один из редких библеистов в Православной церкви, потому что если мы говорили о застое православного богословия, а самым слабым разделом православного богословия всегда была библеистика и, к сожалению, православных библеистов было очень мало, и я считаю, что и в наше время нет такого сильного православного библеиста, который был бы на том же уровне, что и отец Александр Мень.

Н. Б.: Для нас очень важным событием явилось общение папы Римского Франциска и патриарха Вселенского Варфоломея в 2014 году. Что Вы можете сказать об их встречах и о подписании Папой и Патриархом совместных Деклараций?

Вл. Иов: 2014 год был очень значимым для отношений между Православной и Католической церквями. Были три важных момента. Паломничество папы Франциска с патриархом Варфоломеем в Иерусалим в мае 2014 года. Паломничество было юбилейным, потому что оно было посвящено 50-летию исторической встречи папы Павла VI с патриархом Афинагором в 1964 году в Иерусалиме, поэтому Франциск и Варфоломей решили вместе поехать в Иерусалим...³

Н. Б.: И 50 лет с момента снятия анафем!..

³ Из высказываний иеромонаха Иоанна (Гуайты) о значении Декларации:

Та первая встреча между Патриархом и Папой была на тот момент беспрецедентным случаем. До 1964 г. подобная встреча не только не проводилась, но и не представлялась возможной. Иерусалим был выбран для встречи в 2014 г. не только потому, что в этом историческом месте 50 лет назад прошла самая первая встреча. В первую очередь Иерусалим выбран как город Господень, город, где Господь проповедовал, умер и Воскрес из мертвых.

25 мая 2014 г. в Иерусалиме патриарх Варфоломей I и папа Франциск подписали совместную Декларацию, содержащую десять пунктов, отражающих важнейшие темы и проблемы Церкви и общества.

Но главное, ради чего она заключалась, – достижение полного взаимопонимания и единства между Римско-католической и Православной церквями, полного общения, в том числе, и Евхаристического. Будем надеяться, что слова Декларации не останутся только намерениями, а станут конкретной программой по преодолению еще существующих разногласий между католическим Западом и православным Востоком.

Иеромонах Иоанн (Гуайта): Надеемся, что декларация между Папой и Патриархом станет не пустыми словами. [Электронный ресурс] // PRAVMIR.RU [Интернет-портал] URL: <http://www.pravmir.ru/ieromonah-ioann-guayta-vazhno-chtobyi-deklaratsiya-ne-ostalas-na-urovne-glav-tserkvey/>

*Папа Римский Франциск и
патриарх Константинопольский Варфоломей I
Иерусалим, Стена плача. Май, 2014 г.*

Вл. Иов: Да, важнейшее историческое и церковное событие — снятие анафем в 1964 году⁴.

Потом, после этой встречи в Иерусалиме, на Пятидесятницу 2014 года папа Франциск пригласил патриарха Варфоломея в Рим на миротворческую встречу президента Палестинских территорий с президентом Израиля, и Папа хотел, чтобы Патриарх присутствовал при этой встрече. И последнее событие 30 ноября 2014 года — это был первый визит папы Франциска в Константинополь. Как и все его предшественники, начиная от Павла VI, он поехал в Константинополь, чтобы нанести официальный визит в центр Вселенского патриархата. Итак, в 2014 году состоялись эти три важные встречи. Конечно, можно сказать, что ничего не изменилось, что они не принесли ничего нового. Но очень важно, что они были. Во-первых, — всегда важно, когда мы

⁴ О совместной Декларации о снятии анафем и её текст см: «Христианос-IV». Рига, 1995. С. 207–213.

*В патриаршем Кафедральном соборе св. Георгия
на Фанаре, во время Божественной литургии
в день памяти св. апостола Андрея Первозванного
30 ноября, 2014 г.*

встречаемся. Быть знакомыми – это одно, но если мы не встречаемся постоянно, общение не является таким интенсивным.

Тот факт, что Папа и Вселенский Патриарх встретились в даты трёх исторических моментов: в юбилей исторической встречи в Иерусалиме, в день Пятидесятницы и в день праздника Андрея Первозванного, то есть престольного праздника константинопольской кафедры – в течение одного года – говорит, что связи, общение интенсифицируются. Потом эти встречи свидетельствуют о том, что между Православной и Католической церквями есть желание продвигаться на пути к единству церковному. Единство церковное, может быть, еще далеко, потому что есть много вопросов, которые надо решить, есть много недоразумений, которые

надо преодолеть, но главное, что мы к этому единству стремимся и стараемся приблизиться, а не остаемся на своих местах и не регрессируем. В этом смысле 2014 год был очень положительным и дает большие надежды на то, что наши церкви будут сближаться и будут продвигаться к полному церковному единству⁵.

Н. Б.: А декларации... Вы можете что-нибудь сказать о подписании совместных деклараций?

Вл. Иов: В мае, при личной встрече в Иерусалиме между Папой и Патриархом они договорились, что

⁵ Выступая в патриаршем Соборе св. Георгия в конце службы, Римский Первосвященник объяснил цель своего визита: «Встречаться и смотреть друг другу в глаза, обмениваться объятием мира, молиться друг за друга — это главные элементы на пути к установлению полного единства, к которому мы и стремимся. Все это предваряет и сопровождает другое существенное измерение этого пути, а именно — богословский диалог. Подлинный диалог — это всегда встреча между людьми, у которых есть имя, лицо, история, — это не только встреча идей».

Пример святого апостола Андрея Первозванного, по мнению Папы, просвещает всех и является ориентиром, показывая, что «христианская жизнь — это преобразующая встреча со Христом», а христианское благовествование «распространяется благодаря людям, горячо любящим Христа, которые не могут не сообщать другим радость, что они любимы и спасены». Поэтому очевидно, сказал Папа Франциск, что «и диалог между христианами не может избежать этой логики личной встречи».

Возвращаясь в Рим, во время импровизированной пресс-конференции на борту самолета Папа Франциск отвечая на вопросы журналистов о перспективах диалога с православием сказал: «Мы не можем ждать! Единство — это путь. Путь, который надо проделать вместе».

Иеромонах Иоанн (Гуайта). «Мы не можем ждать!» Папа в гостях у Патриарха. [Электронный ресурс] // БОГОСЛОВ.RU [интернет-портал] URL: <http://www.bogoslov.ru/text/4319463.html>

будут стараться, регулярно подписывать вместе декларации на разные темы, общие для всех христиан.

Сейчас есть много вопросов, актуальных не только для Православной церкви, но и для всего христианского мира. Поэтому нужен один христианский ответ. Один из таких актуальных вопросов – это отношение к исламу. Внутри христианского мира, по отношению к преданию и к традиции христианской церкви, и по отношению ко многим социальным вопросам нашего времени православие и католицизм являются самыми близкими христианскими конфессиями, – при всей любви и открытости, которую мы имеем к протестантам. Поэтому, главное, чтобы на некоторые вызовы и на некоторые вопросы православные и католики совместно свидетельствовали. Это и является целью подписания деклараций.

Н. Б.: Что является для Вас самым главным в христианстве?

Вл. Иов: Самое главное, это, конечно, познать Бога и соединиться с Ним. Можно сказать в нескольких словах. Афанасий Великий говорил, что Бог стал человеком для того, чтобы человек стал богом. Если бы не было этого самого важного, то не было бы Христа, Бог бы не воплотился. Это была цель воплощения. Это цель жизни человека. Это самое главное. Но это возможно, только если человек будет иметь любовь к Богу. Апостол Иоанн Богослов в своих Посланиях ясно пишет, что, как вы говорите, что любите Бога, если вы ненавидите своего брата?!. Поэтому для реализации самого главного есть заповедь Христа, которая уже была в Ветхом Завете: Люби Бога и люби ближнего.

Н. Б.: Большое спасибо Вам за беседу!

*Париж
03 февраля 2015 г.*

**ЦЕРКОВЬ
ИСПОВЕДНИКОВ И
МУЧЕНИКОВ**

Илья Семененко-Басин

Илья Викторович Семененко-Басин. доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

ТЕМАТИКА НОВОМУЧЕНИКОВ В МИРОВОЗЗРЕНИИ ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

В феврале 2015 года в Москве прошла Межприходская конференция «Духовное наследие отца Александра Меня»¹; мне было доверено рассказать о тематике новомучеников в мировоззрении о. Александра. Представляя читателям текст своего выступления, подчеркну, что имеется в виду не тематизация российских новомучеников в книгах или выступлениях о. Александра, но присутствие этой темы в его мировоззрении.

В русскую языковую сферу термин «новомученик» проник, скорее всего, из новогреческого языка и греческой церковной практики Нового времени. Именно так – новыми мучениками – именовались христиане, пострадавшие в Османской империи после падения империи Византийской. Днём поминовения греческих новомучеников, причисленных к лику святых, традиционно было третье воскресенье после Пятидесятницы. И в современной литературе термин «новомученик» без пояснений применяется к реалиям церковной жизни на

¹ Конференция была организована приходом храма свв. бесср. Космы и Дамиана в Шубине и приходом храма Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке.

христианском Востоке XV–XIX вв.² Исследователи феномена христианского мученичества Нового времени показали наличие предпосылки массового свидетельства ценой собственной жизни, а именно – своеобразной духовности мученичества, особой религиозности новомучеников³.

В деле церковного почитания новомучеников движение шло с Запада на Восток. Актуализация почитания святых мучеников произошла в ходе католической Реформы XVI века, причём западные церковные власти действовали в пику протестантам, как известно, отрицавшим средневековые культы святых. Именно с влиянием западных тенденций связывают активизацию культа мучеников, начиная с конца XVI века, на православных Балканах; православные общины начали усваивать мученическую иконографию, строить церкви, посвящённые новым мученикам⁴.

И я задаю вопрос: воспринималась ли тематика жертв Гражданской войны и коммунистического режима в России именно в связи с греческими (греческими и южнославянскими) новомучениками более раннего времени? Почти уверен, что ответ на этот вопрос – отрицательный, не смотря на усвоение термина. Скорее в качестве аналогии должны быть помянуты, и пускай это покажется парадоксальным, светские протестантские мартирологи эпохи Реформации. При том, что

² См.: Vapori N. M. Witnesses for Christ: Orthodox Christian Neomartyrs of the Ottoman Period, 1437–1860. Crestwood, New York, 2000.

³ См.: Gregory B. S. Salvation at Stake: Christian Martyrdom in Early Modern Europe. Cambridge, Mass., 1999. [Harvard Historical Studies, vol. 134]. P. 101.

⁴ См.: Тарасов О. Ю. Икона и благочестие: Очерки икононого дела в императорской России. М., 1995. С. 150–151.

протестанты отвергали культ святых, они распространяли светские мартирологи, посвященные жертвам, павшим от рук оппонентов-католиков в Европе XVI–XVII вв. Эти издания функционировали в обществе как исторические и апологетические, можно даже сказать, пропагандистские документы⁵.

Подобным же пафосом апологетики и своеобразного духовного противостояния была проникнута деятельность Комиссии о гонениях на православную Церковь, учрежденной Поместным собором 1917–1918 гг. в Москве. Согласно документам Комиссии, жертвы Гражданской войны и государственного террора должны были быть представлены подобно героям мученических актов древней Церкви⁶. В дальнейшем авторы, собиравшие сведения о российских новомучениках и действовавшие как на территории СССР, так и за границей, заложили основу отечественной мученической агиографии XX века. Сказывались ли мнения о подвиге новомучеников, бытовавшие в церковной среде, отношение к ним, на тех подходах, которые высказывал отец Александр Мень? Несомненно, это было именно так. Отец Александр был хорошо знаком с зарубежными изданиями о новомучениках, равно как и с литературой церковных диссидентов в СССР.

⁵ См.: Boudin H. R. Les martyrologes protestants de la Reforme. Instruments de propagande ou documents de temoignage? // Sainteté et martyre dans les religions du livre / ed. par J. Marx. Bruxelles, 1989. (Problèmes d'Histoire du Christianisme, 19). P. 67–75.

⁶ См.: Семененко-Басин И. В. Святость в русской православной культуре XX века: история персонификации. М., 2010. С. 52–53.

Позволю себе маленькое отступление в мемуарном жанре. В преддверии юбилея 1000-летия крещения Киевской Руси, отмечавшегося в 1988 году, я написал небольшую статью, предназначенную для «самиздата». Предложил её на редактирование отцу Александру. Вооружившись карандашом, он быстро прочитал текст и заговорил о «мёртвых храмах» (его слова), о своей поездке на поезде по Южной Сибири и мёртвых, то есть опустевших и полуразрушенных церквях, стоявших вдоль маршрута следования поезда. «Предки наши строили... а теперь они стоят мёртвыми», – посоветовал добавить к моей статье.

Теперь в связи с этим вспоминается старообрядческий рукописный памятник конца XVIII в., описанный О. Ю. Тарасовым: автор-старовер усваивал ореол мученичества всем старым иконам Руси, переписанным в ходе изживания дониконовской церковной символики, в частности, перстосложения⁷. Переписанным в ходе никоновских реформ образам усваивались страдания самого Христа... Тема мучений христианина-жертвы дополнялась темой мучений, причиняемых святыне. Много лет спустя, в XX веке, уничтожение людей в годы Гражданской войны и коммунистического террора воспринималось в тесной связи с уничтожением церковных зданий, интерьеров, мощей, книг и икон. Этот народный мотив *страдания святыни* был, конечно, усвоен в мышлении и речи отца Александра, в частности, когда он говорил об умерщвлённых храмах...

Если попытаться отфильтровать распространённые, устойчивые церковные воззрения, каким же тогда был

⁷ См.: Тарасов О. Ю. Икона и благочестие. С. 147–148.

взгляд на феномен российских новомучеников, специфичный именно для отца Александра Меня?

Полагаю, что мученичество XX века в мировоззрении отца Александра было актуализацией первохристианского, апостольского века. Именно время земного служения Иисуса Христа и первого христианского поколения притягивало больше всего отца Александра. Здесь уместно вспомнить и об опыте семьи Меней, его мамы и близких, о катакомбных священниках, монахинях и мирянах, с которыми Александр общался в детстве и отрочестве. Вероятно, именно в той среде и в той ситуации были пережиты и прочувствованы Александром вместе соединённые: повышенный риск преследования – и проповедь, христианское свидетельство⁸.

Ситуация, когда всё, что связано с верой, происходит только сегодня, сейчас, когда завтрашний день туманен и, быть может, обернётся опасностью... Ситуация, не удушающая, но, напротив, активизирующая христианское подвижничество, в известной мере, переносящая современного человека в первохристианские времена, исполненные апостольского рвения и опасностей.

В Эпilogue «Сына Человеческого» отец Александр говорит о тех, кто не покинул Христа среди тяжких испытаний Его Церкви. Не может ли это быть прикровенным упоминанием новомучеников XX века? В тех, кто не покинул Христа среди испытаний Церкви, в святых учениках Господа, по словам отца Александра, уже существует Царство Божие. «Дай же нам, божественный

⁸ См.: [Семененко-]Басин И. Схиигуменья Мария и подпольный женский монастырь // Христианос. 1998. Вып. VII. С. 144–154.

Учитель, мощь их веры, несокрушимость их надежды и огонь их любви к Тебе»⁹. Тематика российских новомучеников в мировоззрении отца Александра Меня соединена с актуализацией апостольских и мученических корней христианской Церкви первых веков.

*Москва
Февраль, 2015*

⁹ Мень А. Сын Человеческий // Он же. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни. М., 1992. Т. 7. С. 233.

МИРОНОСИЦЫ В КАТАКОМБАХ XX ВЕКА

Елена Семёновна Мень

Мариам Мень

Мариам Мень – племянница протоиерея Александра Меня, дочь его брата. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический университет (факультет русского языка и литературы), затем Московскую государственную академию музыки (сольное пение). В 2005 г. вышла замуж и переехала в Финляндию. Лауреат международных конкурсов. Выступает с концертами народной, классической и духовной музыки, гастролирует. В Финляндии часто принимает участие в церковном богослужении в качестве певицы. Вместе с супругом активно участвует в общественной жизни.

СИЛА В НЕМОЩИ

Ангельское лицо на фотографии... Чистый ангел... Это моя бабушка в молодости – Елена Семёновна Мень. Лицо настоящего ангела, – но не аскетичного и бестелесного, – а теплое, светящееся, нежное и ласковое, как солнечный день. Она красива, но совсем какой-то особенной красотой. Светло-голубые глаза, улыбка, мягкое женственное лицо излучают свет, она наполнена изнутри Светом... Ни у кого и никогда больше в жизни я не видела такого лица. Точно внутри ее светит солнце.

Леночка Цуперфейн до замужества, 1932 год

Даже на своих последних фотографиях в старости, где она уже больна, незадолго до ее ухода — лицо ее все так же излучает этот Свет, исходящий из глаз, жизнерадостной и ласковой улыбки.

Такой я помню ее: очень нежной, очень ласковой, улыбающейся, всегда приветливой и жизнерадостной. Она могла немного грустить, сказать что-то с кроткой печалью. Но это было ненадолго. Радостное состояние духа

было более привычным для нее. Она была одухотворенным существом, с явным преобладанием духовного над материальным, но, в то же время, не оторванным от жизни, не отрешенным, а наоборот, погруженным в эту жизнь.

Сейчас, когда я думаю о ней, мне кажется, она была человеком хрупким, утонченным, плохо сочетающимся с грубой, простой материальной обстановкой, окружающей ее. Точно принцесса, волею судьбы оказавшаяся в бедной хижине, но принявшая свою судьбу без ропота и пытающаяся приспособиться к этой неподходящей для нее обстановке. Когда я читаю в ее воспоминаниях («Мой путь»), что во время войны она пилила и колола дрова, — мне трудно себе это представить. Ее вера, устремленность к духовному и интеллектуальному, успехи в учебе, книги и поэзия, французский язык...

*Елена Семёновна Мень
с новорожденным сыном Аликом. Москва, 1935 г.*

Ее особый внутренний мир, резко контрастирующий с обыденностью и «прозой жизни». Ангел, проживающий в московской коммуналке на Серпуховской улице. Там не было горячей воды, и я помню, как бабушка сначала грела чайник, а потом мыла посуду в трех мисочках: замачивала в одной, мыла в другой и в третьей полоскала. Роль домохозяйки, по моему мнению, совершенно не подходила ей, но она никогда не жаловалась, смиренно делала все, что нужно, и принимала эту жизнь, как она есть.

Любовь к книгам, к чтению – это у нас семейное; и дядя Александр, и его младший брат Павел, – мой отец, и я – отчаянные и самозабвенные книголюбы. Потребность читать, наполняя ум и душу мыслями и образами из литературной сокровищницы, думаю, во многом, унаследована от бабушки. В детстве мы с бабушкой часто говорили о книгах, обсуждали литературные

произведения. Мне, ребенку, с бабушкой было тепло и интересно, комфортно и спокойно. Она пела мне песенки, детские, и в ней самой было что-то детское. Например, о том, что «только смелым покоряются моря» я впервые услышала от нее¹. Я думаю, бабушка Лена была бы очень хорошим педагогом, если бы ей довелось работать по этой профессии. Она получила соответствующее образование, но ее здоровье не позволяло ей работать, и она сосредоточилась на воспитании своих сыновей. Неудивительно, что дети были под ее влиянием, потому что ребенку было с ней хорошо и интересно, и он чувствовал к ней полное доверие. Она могла действовать мягко, нежно, но очень настойчиво.

Вообще ее ангельски-женственная мягкость сочеталась в ней с необыкновенной твердостью, когда дело касалось чего-то важного для ее души. Эта твердость всегда была несколько неожиданной в таком мягком, нежном существе. Особенно в духовных вопросах, когда дело касалось ее веры, ее убежденности в том, как она должна поступить, – тут ангел вдруг становился настойчивым и бескомпромиссным, никогда не меняя своих установок.

Одно из заветных «преданий» нашей семьи: это когда бабушка Лена ждала второго ребенка – Павла, моего отца. У нее нашли туберкулез в правом легком – осложнение после гриппа. Оболочка легкого отделилась от него, начался плеврит. Врачи говорили, что она может умереть во время родов, что она может заразить старшего сына и мужа, и стали настаивать на прерывании беременности. Они хотели применить вдувание,

¹ Цитата из песни Исаака Дунаевского «Жил отважный капитан» из к/ф «Дети капитана Гранта».

несовместимое с беременностью. Но бабушка и слышать не хотела об этом, ни в какую не соглашалась. В конце концов, ей стали говорить: «Лена, ты понимаешь, что, если с тобой что-то случится во время родов, маленький Алик останется без мамы...». А она ответила: «Если так, если Господь заберет меня, значит, Он о нем позаботится». В роддом ее провожали с тяжелым чувством, никто не знал, вернется ли она оттуда. Она лежала в туберкулезном отделении, и там, кажется, не все женщины выжили, кто-то из пациентов умер. Когда начались роды, медики стали говорить ей: «Тужьтесь...», – как обычно говорят роженицам. Она стала активно тужиться и дышать, и так сильно тужилась и дышала, что отделившаяся оболочка легкого – плевра – встала на свое место. Из роддома она вернулась здоровая с совершенно здоровым ребенком. Врачи с изумлением рассматривали ее снимки. Для них это было чудо. Когда же малышу сделали соответствующий анализ, прививку на туберкулез, то он у него даже не привился, т.е. ребенок не имел к этому туберкулезу никакого отношения. И это тоже было чудом, ведь он весь срок провел в утробе матери, у которой была эта болезнь².

Моя бабушка не похожа на сильных, волевых женщин, какими бывают иногда наши современницы – женщины XX и XXI века, с сильным характером, смелые и выносливые. Нет, она была отнюдь не героиня, наоборот – слишком нежная и хрупкая для мира, который окружал ее. Но сила ее была только в уповании на Господа, в ее бесконечном доверии к Нему и твердом желании следовать Его воле.

² Об этом и других событиях в жизни Елены Семёновны и ее близких см.: Мень Е. С. Мой путь. // Василевская В. Я. Катакомбы XX века. М., 2001. С. 208–250.

У нас дома есть одна икона Спасителя, это наша семейная реликвия. Мой дедушка Владимир Григорьевич Мень был руководителем крупного предприятия. Его подпись подделали и составили бумагу, по которой кто-то мог брать себе деньги. Финансовые нарушения обнаружили, дедушка был арестован, в их доме был обыск. Когда дедушку забрали, бабушка молилась всю ночь перед этой иконой, и утром он пришел домой. А было это в конце 30-х годов... Позднее состоялся суд, подделку обнаружили и дедушку оправдали.

Считается, что дедушка Володя был неверующим. Я, к сожалению, его не помню, он умер, когда мне было три года. В семье всегда говорили, что он был исключительно добрым человеком, с юмором, любил пошутить. Работа у него была ответственная, и он один материально обеспечивал семью. К моей маме и ко мне относился тепло, с любовью, думаю, и ко всем близким также. Именно дедушка дал мне библейское имя – Мариам (с этим именем и крестил меня отец Александр), – имя сестры Моисея. Вообще еврейская идентичность – это было важно для него. Когда его на «скорой» забирали в больницу с инфарктом, он, чувствуя скорую кончину, просил бабушку похоронить его в Малаховке (это подмосковный поселок, в котором есть еврейская община и там большое еврейское кладбище). Там он и похоронен, рядом есть могилы других его родственников. Помню еврейскую звезду на его могиле.

Я так понимаю, что у дедушки Владимира Григорьевича было две проблемы: он сомневался в существовании Бога (как и многие в то время), и он считал, что христианство – это не для евреев (как многие евреи думают и сегодня). Родители рассказывали мне, что он читал Ветхий Завет, а когда доходил до Нового, говорил:

*Елена Семёновна, Павлик,
Алик, Владимир Григорьевич (Москва, 1939 г.)*

«Ну, а дальше – это уже не наше...». То есть дедушка считал, что Ветхий Завет – это «наше», еврейское, а Новый – «уже не наше». На что маленький Алик однажды ответил: «А я вырасту и докажу, что это – тоже наше!». Ему было примерно 11 лет.

Когда Владимир Григорьевич ухаживал за Еленой Семеновной и делал ей предложение, она сказала ему: «Я верю в Христа». Он подумал, что это у нее что-то вроде увлечения, и решил: «Веришь – ну и верь себе, какая проблема?». Но он не знал, что это будет ее мировоззрение и образ жизни. Это выяснилось только после свадьбы, когда они стали жить вместе, и, можно сказать, определенным образом встало между ними. И стояло всю последующую семейную жизнь... В браке состоять вообще не просто, особенно с ангелами... Но любовь, большое терпение и доброта дедушки покрыли все. И близкие это ценили.

В доме на Серпуховке я помню, у бабушки был шкафчик с иконами. Он был в углу, в укромном месте, чтобы он не бросался в глаза соседям по коммуналке или если кто войдет из посторонних. Помню, как ночью бабушка зажигала перед иконами красную лампадку, и она горела всю ночь, а бабушка молилась. Она молилась и днем перед иконами, а я в детстве стояла рядом и чувствовала, как ее молитва как бы изливается и на меня. Помню, в церкви на литургии, когда священник благословляет народ, бабушка сложила мне ручки, правую ладонь на левую, принимая благословение.

Бабушка Елена молилась всегда, когда ей предстояло какое-то житейское дело. Эти житейские дела были очень даже не простыми для нее. Поэтому она всегда просила благословение у Господа на все, что ей предстояло делать в течение дня. Например, ей нужно было купить подарок ко дню рождения Александра Борисова, или, как его называли в семье, Шурика, который был близким другом. Во времена советского дефицита купить хорошую вещь, подходящий подарок вообще было непросто. Это как повезет. Бабушка помолилась об этом, отправилась по магазинам и купила для Шурика рубашку. Спустя какое-то время она нашла в магазине и купила также рубашку для моего отца. Моей маме первая рубашка понравилась больше, и она, по простоте душевной, предложила их поменять. Но бабушка смотрела на это иначе и не согласилась. Ведь она молилась о подарке для Александра и купила именно это! «Если эта рубашка лучше, – сказала она, – значит, Шурику больше повезло».

Да уж, «своя рубашка ближе к телу» – это точно было не про нее!

Чего у нее совершенно не было на старости лет – это одиночества! В ее доме на Серпуховке всегда были люди, это была «штаб-квартира», как говорили в шутку мои родители. Верующие друзья, многочисленные духовные чада отца Александра встречались там постоянно. Одни гости уходили, приходили другие. Бабушка готовила для всех какую-то простую еду, все пили чай, потом она мыла посуду в трех мисочках, снова пили чай, что-то ели, она снова мыла посуду. Когда еда заканчивалась, бабушка заглядывала в глубину буфета, извлекала из него какие-то остатки и говорила: «А вот здесь есть еще кусочек халвы... всем по кусочку...», – и делила его на двенадцать, наверное, частей, и всем что-то доставалось! «А вот еще здесь остался кусочек шоколада...», – и опять делила на всех. Кстати, рассказывали, маленький Алик в детстве тоже делил одну шоколадку на двенадцать частей и угощал друзей.

Помню, когда бабушка в конце жизни болела, очень славные женщины и молодые девушки дежурили у нее, сменяя друг друга, мыли полы и делали все по хозяйству. И так было до самой ее кончины.

У бабушки была дача по Казанской дороге на станции «Отдых». Там тоже всегда было много народу, приезжали семьями, с детьми. Воду там нужно было нести откуда-то довольно большое расстояние. Однажды моя мама притащила с трудом два ведра воды, но вдруг у самого входа споткнулась нечаянно, опрокинула ведро и разлила всю воду. Огорчилась, конечно, и стала что-то говорить с досадой. А бабушка выскочила из дому и радостно сказала: «Ой, ну наконец-то мы на террасе пол помоем!». Мама сразу смеяться стала.

Позже бабушка эту дачу продала. Половину денег отдала близким, а вторую половину раздала бедным.

Ну, бедным же надо помогать! Себя, видно, таковой не считала... Не все, признаться, близкие были в восторге от ее решения. Да уж такая она была, с ангелами не поспоришь...

Как-то одна из «наших» женщин (к сожалению, я не запомнила, кто именно!) сказала, что она видела во сне, как бабушка Лена просит, мягко и настойчиво, чтобы мне разрешили петь в церкви на службе. Я в то время была еще маленькой и вовсе не думала в церкви петь. Но эта женщина рассказывала, что видела во сне, как бабушка кротко, в своей характерной манере, говорит: «Ну, почему моя внучка не может петь в церкви?!».

Бабушка, я теперь пою в церкви, ты знаешь... Это не ты ли мне организовала?

*Финляндия, Тампере
Май, 2015*

МОИ ЛЮБИМЫЕ «СТАРУШКИ»

Елена Семёновна Мень и Елена Владимировна Вержбловская. Почему-то, вспомнив об одной из них, я не могу тут же не вспомнить и о другой.

Тогда, осенью 1976 года, они мне казались невероятно старыми – как моя бабушка. Теперь-то я понимаю, что это я была невероятно молодой. День моего крещения. Я трясусь от страха, как осинный лист. Литургия в Сретенской церкви в Новой Деревне давно уже кончилась, но ждать надо долго, у отца Александра, как всегда, огромная очередь, и мои крестины – тайные – он оставил напоследок. Моя будущая крестная приводит меня в маленький домик – минут пять ходу от новодеревенской церкви, на той же центральной деревенской улице. Там маленькая «старушка» кормит всех пришедших, поит чаем с пряниками – о, эти новодеревенские пряники, всегда жесткие, но всегда желанные. Я все еще трясусь, теперь уже от почтения – мне тихонько объясняют, что это мама отца Александра – Елена Семёновна Мень. А я только что закончила читать воспоминания её двоюродной сестры, Веры Яковлевны Василевской, – «Катакомбы XX века», ходившие тогда в Самиздате¹.

Скоро мне уже казалось, что я эту семью знаю всю жизнь, и что у меня вдруг появилась новая бабушка, добрая, тихая, такая же добрая, как моя родная бабушка, хотя более молчаливая. И вправду, было такое ощущение, что Елена Семёновна меня «увнучила».

¹ Изданы в 2001 г. Фондом им. Александра Меня (Москва).

Одна из ветвей нашей семьи была из тех же мест, что семья отца Александра Меня, из Восточной Украины, Харькова. Мне всегда чудилось в Елене Семёновне что-то невероятно родное. От нее веяло защитой, «Покровом». Я потом все время к ней заходила, когда она с ранней весны до поздней осени снимала маленький домик неподалеку от церкви в селе Новая Деревня.

Последний, 1978 год, был тяжелым, она болела, ее мучили сильные боли, и я приводила к ней Владимира Файнберга, ставшего тогда добрым другом отца Александра. Файнберг пытался снимать боли. Это уже было в Москве, в комнате, по-моему, в коммуналке на Добрынинской.

*Похороны Елены Семёновны Меня.
Новая Деревня, 16.01.1979.
Фото Виктора Андреева*

15 января 1979 года Елена Семёновна умерла. Похороны были в страшно холодный день. И вот похоронная процессия по морозу идет от церкви на Новодеревенское

кладбище, к тому месту, где уже похоронена Вера Яковлевна. Идти минут пятнадцать, но похоронная процессия движется медленно. И впереди – отец Александр, сын, отпевающий мать, чудную, добрую маму. Много лет потом, почти каждый раз, когда я ездила в Новую Деревню, я ходила на это кладбище, сидела у могилы.

А вот Елена Владимировна была совсем другая, тихой ее назвать никак было нельзя. Невзвешенная спорщица, всегда имевшая свое мнение по любому вопросу. Они с Еленой Семёновной очень дружили и всегда что-то обсуждали, что было ужасно интересно слушать, но одна громко отстаивала свое мнение, а другая, в общем, даже не возражала. О Елене Владимировне я тоже знала заранее, ее воспоминания об обращении в христианство, тогда называвшиеся «Петушиное “я”», ходили в Самиздате². Если Елену Семёновну я бояться перестала сразу же, то Елену Владимировну (а в тайном монашестве «катакомбной церкви» – инокиню Досифею), несмотря на все наши чудесные разговоры и

*Елена Владимировна
Вержбловская (монахиня
Досифея, 1904–2000).
Москва, Измайловский парк,
1985 г.*

Фото Софии Руковой

² Оп. Вержбловская Е. Spiritus dominat formam. // «Христианос-II». Рига, 1993. С. 164–186.

мои визиты к ней в маленькую комнатку на Кропоткинской, бояться не перестала никогда. И не зря. Самый последний раз я ее видела уже совсем незадолго до смерти, летом 2000 года (умерла она 8 августа). К тому времени она ослепла и давно лежала, не вставая. Ухаживали за ней Малые сестры. Я привела к Малым сестрам знакомиться своего мужа-американца. Елена Владимировна сразу же его спросила: «Верующий?» – Он честно ответил: «Нет». «Очень плохо», – жестом боярыни Морозовой погрозила ему моя любимая Елена Владимировна.

*Нью-Йорк
Май, 2015*

София Рукова

София Рукова, 1934-го года рождения, по образованию математик (окончила мехмат МГУ в 1960-м году), духовная дочь протоиерея Александра Меня (крещена им в 1977-м году). С 1977 по 1997 годы была регентом хора, пела и читала на клиросе в храме Сретения Господня в Новой Деревне (где с 1970 по 1990 служил о. А. Мень); помогала отцу Александру в работе над книгами и Библиологическим словарем (вышедшим в 3-х томах в 2002-м году)¹.

Автор книг: «От праздника к празднику» (Брюссель, 1994), «Новые сказки для детей» (Брюссель, 1996), «Ветхозаветная история для детей» (1996), «Беседы о церковном пении» (1999), «Отец Александр Мень» (Рига, 2000), «О таинствах Церкви в изложении для детей». Многие тексты до их публикации «ходили» в Самиздате в 80-е годы. С 1989-го (по благословению о. Александра Меня) стала проводить занятия с детьми в воскресной школе, которые вела до 1999-года в приходе Сретенского храма в Новой Деревне, а затем – вплоть до 2006-го года – в воскресных школах в московских приходах.

Автор многих фотографий отца Александра Меня.

ЛЕНОЧКИН ДЕНЬ

15 января 2013-го года. Каждый год, в этот день, вот уже 34-й раз я просыпаюсь с мыслью: «Сегодня день преподобного Серафима Саровского... Леночкин

¹ Мень Александр, протоиерей. Библиологический словарь в 3-х тт. М.: Фонд имени Александра Меня, 2002. (Прим. ред.)

день...». Леночка – это Елена Семеновна Мень, мама моего дорогого отца Александра и мой нежный друг – увы! – на краткое время, немногим больше полугода...

Странная вещь: я написала свои воспоминания об отце Александре, даже о другой моей «другине» Леночке – той, что Досифея в иночестве-монашестве и Заяц по прозвищу... Много фотографировала обоих, но так и не смогла ни слова написать о Елене Семеновне, ни разу не решилась приехать к ней с фотоаппаратом, надеясь, что еще успею. Не успела...

А между тем каждая встреча с Еленой Семеновной (далее – Леночка) была мне подарком, посланным с неба... Вместо фотографий – несколько словесных картинок...

* * *

Лето 1978-го года. Леночка сидит в церковном дворике Сретенского храма в Новой Деревне. Я собираюсь уходить после службы и подхожу к ней попрощаться:

– Вы кого-то ждете?

– Да. Пойдем с отцом Александром на кладбище.

Я понимаю, что это к Вере Яковлевне, т. е. на ее могилу. И у меня вырывается:

– А можно и мне с вами?

– Конечно! Идемте!

Именно в этот момент отец с кем-то выходит из сторожки, направляясь к нам. Леночка берет меня под руку (мы практически одного роста), и мы – словно давние знакомые – идем, беседуя, на дальнейшее новодеревенское кладбище, где похоронена двоюродная сестра Леночки, где стоит надгробие с дивным ангелом и где, как мы верим, никто не подслушивает отцовских бесед с его духовными чадами.

С этого дня и началась наша дружба до ее последнего дня 15-го января 1979-го года, дня памяти ее любимого святого – преподобного отца Серафима Саровского.

* * *

Осенью того самого 1978-го Леночка совсем ослабела, и мы, несколько человек из духовных чад отца Александра, распределили между собой дни недели, чтобы навещать ее – приготовить еду, сходить в магазин или на рынок, прибраться в квартире, прочитать перед уходом молитвы на сон грядущий и т. д. Моими днями были вторник и четверг.

* * *

Приходя к Леночке, я – неожиданно для самой себя – стала начинать с того, что, прежде всего, мыла пол. Для меня это было неожиданно потому, что из-за многих и длительных заболеваний я вообще не могла находиться подолгу в согнутом положении, швабры тогда не было, и я ползала с мокрой тряпкой (а потом, как положено, с выжатой) по полу, чувствуя при этом удивительную радость. А Леночка по-детски восхищалась: «Как это чудесно, что вы моете пол! Вы знаете, мне всегда говорили, что девили (так она называла злых бесов от французского *devil*) приходят в жилище именно по грязному полу...», и она смущенно улыбалась.

* * *

В очередной раз готовлю обед, но – никак не могу найти «зеленушки» – веточки петрушки или укропа, которые должны быть в супе всенепременно. Надо сбегать на рынок, благо это недалеко. Но Леночка не хочет меня отпускать – ей еще нужно столько мне показать

и рассказать... «Там непременно должна быть хотя бы маленькая веточка. Посмотрите еще раз в холодильнике», – умоляюще просит она. Я снова обшариваю нутро холодильника и нахожу нечто зеленое, вялое, отдаленно напоминающее обрывок то ли петрушки, то ли укропа. «Вот-вот! – радостно восклицает Леночка при виде этого непонятного нечто, – этого вполне достаточно». Самое непонятное для меня, что суп действительно получается с зеленью и даже с ее ароматом. Это Леночкино хобби – кормить каждого приходящего обедом, именно обедом, а не просто чаем, который, естественно, тоже будет, но – в конце обеда.

* * *

Бывало и так. Прихожу пораньше днем. Леночка обращается с просьбой:

– В обеденный перерыв прибежит Павлик, – (младший сын Елены Семёновны, брат отца Александра – *С. Р.*), – чтобы забрать у меня белье в прачечную. А у меня не пришиты метки к нескольким вещам.

– Нет проблем! – уверенно заявляю я, хотя дома терпеть не могу пришивать эти метки. – Сейчас пришью.

И пришиваю как раз вовремя: едва кончаю, появляется Павел и, даже не раздеваясь, забирает белье – ему еще срочно надо вернуться на работу.

Но самое удивительное – мне это все в радость. Радость просто лучится от Леночки...

* * *

– У вас есть сегодня побольше времени? – спрашивает как-то Леночка после уборки, обеда и проч.

– Да. Я сейчас свободна часа два...

— А вы можете достать эти альбомы? — Леночка указывает на полки в книжном шкафу, где стоят толстенные старинные, как мне кажется, фотоальбомы.

Я достаю один из них... С этого дня каждый раз после мытья пола, приготовления обеда и самого обеда, когда все убрано, я достаю очередной альбом или тот, что недосмотрен в последний раз, и Леночка рассказывает... знакомит меня со своими родными и близкими... и искренне удивляется:

— Вы не устали? Я сама не понимаю, почему мне так хочется рассказать вам о себе, обо всех моих родных и близких... вам не скучно?..

Нет, конечно, мне не только не скучно, мне всё интересно, меня поражает ее безграничная любовь к самым разным людям, собственно все ее рассказы наполнены этой любовью, совершенно особой, в которой и терпение, и прощение, и понимание...

* * *

Незадолго до 30-го сентября:

— Скоро ваши именины... мне так хочется вам что-то подарить... я долго не могла найти что-то хорошее. Но вот, вроде нашла — это маленькая иконка-образок святых Веры, Надежды, Любви и Софии, который при-

*Елена Семёновна Мень
(1970-е гг.)*

надлежал Верочке (Вере Яковлевне Василевской, двоюродной сестре Елены Семёновны – С. Р.). Я решила подарить его вам.

И в руках у меня совсем небольшая серебряная иконка – образы святых изящно выписаны эмалью... А Леночка тем временем продолжает:

– Но это так мало... можно я подарю вам чайные чашки? Мне их брат прислал с Урала, а у меня и так достаточно. Они очень скромные... – словно извиняясь, спрашивает меня Леночка. И я получаю шесть чашек с блюдцами – белые с зелеными ободками...

И во всем этом столько тепла и любви...

И это по отношению к каждому человеку, приходящему в дом: каждого она встречает как родного сына или родную дочь и так же провожает, осеняя при этом уходящего крестным знамением.

* * *

Как-то я нахожусь у нее вместе с Леночкой-Досифеей². Во время обеда Леночка делится с нами:

– Прямо не знаю, что делать... Завтра должен приехать отец Александр (это всегда так: если он приезжает просто навестить как сын, то – «приедет Алик»... а если он приедет исповедать и причастить, то – отец Александр – С. Р.), а я не знаю, в чем исповедаться!..

Досифея на полном серьезе подсказывает:

² Знакомство с Еленой Владимировной Вержбловской (в тайном монашестве «катакомбной церкви» – инокиней Досифеей) в 1978 г. переросло в тесную дружбу, которая не прерывалась до последнего дня жизни Елены Владимировны. (Прим. С. Р.)

Е. С. Мень и Е. В. Вержбловскую связывала близкая дружба с 40-х гг. – со времен тайного монастыря схиигуменьи Марии в Загорске. (Прим. ред.)

– Как в чем?! Ты же рыбу убила!.. чтобы приготовить обед... значит, в жестокости!

– Но, Леночка... – слабо защищается Елена Семёновна, – мне же хочется накормить вас и его и вообще – свежей рыбкой!

– Можно и замороженную купить, – неумолимо настаивает Досифей.

Но, конечно же, нам с ней смешно, и я вступаю:

– И, кроме того, вам надо покаяться, что вы перекармливаете своих гостей, развиваете у них невозддержание в пище и питье...

Но все это, конечно, звучит радостно, шутливо, любовно по отношению друг к другу.

* * *

Незадолго до наступления Нового года (1979-го) я заболеваю и несколько дней не могу навестить Елену Семёнову. В какой-то день, я уже на работе, меня подзывают к телефону:

– Сонечка! – слышу я голос Леночки. – Ну как вы? Я соскучилась по вам...

– Дорогая моя Елена Семёновна! Уже лучше ... уже скоро буду ...

– Не слышу... Сонечка, я стала сильно терять слух... как я вас теперь понимаю... Вы скоро приедете?

– Да! Скоро приеду! – я почти кричу, стараясь быть услышанной, но понимаю, что по телефону она не может разобрать слов. И только мое «да» доходит до цели.

* * *

По времени наша дружба длилась совсем недолго. Но как много она значила для меня... С какой любовью она

рассказывала о многих близких людях – о Шурике и Нонне Борисовых и их близнецах-дочерях, о своем муже Владимире Григорьевиче и обоих сыновьях, о многих духовных чадах отца Александра, в жизни которых часто принимала активное участие... Мы говорили с ней о молитве и богослужении, о ситуации в Новой Деревне, и при этом ни одного слова, ни намёка на осуждение кого бы то ни было ни разу не прозвучало из ее уст...

* * *

Ее смерть сразила меня и физически, и психологически: мне казалось, что я снова потеряла свою Соню – мою вторую маму (она была первой женой моего отца, но так его любила, что после его смерти перенесла на меня свою любовь, оставшись со мной до последнего своего вздоха)... потому что вся обстановка – материально и нематериально – самый дух в квартире у

*Отпевание Елены Семёновны Мень
в Сретенском храме в с. Новая Деревня 16.01.1979
Фото Виктора Андреева*

Леночки – невероятно напоминал мне атмосферу Соминоного дома...

После похорон я, зареванная, сидела у отца Александра в кабинете, а он, потерявший такую мать, говорил мне:

– Я понимаю вас ... считайте, что Господь продлил мамину жизнь ради вас... чтобы вы узнали ее... Ведь два года назад ей дали только две недели жизни – саркома печени... неоперируемая... две недели... А она прожила еще два года!

Я причастил ее... мы прочитали акафист преподобному Серафиму... вы же знаете, как она любила его... я собирался уходить, и вдруг она попросила меня задержаться... Я увидел, что ей стало хуже. Вызвали «скорую» (отец был в тот день не один – С. Р.). Ей откачали воду³. Ей стало немного лучше, но очень скоро ей снова стало хуже... Я держал руку на ее голове и молился до последнего ее вдоха... читал отходную... она уходила очень спокойно, мирно... я видел это...

Позднее кто-то из тех, кто вместе с отцом Александром присутствовал при кончине Леночки, сказал мне, что в то время, когда отец молился над ней, она неотрывно смотрела на картину, висевшую напротив ее кровати, где был изображен Иисус, идущий по водам.

*Москва
15.01.2013*

³ Чуть раньше Елена Семеновна говорила мне, что у нее началась водянка, почти одновременно с потерей слуха. – С. Р.

Анна Сергеевна Иговская (Ася)

София Рукова

ОБ АСЕ ИГОВСКОЙ

Ася Иговская
(середина 1920-х гг.)

На самом деле ее звали Анна (в крещении и по паспорту – Анна) Сергеевна Иговская¹. Ася всегда воспринимала свою фамилию с ударением на «И» как несение *ига*, посланного ей свыше, и всегда помнила слова Господа «Возьмите *иго* Мое на себя...». Я познакомилась с ней заочно следующим образом.

15-го января 1979 года уходит из своей земной жизни Елена Семеновна Мень, мама отца Александра Меня, ставшая в последние полгода моим близким другом. На девятый день мы – ее родные и друзья – собрались в ее квартире за большим овальным столом, за которым она так любила угощать нехитрым, но всегда очень вкусным, обедом или ужином каждого из приходящих к ней в дом. И вот, в какой-то момент отец Александр встал и сказал следующее²:

¹ Родилась 10/23 сентября 1907 г. в Санкт-Петербурге. Скончалась в Караганде 9-го июня 1994 г.

² Пишу по памяти, но очень близко к тому, что говорил отец Александр. – С. Р.

– У мамы была, и пока остается – она жива, – еще одна подруга, которой, к сожалению, нет сейчас среди нас и которая так же скорбит о ее уходе. Ее зовут Ася, и живет она очень далеко – в Караганде³. Мама постоянно переписывалась с ней, держала ее в курсе нашей жизни, так как после лагерей здоровье Аси было подорвано и, несмотря на тяжелые условия ее жизни в Караганде (ее отправили туда на поселение после лагеря), она так и не смогла вернуться в Ленинград (откуда родом) и вообще в «европейскую» Россию. И теперь, когда мамы не стало, она лишилась важной для нее связи с нашим приходом и вообще нашей жизнью. Я все эти дни думал, кто мог бы заменить маму в такой переписке. И решил предложить для этого (он сделал небольшую паузу) – Соню...

Отец оглядел присутствующих, как бы ожидая других предложений, но их не последовало (я в это время была как в оцепенении – мне казалось, что отец должен вручить мне что-то очень важное, а я... вдруг не оправдаю?), и он заключил:

– Ну, тогда решено. Вы согласны?

Он смотрит на меня, и я только киваю головой.

Отец продолжает:

– Вот и хорошо. Она пишет очень интересные письма, всегда сопровождает их акварельками. Мы сейчас дадим Вам ее адрес и несколько таких акварелек.

Так, уже с января 1979 года началась наша переписка, длившаяся на протяжении 15 лет – до ее последнего заболевания, приведшего к кончине 9-го июня 1994 года. За эти 15 лет она прислала мне немало акафистов, житий святых и христианских подвижников, переписан-

³ Тогда это был город в составе единой страны – СССР (Казахстан). – С. Р.

*Посылаю тебе Помощника...
Сегодня (10/11) день его Ангела
во св. Троицкий. Его молютва
много возмоща у Престола
Пресвятой Троицы*

Архимандрит Севастиан
(Фомин).

На обороте фото – надпись,
сделанная А. Иговской

ных ее рукой. Во многих письмах сообщала мало известные детали, касавшиеся праздников, почитаемых ею икон или жизни святых. Конечно, очень много о собственной жизни в Караганде с момента поселения в ней, о глубоко чтимом отце Севастьяне⁴, устроившем ее жизнь вместе с молодой девушкой Ниной, взявшей на себя заботу об Асе по благословению отца Севастьяна.

Именно в одном из своих писем Ася однажды написала мне, что как-то в глубоком сне (как бы въявь) она увидела, что кто-то постригает ее в иночество с именем Александра. Этот сон произвел на нее такое сильное впечатление, что она приняла его за «тайный (в смысле – таинственный) постриг». И хотя в реальности она пострига не принимала, но весь ее образ жизни, несомненно, был иноческого характера. И все свои пись-

⁴ В 1997 г. канонизирован как преподобноисповедник Севастиан Карагандинский.

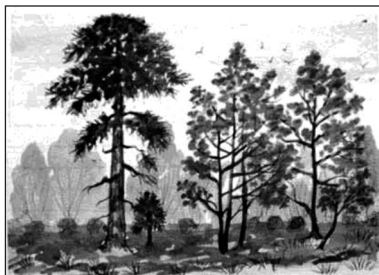
См. С. 132–142 данного альманаха.

ма она подписывала только именем «Ася» (иногда «Ась»), как называл ее родной отец.

К сожалению, я не смогла по разным причинам сохранить *все* ее письма – их были сотни, так как первые года три мы писали иногда по два, а то и три, письма в неделю. Она до такой степени себя обнажала передо мной (признаваясь, что ни одному «из местных», ни священнику не может *этого* открыть), что я просто

уничтожала такие письма из страха, что кто-то еще может их прочитать. Но все же многое можно прочитать из тех немногих писем, что сохранились.

Сохранилось и около 80 ее акварелей, которые я, в подражание Елене Семеновне, вырезала из писем, наклеивала на листки бумаги, а затем вклеивала в особый альбом. По светлым, радостным краскам, по удивительно светлому, мирному взгляду на окружающий ее мир трудно было понять, как такое возможно в условиях, где автор этих тонких художественных мазков сидит на кухонном столе, на котором стоит табурет для писания и табурет для сидения, потому что на уровне пола от холода замерзали чернила (и руки, естественно, тоже – она надевала перчатки «без пальцев»). После переселения в новый дом, в отдельную с Ниной квартиру, в 1980-м году, где, казалось бы, было удобнее и теплее, Ася

загрустила – ей очень не хотелось покидать «батюшкин» благословенный дом, где, несмотря на отсутствие всех и всяческих удобств, душа ее жила в мире и молитвенной радости, и тогда в акварельках стали появляться серые тона, а потом она просто стала клеивать не свои акварельки, а какие-нибудь вырезанные картинки: душа отказывалась воспринимать то, что виделось за окном стандартного дома. И все же свет в письмах преобладал: трудно было поверить, что этот свет и мир на акварельках переданы человеком, которого считали за сумасшедшую и отказывались... причащать (после кончины отца Севастьяна). Трудно было представить, что множество переписанных молитв и акафистов, житий и писем, в которых сквозит «слава Богу за всё!», писались женщиной, перенесшей блокаду (ее дневниковые записи в блокадном Ленинграде просто вызвали во мне сильнейшее потрясение, какое я не испытывала ни от каких других кино- или литературных документов: так буднично, смиренно, абсолютно бесстрастно все описано... и потому так страшно...), лагеря и поношения (полной мерой), тяжело больной, но усердно и непрестанно молившейся за каждую страждущую душу, попавшую в поле ее зрения.

Как-то в начале лета я попросила отца Александра благословить меня на поездку к Асе в Караганду на неделю или дня на три, но он твердо отсоветовал: «Через письма у вас хорошее общение, а встреча может повлечь непредвиденные сложности...». Позже Ася призналась в письме, что испугалась моего приезда к ней – боялась того волнения, которое испытала бы в случае моего появления. Она и в самом деле была очень эмоциональна и не всегда могла безболезненно справиться со своими чувствами, а долгие беседы ей вообще были

непосильны. Так что в жизни здесь мы не встретились, хотя нам всегда казалось (быть может, благодаря взаимному обмену фотографиями), что мы виделись и видимся.

В середине 80-х годов она стала присылать мне свои дневники – толстые тетради по 96 страниц каждая. Вначале с просьбой перепечатать их, которую я не могла выполнить из-за большой загруженности дома, на работе и в храме. Потом – просто для прочтения. Я

была потрясена до глубины души – вероятно, особенно потому, что писалось это просто как дневник для себя (и для Бога), не писательницей, а просто как свидетельство о своей «земной» жизни. У меня была от Аси маленькая иконочка 5 x 5 см – именно из-за таких иконочек, которыми Ася кормилась по деревням, когда ее в 1942-м вместе с другими вывезли из блокадного Ленинграда и оставили безо всего где-то в Сибири, – именно из-за этого ее и арестовали в 1944-м «за религиозную пропаганду» и отправили в ГУЛАГ, а потом, в 1952-м – в ссылку в Караганду, где ей вначале повезло с о. Севастьяном, а потом... всего не передать.

Она была из кружка ленинградских «катакомбных» девушек – любимой Маруси (нашей Марии Витальевны Тепниной), Нины Мемноновой (рано умершей), Елены Семёновны Мень и др., в том числе, часто упоминаемой Веры Д. (фамилию не помню), о которой и я молилась,

*Ася Иговская
06.05.1986*

Ася Иговская
1993 г.

чтобы вернулась ко Христу и к Церкви – многие ведь не выдерживали испытаний...

За все годы нашего с ней общения – будь то в письмах, акварельках, дневниках, фото-снимках – никогда и нигде не проскользнуло даже намек на жалобы к Богу, на Него – ни тени ропота, но только на себя, иногда на свое «окружение» (из двух Нин), но и тогда – полное приятие как некое препятствие, посылаемое ей для нового возрастания, преодоления

вражьих нападений. Мне всегда казалось, что все ее тяготы – физические, душевно-психологические, духовные – просто должны были довести ее до срыва, вплоть до сумасшествия, но всегда после очередного испытания я получала светлые благодарные строки **за всё** – за свет и тьму, за самые малые радости и огромные печали! Это целая жизнь полная немощи во всех смыслах, в которой совершалась сила Божия.

Ее жизнь – это исполненный согласия отклик на слова ап. Павла «Непрестанно молитесь. За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе. Духа не угашайте» (1 Фес 5:17-19); «переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа» (2 Тим 2:3); и на слова ветхозаветного Елеазара: «...принимаю бичуемым телом жестокие страдания, а душою охотно терплю их по страху пред Ним» (2 Макк 6:30).

Для меня Ася – яркий пример осуществления слов Господа: «сила Моя совершается в немощи» (2 Кор 12:9).

«ПРОМЫСЛ БОЖИЙ ВСЕГДА НАД НАМИ»

Письма протоиерея Александра Меня
к Анне Сергеевне Иговской¹
(1979–1990 годы)

* * *

Дорогая Ася! Меня внутренне озарило Ваше сообщение о сне, о маме. Я так надеялся, что ей сразу будет легче, что она, наконец, освободится и обретет свободу! Ваш сон подтверждает это. Я верю в его подлинность. Спасибо ей и Вам, что написали.

Буду молиться, чтобы Вы снова могли спать. Когда трудно, вспомните, ощутите: «Господь меня любит. Я живу в лучах Его любви и ласки. Он не оставит». В этом – все.

Храни Вас Бог.

Ваш пр. А. М.

* * *

Дорогая Ася! Внимательно прочел о Вашей Юлии Дм. И почувствовал, что она далеко не равнодушна к вере. Ее отталкивание есть симптом боли. Там болезненно прикосновение. Если бы Евангелие для нее было просто книгой, она бы не отказывалась его читать. Ей страшно и больно. Старается забыть и жить «как все». Чем тут поможешь? Буду молиться за нее вместе с Вами. А там – что Бог даст.

¹ Публикация Софии Руковой.

Идут праздничные дни. Мало бываю дома. Но о Вас всегда помню. Господь наша единственная крепость и надежда.

Пусть Он хранит, утешает Вас.

Пр. А. М.

* * *

Дорогая Ася! Вам исполнилось 72, но мысленно я по-прежнему представляю Вас молодой, какой видел у В. в Коптельском (хотя мы виделись и потом). Буду читать за Вас заочно молитвы против темных сил. Годы идут, но за все – слава Богу. День рождения есть день благодарения...

Попробуйте написать Вашему архиерею, чтобы он благословил Вас причащаться каждую неделю или хотя бы раз в месяц. Его резолюция устранил все препятствия. Я-то думаю, что причащаться нужно часто.

Храни Вас Господь.

Ваш прт. А. М.

* * *

Дорогая Ася! Как грустно думать, что у Вас такие сложности с Причастием. Какое это глубокое заблуждение наших клириков и мирян. В Москве пока этот грех преодолевается понемногу. Ведь св. Отцы требовали, чтобы человек приобщался каждый раз, когда бывает за литургией. А недостойн он всегда. Св. Златоуст говорил, что мы недостойны, даже если идем к Чаше раз в году.

Молюсь за Вас. Храни Вас Бог.

А. М.

С Вл. Иринеем я знаком. Он милый. Поговорить бы Вам с ним о Причастии.

ЖМП² поищу.

* * *

Дорогая Ася! Взаимно и Вас поздравляю с праздником и Вашим днем Ангела. Ведь Вы Анастасия? Простите, что не помню.

Думаю, что с Владыкой дело не безнадежно. Если я его увижу, я ему скажу. Но лучше всего Вам написать ему. Напишите кратко о своих недугах и тоже кратко о себе. Попросите благословения причащаться немного чаще. Посылая, напишите на конверте: лично. Быть может, Господь даст – он благословит и тогда никто не сможет Вам помешать.

Храни Вас Господь.

Ваш пр. А. М.

* * *

Дорогая Ася! Если Вы боитесь, то я ничего не буду предпринимать. Но, во всяком случае, помните, что я иногда вижу Вашего Владыку.

А, м.б., Вам нужно что-нибудь другое, кроме ЖМП? Ведь там много «официального», что ни уму, ни сердцу. Я попробую послать Вам на время что-нибудь духовное.

С любовью. Прот. А. М.

² Журнал Московской патриархии.

* * *

Дорогая Ася! Очень меня тронул и впечатлил Ваш сон с арбузом. Мама, действительно, любила так делать. И верю, что она за всех нас – детей и друзей – молится, чтобы нам достались хоть крохи незаслуженных милостей Божиих. Буду поминать и Вашего брата Бориса. Я как-то смутно представляю Ваши юные годы. Мама, да и Вы что-то рассказывали, но все стерлось. Напишите как-нибудь о себе в этом смысле.

Поздравляю Вас с началом благословенного времени Поста. Он – светлый и чистый. Самое прекрасное время года.

Храни Вас Бог.

Ваш п. А. М.

* * *

Дорогая Ася! Спасибо за то, что написали о себе. Всегда, следя за путями человеческими, видишь, что Бог зло обращает в добро и ВЕДЕТ. Вы нашли единственно верный путь – держаться за Господа и Его св. Чашу. Дай Бог, чтобы Вас понимали и не препятствовали.

Относительно Катерины, я писал ей, предлагая. Что выйдет, не знаю. Она, наверно, плохо понимает, насколько все это важно. Но не будем терять надежды. Господь долготерпелив. Вы сделали все, что могли. Напишите ей со смирением, что просите прощения, что хотели, как лучше, пусть не имеет зла.

Всегда помню о Вас. Помолитесь за С.³

³ С., Соня – София Рукова.

Она, наверное, писала о своих домашних трудностях.

Храни Вас Господь.

Ваш пр. А. М.

* * *

Дорогая Ася! Хочу написать Вам в ответ два слова о блудном сыне. Я это чувствую так, что мы каждый раз, когда в чем-то отступаем от Него (внешне или внутренне), оказываемся в его положении. Но в его приходе к Отцу есть великая радость, радость встречи, узнавания, примирения, обретения. Ведь изменять можно и считая, что ты остался с Ним, с Отцом. Вы сами пишете: приношу покаяние. Это ведь и есть возвращение блудного сына. Постоянное возвращение.

Храни Вас Господь.

Ваш А. М.

Я о Вашей просьбе не забыл. Просто надо поискать старые номера. И Соня была занята. Теперь пошлю, что найду.

* * *

Дорогая Ася! Рад, что Вам пригодились ЖМП. Пусть чтение отвлечет Вас от немощей и грустных мыслей. Господь с Вами.

С., действительно, очень много страдает в эти дни.

Мы вспоминали о Вас, когда ставили маме новый крест. Я очень благодарен Марусе⁴ и всем друзьям, которые так заботливо украшают её могилу. Маруся те-

⁴ Мария Витальевна Тепнина, с которой Ася Иговская была в многолетней дружбе.

перь совсем прижилась у нас в деревне. Хотя и ей временами приходится трудно, но все наши как бы стали её семьей. Она даже помолодела.

Жаль мне Веру Д. Но никого Господь не может спасти помимо его воли.

Дай Бог Вам сил и бодрости духа.

Ваш пр. А. М.

Напишите, что мы можем сделать для В. Д.

* * *

Дорогая Ася! Действительно, я не был в день Ангела В., но я всегда молюсь за нее. И просто не было возможности.

Рад, что Вы нашли кое-что в журнале. Я с ним разберусь. Куда-то девался второй экз. 78 г.

Относительно фото брата, то я уверен, что отдал его Соне. Буду искать в своих бумагах. Увы, их так много. Надеюсь, найду. Но за него, во всяком случае, молюсь.

Дай Бог, чтобы руки Ваши окрепли. Вся наша надежда на Него.

Мы тоже мерзнем в эти дни. Никак по-настоящему не затопят. Но главное, чтобы огонь иной согревал.

Храни Вас Господь.

Ваш пр. А. М.

Открытка, с акварелью Аси Изговской –
Марии Витальевне Тепниной (Марусе),
г. Караганда, 1973 г.

Из семейного архива А. В. Каменевой
(в замужестве – Корниловой),
племянницы М. В. Тепниной

На обороте открытки:

В день Прав. Иоакима и Анны, 22/IX я прич-сь, Слава Гос-поду!

Дорогая Марусенька!

Не могу не поздравить тебя, с днём Торжества Креста Господня; — хотя сердце требует, нескольких слов от тебя — ко мне. И не столько к дню моего рождения, сколько в отношении приезда к тебе Наты — что ты об этом думаешь?..

Твоя Ася. 24/IX, 73

* * *

Дорогая Ася! Сегодня, в день именин мамы мы вспоминали Вас. Сердцем чувствую все Ваши трудности. Как это грустно, что наша церковная жизнь такая косная, что человек не может подойти к св. Чаше, когда его влечет сердце. Этот грех – плод неправильного развития церковной жизни, за которое мы платимся до сих пор. Но на все воля Божия...

У С. все еще продолжают печали (семейные). Она не пишет, т.к. не в состоянии. Но надеюсь, что общая молитва друзей ее поддержит.

Дай Бог Вам сил и бодрости духа.

Ваш п. А. М.

Н.З. есть, но очень мелкий шрифт. Подойдет ли?

* * *

Дорогая Ася! Я писал Вашей Кате, адрес свой дал ей, чтобы мы могли списаться, но потом она не ответила. Надеюсь, она потом напишет. И что-нибудь придумаем. Кстати, я ее адрес никак не найду. Напишите.

Очень рад, что у Вас нашелся один настоящий священник (пишу так, потому что пастырь, не допускающий без причины до Чаши, не пастырь, а языческий жрец), который Вас приобщил. А искушения Ваши будут слабеть, если «примете» их, как неизбежный крест, с согласием.

В таких скорбях Господь всегда близок...

Чем бы Вас порадовать к празднику? Что прислать?
Мир Вам и Божие благословение.

Пр. А. М.

* * *

Дорогая Ася! Поздравляю Вас с праздником Рождества. Будем молиться вместе, чтобы Господь и впредь не оставлял Вас. Он – наш единственный Утешитель и Отец. К Нему будем прибегать во всех напастях. И Он же пошлет силы терпеть «жало в плоть».

Прилагаю открытку Вашей Катерине. Перешлите ей.
Храни Вас Бог.

Ваш пр. А. М.

* * *

Дорогая Ася! Я получил письмо от Вашей Катерины. Напишу ей. Всегда помню и молюсь. Господь – единственный, Кто нас может поддержать и укрепить. Вручаю Вас Его благодатной помощи.

С любовью

пр. А. М.

* * *

Дорогая Ася! Такое совпадение: когда Вы читаете о Плащанице, я заново работал над материалами о ней. Это удивительно! И пока все подтверждает ее подлинность. И значит, Лик Христа смотрит с нее на нас. Но даже если бы её не было, этот Лик остался бы в нашем сердце.

Спасибо за молитвы. В день маминого ухода мы вспоминали ее подруг и Вас. Как чудесно, что узы духа не разрушаются от времени.

Храни Вас Господь.

Ваш пр. А. М.

* * *

Дорогая Ася! Христос воскрес! Молюсь о Вас. Надеюсь, что в новом месте Вам будет лучше. Ведь в старом накопилось много в мистической атмосфере.

Относительно переезда, я был бы счастлив, но в нашей области прописаться практически невозможно. Запрет строгий. Только по обмену.

Мы все (т.е. те, кто Вас знает) помним о Вас. Не чувствуйте себя одинокой.

По закону, кто состоит на учете в диспансере, имеет право на отдельную комнату (как минимум).

Храни Вас Бог.

Пр. А. М.

* * *

Дорогая Ася! Всегда помню о Вас. Хотя, конечно, Вы можете получить другой вариант, но Вы сами пишете, что храм будет далеко, а это осложнит всю жизнь.

Пишите мне (и Соне) обо всем, что Вам нужно и хочется. Будем молиться и постараемся помочь.

Храни Вас Господь.

Ваш пр. А. М.

* * *

Дорогая Ася! Чувствую, как Вам трудно, но поверьте, постепенно, Бог даст, все войдет в колею, и Вы привыкнете. Будем молиться, чтобы Господь Вас укрепил.

Что касается фото, то это действительно негатив Лика с Туринской Плащаницы.

Сейчас её передали ученым для исследования. Очень много об этом пишут в западных журналах и газетах. Большинство данных в пользу подлинности, хотя окончательных выводов нет. Установлено, что она не создана художником, что она естественный отпечаток, полученный каким-то непостижимым образом, что на ней сохранилась пыльца древних палестинских растений. Если все подтвердится, то мы будем знать, что иконописная традиция – подлинная.

Храни Вас Господь.

Ваш пр. А. М.

* * *

Дорогая Ася! Я все понимаю и сопереживаю о Ваших искушениях. Но главное – не придавать им слишком большого значения. Считать плоть как бы «чужой» себе и не убиваться. Господь милостив, и если Он дает что-то потерпеть, значит так нужно. Может быть, если бы это отнялось – пришло бы худшее. Будем терпеть, как «жало в плоть».

Относительно Веры Д., то я ее письма не получил. Может быть, еще придет. Но причины ее боязни приехать к нам я знаю и так. Бог дал бы ей сил здесь обновиться. Еще не все потеряно. Я все еще жду ее. Так ей и напишите.

Поберегите свои глаза. Они еще пригодятся. Господь Вас не оставит. Думаем о Вас в день мамы и В. Я., когда ходим на могилу.

Храни Вас Бог.

Ваш пр. А. М.

* * *

Дорогая Ася! Приехал из отпуска и нашел два Ваших письма. Да, действительно, С. нелегко. Но Бог даст, все устроится. В. в Л-д постараюсь написать. Очень мне ее жалко, но она сама прячется, как в раковину. Вспоминаю наши беседы в садике у храма «на крови». Ее многое волновало, интересовало, она была живой, хотя и не простой. А теперь какая-то немота и глухота.

Буду молиться, чтобы стала тише Ваша больная. Трудно ведь жить рядом с таким человеком. Но Господь Вас не оставит. Он и в искушениях близок от нас. Все вспоминаются слова св. Павла о «жале в плоть». Его мучила какая-то болезнь, наверно, лихорадка, но она не была отнята от него. Благодать проявлялась в немощном сосуде. И Вы тоже просите, но если враг нападает, помните о безграничной любви Создавшего нас. Он видит и знает, и проводит через скорби к свету.

Храни Вас Бог.

Ваш пр. А. М.

* * *

Дорогая Ася! Господь да поможет Вам в Ваших искушениях. Как жаль, что те, кто принимает у Вас исповедь, не понимают простых вещей. Это признак на-

шей церковной немощи и недостойнства. Но Господь поможет. Он, а не люди, прощает и разрешает. Мы же – только немощные Его служители. Буду молиться о Вас и о тех, о ком Вы пишете.

О Вере – Вы правы. Я это тоже знал. Не знаю, что сейчас может ей помочь. Нет у нее верности Богу, а измена – великий грех.

Не падайте духом. Пишите, что Вам прислать. О чем Вы хотели бы почитать?

Храни Вас Господь.

Ваш прот. А. М.

* * *

Дорогая Ася! Сегодня дал Соне книгу послать Вам. Она очень содержательная. А это образ Иосифа Обручника из Испании. Там его особенно почитают.

Молюсь за Вас. Рад, что удалось Вам чаще причаститься.

С любовью

пр. А. М.

* * *

Дорогая Ася! Вчера был день рождения Верочки и позавчера – мамы. Мы молились на их могилах. И Вас вспоминали. Как отрадно, что долгие годы не разрушили связи, что не разрушила ее и телесная смерть. Жизнь похожа на поезд, катящийся под откос, а спасение в Господе, Который есть единая наша надежда, свет и радость.

Я рад, что Вера Д. не рассердилась, получив мое письмо. Все дело в ней самой. Конечно, все мы, священники (и католики, и православные) – только люди, но ведь верить надо не священникам, а Христу. Они годны лишь на то, чтобы передавать Его Благую Весть. Они не от себя учат. И не все уж такие ужасные. Много есть людей, которые молятся в церкви, не зная лично никого из священников, и в Причастии встречают Господа.

Дай Вам Бог сил для победы над врагом.

Ваш пр. А. М.

* * *

Дорогая Ася! Получил немного с опозданием Ваше письмо о Л. – подруге В. Н. И вот подумал: можно ли её судить? Ведь человек не только обращается ко Христу, он должен **по Его воле** войти в Церковь. А что такое Церковь по замыслу Господа? Разве это просто место, куда приводят чужие люди, чтобы послушать полупонятное, причаститься и уйти? Нет, Ася дорогая, Церковь – это **община**, братство людей. Само слово «церковь» переводится с греч. языка как общение людей. А этого у нас сейчас нет. Только немногие могут жить в вере без Общины. Те, у кого есть запас духовный, память о жизни в таком церковном общении или возможность самостоятельно жить вопреки окружающей среде. Вот и Л. не могла **сама** тянуть. Неоткуда было черпать «познание веры», углубление в неё. Её близкими были не христиане, а чужие вере родные. Так что, в значительной мере виновна не она, а несовершенство нашей церковной жизни. Очень хорошо, что вы её по мере сил опекали, но эта опека (если она еще появится у Вас) должна быть иной. Ей надо помочь: помочь почув-

ствовать глубину и красоту Христа и Евангелия. Чтобы это было для нее не формальная обязанность – ходить в храм, а что-то важное для жизни. М.б. её беды заставят её подумать о жизни. Не внушайте ей, что здесь наказание. Страдают ведь в этом мире всякие люди: и плохие, и хорошие. Просто мир во зле лежит. И спасти от зла может только Господь.

С любовью

Ваш прт. А. М.

* * *

Дорогая Ася! Спасибо за поздравление. Ситуацию с Л. я теперь понял яснее, но сказанное, конечно, остается в силе. Что ж поделать? Только молиться за неё.

На днях пошлю Вам хорошую книгу. С В.Д. я не знаю, как быть. Нет у меня в Л. человека, который мог бы ее «вытащить». Но, м.б., Бог пошлет. Мы все всегда Вас помним, как члена нашего прихода, заочно. Соня сейчас в плохом состоянии. Неважно себя чувствует и огорчена. Но надеюсь, все пройдет.

Вере потом, м.б., напишу еще. Но что ей это даст?

Храни Вас Господь.

Ваш пр. А. М.

* * *

Дорогая Ася! Простите, что не всегда сразу отвечаю. Но помню Вас постоянно. Узы духа ненарушимы.

У нас уже выпадает снег. Идет осень. Но она всегда напоминает, что за сном смерти наступает воскресение

и пробуждение. О том, что Промысл Божий всегда над нами. И всё будет хорошо. Это, как радуга в Ветхом Завете – в знак того, что все будет по воле Божией, т. е. ко благу.

Соне сейчас очень нелегко. Её сын в напастях. Он хороший мальчик, но со склонностью к приключениям (иногда небезопасной в его возрасте).

Но как бы ни был враг силен, мы всегда знаем, что сила Божия его одолевает, если мы будем *уповать*.

Вот этого-то упования и Вам желаю.

Храни Вас Господь.

Ваш пр. А. М.

* * *

Дорогая Ася! Относительно Сони Вы правы. Но будем надеяться, что все постепенно придет, если не к прежнему, то все же улучшится. Ей сейчас очень не просто. Вы очень метко заметили, какая непостижимая требовательность у В.Д. Так жить невозможно. Это и есть источник её бед. Но все же что-то сдвинулось. И её друзья новые ей помогут. Ведь здоровье её плохое. В любой день Господь может призвать к Себе. Нехорошо будет, если она унесет с собой мрак и озлобление. Но Бог её жалеет и смягчит.

Спасибо Вам за поздравление. Да пошлет Вам Господь мирные и полезные душе дни поста.

Ваш пр. А. М.

* * *

Дорогая Ася! Я долго не писал, т. к. мой настоятель был в отпуске, и я поэтому почти не бывал дома.

Поистине наша юдоль – юдоль скорбей. И Вам так трудно, но Господь Вас не оставит. Я понимаю, что многие, с кем Вы переписываетесь, не приносят Вам радости. Но все же это живые люди. Слава Богу, за ребят. А о Вашей Наталье 90-летней буду молиться. Много в мире всяких заблуждений. И на свою знакомую пят. не обижайтесь. Пусть «обращает». Вы знаете Господа. И это главное. Молюсь о том, чтобы Он послал Вам духовное утешение.

Соня сейчас в более спокойном состоянии. Сын служит. Но здоровьем очень слаба. Но все же держимся вместе, уповая на милость Божию. Маме поставили у креста доску с её портретом. Хожу туда часто.

Храни Вас Бог.

Ваш пр. А. М.

* * *

Дорогая Ася! Да благословит Вас Господь за те души, о которых Вы так трогательно печетесь! Ваша помощь им неоценима, особенно потому, что среди нашего брата, служителя они мало могут найти любви. Буду и я молиться о них.

Шлю Вам рисунки с символом дружбы.

Ваш пр. А. М.

* * *

ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ!

Дорогая Ася! Сердечно благодарю. Взаимно поздравляю. Да пребудет с Вами мир Христов и свет Его воскресения.

Соня, наверно, писала Вам о своих печалях. Помогите о ней.

Храни Вас Бог.

Ваш пр. А. М.

* * *

Дорогая Ася! Чувствую издалека Ваши скорби и недуги. Но одно нам остается: хранить беззаветную верность Ему. Чем больше все облетает, тускнеет и рушится вокруг и в жизни, тем ярче свет Его.

Поминаю Вас молитвенно и верю, что Господь не даст Вам изнемочь.

Всегда Ваш

пр. А. М.

* * *

Дорогая Ася! Чувствую, как Вам трудно сейчас, и буду впредь молиться, чтобы темные силы оставили Вас в покое. Не чувствуйте себя одинокой. Я специально связал Вас с Соней, чтобы Вы знали, что заочно принадлежите нашему приходу. Я ведь помню Вас молодой, и такой Вы для нас остались. Все проходит – вечное остается.

Храни Вас Бог.

С любовью, пр. А. М.

* * *

Дорогая Ася! Молюсь о том, чтобы бремя Вас оставило, хотя все мы, имеющие Благодать, должны терпеть и искушения. Главное: Он нас любит и принимает такими, как мы есть. Спасаемся Им, Его Крестом, а не праведностью своей... Не падайте духом. Не грех силен, а Любовь Его... «Жало в плоть» не отлучит нас от любви Христовой. Чего же больше?

На днях пошлю Вам что-нибудь почитать, чтобы была пища для души.

Храни Вас Господь. Спасибо, что молитесь и помните.

Ваш пр. А. М.

* * *

Дорогая Ася! Приехал и получил Ваше письмо. Дай Бог Вам сил жить среди искушений, не теряя надежды на наше единое Упование.

Вы правы относительно чувств Вашей второй Н. Это легко предположить. Люди в этом часто не властны. Но силен Тот, Кто побеждает и прощает наши немощи. Жить с Ним – это радость. А все остальное – темный дым, который рано или поздно будет развеян.

Храни Вас Господь.

Ваш пр. А. М.

ИЗ ЖИТИЯ ПРЕПОДОБНОГО СТАРЦА СЕВАСТИАНА (ФОМИНА), ИСПОВЕДНИКА КАРАГАНДИНСКОГО¹ (1884–1966)

Блаженный старец схиархимандрит Севастиан (Стефан Васильевич Фомин) родился 28 октября / 10 ноября 1884 года в селе Космодемьяновское Орловской губернии в бедной крестьянской семье.

Монах Оптиной пустыни с 1909 до ликвидации монастыря в 1923 году. С 1928 по 1933 год (вплоть до ареста) о. Севастиан служил в городе Козлове, где вел активную борьбу с обновленцами; поддерживал связь с бывшей в рассеянии братией Оптиной пустыни и с сестрами разоренного Шамординского монастыря (Агриппиной, Февронией и Варварой, которые остались с батюшкой навсегда, были рядом в годы его заключения в Карлаге и в Караганде жили до самой смерти).

В это время в Козлове проживали и другие иноки и инокини из разоренных монастырей, а также миряне, посещавшие прежде Оптину пустынь. И сердца искренне ищущих спасения неведомой силой влеклись к о. Севастиану. Это не могло не обратить на себя внимания местных властей.

25 февраля 1933 года о. Севастиана вместе с инокинями Варварой, Агриппиной и Февронией арестовали и отправили в Тамбовское ОГПУ для прохождения следствия.

2 июня 1933 года заседание Тройки ПП ОГПУ по НЧО по внесудебному рассмотрению дел постановило:

¹ По материалам интернет-портала Православие. Ru <http://www.pravoslavie.ru/put/60947.htm>

«Фомина Степана Васильевича, обвиняемого по ст. 58-10, УК, заключить в исправтрудлагерь сроком на 7 лет, считая срок с 25/2 1933 г.».

Много позднее батюшка рассказывал о своем пребывании в Тамбовском ОГПУ: «Было у меня такое испытание: когда меня принуждали отречься от Православной веры, то поставили в одной рясе на всю ночь на мороз и стражу приставили. Стража менялась через каждые два часа, а я бессменно стоял на одном месте. Но Матерь Божия опустила на меня такой «шалашик», что мне было в нем тепло. А утром меня повели на допрос и говорят: «Коль ты не отрекся от Христа, так иди в тюрьму». И посадили на 7 лет.

Отец Севастиан был отправлен в Тамбовскую область на повалку леса. Духовные дети узнали место лесоповала и, невзирая на дальность расстояния, находили возможным приносить ему передачи, утешать и поддерживать, кто чем мог. Через год о. Севастиан был отправлен в Карагандинский лагерь, в поселок Долинка, куда прибыл 26 мая 1934 года.

В начале 30-х годов для освоения целинных земель Центрального Казахстана и разработки Карагандинского угольного бассейна в окрестности Караганды стали свозить «раскулаченные» крестьянские семьи, называемые «спецпереселенцами». Жилищем им служили ямы в степи, покрытые чем угодно, чтобы только можно было в них укрыться от ветра, дождя и снега. Эти жилища спецпереселенцы копали себе сами. Постепенно они стали выстраивать саманные бараки, которые были сырыми и неотапливаемыми. Антисанитарные условия, недостаток хлеба, воды, холод, цинга и разбушевавшийся тиф, в период 1931–1933 гг. стали причиной массовой гибели людей.

В эти же годы Казахстанская степь стала покрываться сетью отделений образованного в 1931 году филиала ГУЛАГА – Карлага, куда, вместе с уголовниками пошли этапы жертв политических репрессий. Столицей Карлага был поселок Долинка (33 км от Караганды), ворота, куда пребывали заключенные – станция Карабас, и братской могилой тысячи тысяч его узников стала вся безбрежная степь Центрального Казахстана.

О своем пребывании в лагере батюшка вспоминал, что там били, истязали, требовали одного: отрекись от Бога. Он сказал: «Никогда». Тогда его отправили в барак к уголовникам. «Там, – сказали, – тебя быстро перевоспитают».

По слабости здоровья батюшку поставили работать хлеборезом, затем сторожем складов в зоне лагеря. В последние годы заключения о. Севастиан был расконвоирован и жил в каптерке в третьем отделении лагеря, находящегося близ Долинки.

Заключенные и лагерное начальство полюбили батюшку. Злобу и вражду побеждали любовь и вера, которые были в его сердце. Многих в лагере он привел к вере в Бога. И когда о. Севастиан освобождался, у него в зоне были духовные дети, которые по окончании срока ездили к нему в Михайловку.

Отец Севастиан был освобожден из лагеря 29 апреля 1939 года накануне праздника Вознесения Господня. Он пришел к своим послушницам в крошечный домик в Большой Михайловке. Сестры работали, батюшка занимался хозяйством. Вместе молились, батюшка тайно служил Литургию и ежедневно вычитывал суточный круг богослужений.

Население Караганды в те годы составляли прикрепленные к угольным шахтам с пометкой «навечно» все

те же спецпереселенцы, а также освобождавшиеся со справкой «вечная ссылка в Караганду» бывшие узники Карлага. Более двух третей населения города не имело паспортов. Жили ссыльные в темных чуланах, землянках и сарайчиках, и каждые 10 дней они обязаны были отмечаться в комендатурах.

Караганда была голодным городом, особенно плохо с хлебом было в военные и послевоенные годы. Отец Севастиан сам ходил в магазин получать хлеб по карточкам. Одевался он, как простой старичок, в очень скромный серенький костюмчик. И вот он шел, занимал очередь. Очередь подходила, его отталкивали, он снова становился в конец очереди и так не один раз. Люди это заметили и, видя его незлобие и кротость, стали без очереди пропускать батюшку и давать ему хлеб.

А однажды, когда о. Севастиан ходил с монахинями на кладбище, что за поселком Тихоновкой, где по средине кладбища были общие могилы, в которые клали в день по двести покойников спецпереселенцев, умиравших от голода и болезней и зарывали их без погребения, без насыпи, без крестов, и, посмотрев на все это и обо всем наслушавшись, старец сказал: «Здесь день и ночь, на этих общих могилах мучеников, горят свечи от земли до неба». И был старец молитвенником за всех них.

Шло время. Жители Михайловки, узнав о батюшке, стали приглашать его к себе, в свои дома. Разрешения на совершение треб не было, но о. Севастиан ходил безотказно. Народ в Караганде был верный – не выдадут.

И в 1955 году, после многолетних бесконечных ходатайствований о регистрации религиозной общины, в Большой Михайловке, в день праздника Вознесения

Господня была освящена церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Отец Севастиан был настоятелем этой церкви 11 лет – с 1955 по 1966, т. е., до дня своей кончины.

В 1964 году ко дню своего ангела о. Севастиан был награжден архиерейским посохом – награда, примеров не имеющая.

Неутомимое подвижническое служение православной Церкви от послушника в скиту Введенской Оптиной пустыни до настоятельства и посвящения в сан архимандрита о. Севастиан исполнял 57 лет – с 1909 по 1966 год.

Перед блаженной своей кончиной батюшка был пострижен в схиму.

Батюшка сохранял безупречное исполнение церковного Устава, не допуская при богослужении пропусков или сокращений. Церковные службы были для него неотъемлемым условием его внутренней жизни. Батюшка особенно благоговел перед праздниками Вознесения Господня и Святой Троицы, как завершающими дело Христа Спасителя, как венцом всех Таин Христовых. В беседах его любимым образом был Иоанн Богослов, память которого он совершал особенно торжественно и благоговейно. Часто скорбел о недостаточном почитании своей паствой этого Апостола Любви, и говорил: «Вот сегодня день памяти перенесения мощей Святителя Николая, – и церковь полна народа. А вчера был праздник святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, – и церковь была полупуста. Как же вы не понимаете, кто выше и кого надо больше почитать? Какой праздник больше?».

Постоянной заботой о. Севастиана было устройство в людских душах глубокого мира.

Любовь батюшки была нежная, заботливая. Иногда он сердился, но редко. Он не жалел времени на беседу с человеком. Жизнь верных чад батюшки была примером порядка. Их называли «батюшкины», говорили, что добрая половина Михайловки, как негласный монастырь.

Несомненно, что батюшка обладал даром прозорливости, хотя этот дар он не выказывал явно.

У батюшки не было особых любимчиков, ко всем он относился ровно и этим еще больше сплавивал вокруг себя людей. У него была духовная мудрость, великое терпение.

Он заботился о спасении каждого, это была его цель. Он просил: «Мирнее живите».

Он часто ездил в поселки Дубовка, Сарань, на Федоровку, в Топар. На дому крестил, на дому отпевал. В тех местах, где он бывал, в данный момент образованы приходы по его молитвам. Бывал он и в поселке Долинка, где отбывал срок заключения. Но особенно о. Севастиан любил посещать поселок Мелькомбинат. Он говорил, что в Михайловке у него «Оптина», а на Мелькомбинате – «Скит». Туда по благословению батюшки переезжали многие верующие из разных уголков Караганды: Майкудука, Тихоновки, Пришахтинска, Компанейска. В основном на Мелькомбинате жили семьи, или, точнее, остатки семей, уцелевшие после перенесенной ими в начале 30-х годов трагедии спецпереселения. Насельники Мелькомбината – это люди с пострадавшими сердцами, переломанными судьбами, овдовевшие жены, осиротевшие дети. У каждого была своя боль, свои душевные раны. Были люди с тяжелыми характерами, капризные, мнительные, агрессивные, замкнутые. Но батюшка находил подход к каждой

страдающей душе. Так же среди людей, окружавших старца было много монашествующих, высланных в Караганду в годы гонений или позднее приехавших к нему из России и других республик. Среди них были люди уникальные, талантливые, подвижники высокой духовной жизни. В целом это была крепкая христианская община, степной казахстанский «скит», который во время безбожного коммунистического режима сумел организовать и взрастить на святой земле карагандинских лагерей оптинский старец.

Отец Севастиан не благословлял своим духовным чадам ездить по монастырям. «Здесь, – говорил он, – и Лавра, и Почаев, и Оптина. В церкви службы идут – все здесь есть». Если кто-то собирался куда переезжать, он говорил: «Никуда не ездите, везде будут бедствия, везде – нестроения, а Караганду только краешком заде-нет».

Святейший патриарх Алексей очень желал видеть старца Севастиана и беседовать с ним. Он благословил владыку Питирима (Нечаева) привезти батюшку хотя бы самолетом. Но батюшка был уже слаб и не дал согласия: «Самолетом я не гоюсь летать» – ответил старец и остался в Караганде.

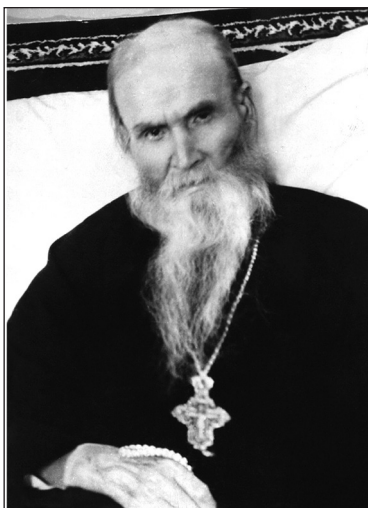
Батюшка часто напоминал о смерти, о переходе в вечность. Когда к нему обращались с вопросом: «Как мы будем жить без вас?» – он строго отвечал: «А кто я? Что? Бог был, есть и будет! Кто имеет веру в Бога, тот, хотя за тысячи километров от меня будет жить и спасется. А кто, пусть даже и тягается за подол моей рясы, а страха Божия не имеет, не получит спасения».

Наступил Великий пост 1966 года – последний в жизни старца. Первую неделю поста о. Севастиан служил ежедневно, сам читал ясным и четким голосом

Великий покаянный канон преп. Андрея Критского. В воскресенье Торжества Православия служил литургию. В эти дни он ни с кем не беседовал, никого не принимал.

10 апреля в пасхальную ночь, о. Севастиан хотел, что бы его отнесли в церковь, так как сам идти не мог, но не смог подняться. Все, окружавшие его пришли в душевное смятение, но батюшка сказал: «Зачем вы ушли из церкви? Я еще не умираю. Еще успею и здесь и с покойниками похристосоваться. Идите спокойно на службу».

Утром 12 апреля, во вторник Пасхи о. Севастиан чувствовал себя лучше, дышал свободно. «Одевайте мне сапоги, – сказал он келейнице, – я должен выйти к людям, похристосоваться, чтобы они не печалились, я обещал. Скажу всем главное». Мальчики понесли батюшку в церковь. Он был в мантии, в клобуке. Посидел немного у престола, потом поднялся, вышел в царские врата на амвон. Встал, опираясь на посох, и стал прощаться с народом: «Прощайте, дорогие мои, ухожу я уже. Простите меня, если чем огорчил кого из вас. Ради Христа простите. Я вас за все прощаю. Жаль, жаль мне вас. Прошу вас об одном, об одном умоляю, одного требую, любите друг друга. Чтобы во всем был мир между вами. Мир и любовь. Если послушаете меня, а я так вас прошу об этом, будете моими чадами. Я недостойный и грешный, но много любви и милости у Господа. На него уповаю. Если удостоит меня Господь светлой своей обители, буду молиться о вас непрестанно. И скажу: «Господи, Господи! Я ведь не один, со мною чада мои. Не могу я войти без них, не могу один находиться в светлой Твоей обители. Они мне поручены Тобою...». И потом тихо, еле слышно: «Я без них не могу». Сказал,

Одна из последних фотографий архим. Севастиана (Фомина)

Икона преподобно-исповедника Севастиана Карагандинского

хотел поклониться, но не смог, только наклонил голову. Мальчики подхватили его под руки, повели в алтарь. В храме все плакали.

В субботу 16 апреля в 9 часов утра приехал из аэропорта духовный сын батюшки владыка Питирим (Нечаев). Сразу прошел к старцу и был поражен его видом. «Таким я его никогда, ни при какой болезни не видел», — сказал он потом окружающим. Батюшка просил его сейчас же приступить к чину пострижения в схиму.

После пострига батюшка говорил очень мало. Удивительно преобразилось его лицо и весь его вид. Он был преисполнен такой благодати, что при взгляде на него трепетала душа и остро ощущалась собственная греховность. Это был величественный Старец и уже не здешнего мира житель.

В понедельник вечером, на парастас Радоницы, о. Севастиана отнесли в церковь. Он слушал пение, часто крестился. Служил владыка Питирим. Когда пропели «Вечная память», велел нести его домой. После службы беседовал с прилетевшим из Мичуринска о. Иоанном: «Успели вы ко мне приехать, а я успел сегодня похристосоваться со всеми усопшими и помолиться за них. Вот ведь, день какой хороший! Сегодня владыка помолился, и завтра помолится за всех моих усопших чад. Дожил я до Радоницы. Господь милостив. А усопшим так нужны, так дороги молитвы за них живых. Я за усопших больше всего всегда молился. И вам, о. Иоанн, завещаю: молитесь за усопших больше всего. За все слава Богу! Слава Богу за все!».

Утром 19 апреля в 4 часа 45 минут батюшка умер. Был вторник, Радоница.

Проститься с батюшкой съезжались духовенство и миряне – духовные чада старца – со всех концов Казахстана, Сибири, Европейской части России. Священники беспрерывно служили панихиды, пел хор. А люди все ехали и ехали. От святейшего патриарха Алексия I была получена телеграмма: «Выражаю соболезнование прихожанам храма по случаю кончины благодатного старца архимандрита Севастиана. Вашему Преосвященству, Епископу Волоколамскому Питириму благословляется совершить погребение в Бозе почившего. Патриарх Алексий».

На третий день батюшку хоронили на Михайловском кладбище. На катафалке гроб везли только небольшой отрезок пути до шоссе. Свернув на шоссе, гроб понесли на кладбище на вытянутых вверх руках. Он плыл над огромной толпой народа и был отовсюду виден. Все движение на шоссе было остановлено, народ шел

сплошной стеной по шоссе и по тротуарам. Окна домов были раскрыты – из них глядели люди. Многие стояли у ворот своих домиков и на скамейках. Хор девушек с пением «Христос Воскресе» шел за гробом. «Христос Воскресе» – пела вся многотысячная толпа. Когда процессия проходила мимо цементного завода, весь забор был заполнен сидящими на нем рабочими, и вся смена в запачканных мокрым раствором спецовках высыпала на заводской двор. Сквозь толпу ко гробу пробирались люди, что бы коснуться его рукой. Многие ушли вперед и ожидали гроб на кладбище.

Могила для батюшки была вырыта на краю кладбища, а за ней простиралась необъятная казахстанская степь. У могилы отслужили литию, гроб опустили в могилу, насыпали могильный холм, поставили крест.

В 1997 году произошло обретение мощей прп. Севастиана Фомина исповедника. Канонизирован как преподобноисповедник Севастиан Карагандинский. Дни его поминаения: 19 апреля (по новому стилю) и 22 октября (по новому стилю).

Мария Витальевна Тепнина

Анна Корнилова

Анна Корнилова родилась в 1940 г. в Москве. Училась в МГУ им. М. В. Ломоносова, затем в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина в Ленинграде. Работала научным сотрудником Русского музея и Специальных научно-реставрационных мастерских. С 1978 г. – редактор, а позднее – заведующая редакцией Ленинградского отделения издательства «Искусство». С 1986 г. – доцент, с 1995 – доктор искусствоведения, а с 1999 – профессор Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной Академии им. А. Л. Штиглица.

Известна, как специалист по истории русского искусства XIX – начала XX вв. и как знаток истории русской художественной культуры XIX века. Автор восьми книг, в их числе «Карл Брюллов в Петербурге» (1976), «А. Г. Венецианов» (1980), «Картинные книги» (1982), «Мир альбомного рисунка» (1990), «Г. Г. Гагарин. От романтизма к русско-византийскому стилю» (2001).

Принадлежит к роду дворян Корниловых, и состоит в Губернском собрании Санкт-Петербурга.

ОТ РАССТАВАНИЯ ДО ВСТРЕЧИ

Из воспоминаний о М. В. Тепниной¹

*Мертвые, о которых помнят,
живут так, как будто они не умирали...*

Морис Метерлинк. «Синяя птица»

Имя Марии Витальевны Тепниной неразрывно связано с именем отца Александра Меня. Она была другом его семьи и даже больше, чем другом. Как-то, в 1980-е годы, когда я поблагодарила его за заботу о ней, – а ей в то время уже шел девятый десяток, – отец Александр сказал: «А как же иначе? У меня не так много родственников, а я считаю её своей родственницей».

В 1985 году отец Александр подарил Марии Витальевне на день рождения (а оба они родились 22 января) Новый Завет, принадлежавший покойной Елене Семёновне, – с надписью, за которой стояла целая жизнь: «Дорогой Марусе мамин Новый Завет в знак неразрушимой связи между нами. 22. I. 85».

И действительно, она была рядом с ним с его раннего детства и до конца его жизни (не считая 8 лет, проведенных ею в тюрьме, лагере и ссылке) и принимала большое участие в его делах и житейских заботах. И даже упокоились они рядом, слева от алтарной части церкви Сретения Господня в Новой Деревне.

Вера Яковлевна Василевская², тётя отца Александра, вспоминала, что когда Алику было около пяти лет,

¹ Публикуемые в тексте документы и фотографии взяты из семейного архива А. В. Корниловой (урожд. Каменевой).

² Вера Яковлевна Василевская (1902–1975), двоюродная сестра Е. С. Мень, подруга М. В. Тепниной. Кандидат педагогических наук; автор многих трудов, в том числе, – книги воспоминаний «Катакомбы XX века». М., 2001.

*Мария Витальевна Тепнина.
Середина 30-х годов*

он начал заметно волноваться перед причастием, которое до этого воспринимал спокойно. Очевидно, это было пока еще подсознательное ощущение глубокого смысла совершаемого таинства. Отец Серафим (Батюков, 1880–1942), понимая, какая трудная внутренняя работа происходит в душе ребенка, решил, что настала пора систематически заниматься с ним Евангельской историей и последовательно знакомить его со Священным Писанием. «Так как ни я, ни Леночка (мать отца Александра – *ред.*) не решались взять это на себя, батюшка поручил это дело Марии Витальевне (Марусе, как мы все – и дети и взрослые – звали ее в семье. – *А. К.*), – одному из самых близких нам людей, которая прекрасно справилась с этой задачей», – писала Вера Яковлевна³.

Надо было знать Марусю, чтобы представить себе, как проходили эти занятия. Позднее, когда я достигла того же возраста, что и Алик, мне также довелось пройти с ней подобный «курс», тем более, что она доводилась мне родной тетей⁴, и роль ее в моем воспитании была сродни той, которую играла тетя Верочка в воспитании Алика и Павлика⁵.

Маруся была небольшого роста, худенькая, очень стройная, с правильными чертами лица, большими голубыми глазами и строгой прической. К делу она относилась истово. Занятия, прежде всего, отличались систематичностью. Так же как молиться надо было не-

³ Василевская В. Я. Катакомбы XX века. М.: Фонд им. Александра Меня, 2001. С. 70–71. Далее «Катакомбы XX века».

⁴ Сестра моей мамы Лидии Витальевны Тепниной, в замужестве Каменевова.

⁵ Павел Мень (род. в 1938 г.) – младший сын Елены Семёновны и Владимира Григорьевича Меней.

пременно утром и вечером, до еды и после еды, – кроме всех других случаев, – так и этим занятиям отводилось строго определенное время.

Сейчас можно себе представить, как нелегко все это давалось, ведь работала она за городом, в Рублёве, зубным врачом в поликлинике при больнице Рублёвской водопроводной станции. Автобус, – маленький, «коробочка», всегда до отказа набитый рабочим людом, медленно поспешая, достигал Москвы где-то через час с лишним, и останавливался на площади у Киевского вокзала, откуда надо было столько же добираться до Серпуховки (ныне Добрынинской), ведь метро тогда еще не провели.

Занимались вначале по книге Б. И. Гладкова «Евангельская история». Из футляра вынималось издание 1913 года в кожаном небесно-голубом переплете с ярким золотым тиснением. Текст его был составлен из высказываний евангелистов и богато иллюстрирован воспроизведениями с картин русских и западноевропейских художников. Перекладывая содержание отдельных сюжетов на язык, доступный детям, Маруся делала акцент на духовном – так запомнилось «Введение во храм Пресвятой Богородицы»: восхождение трехлетней девочки по высоким ступеням храма. Рассказ сопровождался рассматриванием иллюстрации с одноименной картины Тициана.

В других случаях акцент переносился в нравственную сферу: особенно поучительной представлялась «Лепта вдовицы». На картинке были изображены богатые жертвователи, которые опускали в церковную сокровищницу крупные суммы денег, и бедная молодая вдова с ребенком на руках, та, что положила последние две лепты. Но ее жертва на весах вечности превысила

все остальные, «ибо все клали от избытка своего, а она от скудости своей положили все, что имела, все пропитание свое»⁶. Именно в этом евангельском ключе и объяснялось нам, как надо творить добро: если ты отдал просто лишнее или не крайне нужное тебе, — это не считалось добродетелью, а вот, отдав самое необходимое, поделившись последним, — ты сделал доброе дело. И это объяснение — прочно, на всю жизнь — входило в сознание.

Сейчас трудно сказать, далеко ли ушли в изучении Священной истории Маруся с Аликом, но мы с ней кроме Евангельской истории уже ничем не успели заняться, так как Марусю вскоре арестовали.

Началась война. Владимир Григорьевич⁷ был далеко на Урале. Тетя Леночка осталась одна с детьми. Отец Серафим посоветовал им переехать в Загорск: «В Москве дети могут погибнуть, а здесь их преподобный Сергей сохранит». Действительно, частые воздушные тревоги заставляли ночью будить детей и вести их в бомбоубежище: «Причем, — вспоминала Вера Яковлевна, — были ли эти первые тревоги действительными или учебными, мы так никогда и не узнали». Вскоре семейство Меней выехало из военной Москвы в деревню Глинково в трех верстах от Загорска. Батюшка отец Серафим, увидев их, сказал: «Начинается паломничество к преподобному Сергию. Вы будете жить здесь как отроки в пещи огненной»⁸. И действительно, возле отца Серафима было покойно, в то время, как вокруг царил паника, люди в спешке эвакуировались из Мос-

⁶ Мк 12:44.

⁷ Владимир Григорьевич Мень (1902–1970), муж Елены Семёновны Мень (в девичестве Цуперфейн).

⁸ «Катакомбы XX века». С. 106.

квы, увозили детей, машины, из подмосковных поселков угоняли скот. Над городом полыхало зарево пожаров, немецкие самолеты пролетали так низко, что видна была свастика.

Маруся с родителями, сестрами и мной, которой тогда не было и года от роду, оставались сначала в Лосинке, у родственников, а потом, когда она устроилась на работу зубным врачом и ей дали квартиру, – в Лесном поселке, близ Рублёво.

Здесь жили и другие врачи больницы, обслуживающей работников Рублёвской водопроводной станции, снабжавшей водой Москву и потому имевшей особый статус. От самой больницы до поселка надо было добираться либо автобусом, либо на лошади. Дом для сотрудников был кирпичным двухэтажным. Плиту на кухне и ванну топили дровами. Но вода текла из крана исправно, надо было только дотянуться до нее со скамеечки, которую мне подставляли, чтобы умываться и чистить зубы. В семье стоматологов это ритуал. Мы жили на первом этаже в большой 2-х комнатной квартире.

Большая комната была разделена на две части, одна – спальня с большим окном, другая – столовая. Разделяли их буфет, огромный, с резьбой, как собор Парижской Богоматери, и шкаф, привезенные сюда из старой петербургской квартиры. В гостиной стоял большой стол на дутых ножках, над диваном висели часы с

Анечка Каменева, 2 года

боем. В маленькой комнате, которая тоже была разделена книжным шкафом красного дерева, жила Маруся. Рядом со шкафом, стеклянная дверь которого была затянута зеленым штофом, у окна стоял письменный стол, крытый зеленым сукном, а за ним помещалась, по сути дела, «келья», где было много икон и узкая кровать, всегда аккуратно застеленная. Я любила забираться на эту кровать и рассматривать иконы на стенах. Особенное впечатление производила икона «Страшный суд». Кроме нее, наверное, были и гораздо более интересные, целый иконостас. Но почему-то именно эта меня особенно притягивала, и «Страшного суда» я очень боялась. В этой келье иногда совершались богослужения, которые вел отец Владимир Кривоуцкий, арестованный в 1946 году. Маруся «проходила» с ним по одному делу, но до этого, всё так тщательно скрывалось, что никто из посторонних и не догадывался об этих службах.

В 1942 году, когда появился на свет мой младший брат, пришлось, продав всё, что можно, купить козу. Дедушка⁹ ездил за ней в Ярославль и привез на грузовой машине, полуторке. Пасли мы козу Зинку и все небольшое поселковое стадо по очереди с хозяевами других коз. Уходили вдвоём с бабушкой¹⁰ рано поутру в лес, и очень боялись заблудиться, а еще больше – потерять какую-нибудь козу. Зато к вечеру возвращались усталые, но довольные. Козы были целы и накормлены. Наступала их очередь кормить нас. В основном, детей, взрослым и не доставалось. За эти лесные похождения, во время которых ещё собирали и хворост для печки,

⁹ Тепнин Виталий Ираклиевич (1879–1956).

¹⁰ Тепнина Вера Владимировна, урождённая Гудим-Левкович (1875–1962).

тётя Верочка и тётя Леночка (Мень) стали называть меня Аня-лесовичка.

Однажды, когда мы возвращались из леса, и я тащила за собой длинную хворостину для растопки печи, мы увидели, что возле дома рядом с дедушкой стоит какой-то незнакомый мужчина. «Это твой папа», – сказал дедушка. Отец ушел на фронт, когда мне не было и года и я его с тех пор не видела, а теперь вернулся после тяжелого ранения из госпиталя¹¹. Позднее он говорил мне, как грустно ему было видеть своего подросткового ребенка, который смотрел на него как на чужого дядю. Пока не было отца, а я жила в Лесном поселке с бабушкой, дедушкой и Марусей, мама была занята добыванием для нас еды¹². Она продавала и обменивала все, что можно, ездила под лавками в вагонах.

В то время в лесах вокруг Рублёво стояли на отдыхе воинские части и рублёвская больница их обслуживала. Военные к нам очень хорошо относились. Казармы

¹¹ Владимир Нилович Каменев (1911 – 1987).

¹² Тепнина Лидия Витальевна (31.01.1908, Петербург – 04.03.1977, Москва), младшая дочь Виталия Ираклиевича Тепнина. Гимназию не успела закончить, так как после революции ее закрыли. Окончив советскую школу и педагогический техникум, работала воспитателем в детском саду. В 1935 г. вышла замуж за Каменева Владимира Ниловича (лейтенанта, моряка Тихоокеанского флота, а впоследствии – главного инженера депо Измайлово Московского метрополитена). Из пятерых детей Лидии Витальевны трое скончались. Двое других: Анна Владимировна (в замужестве Корнилова, рожд. 04.11.1940, Москва, проживает в Петербурге) и Сергей Владимирович (30.07.1942, Москва – 18.09.2001, Москва). Лидия Витальевна, единственная из всех, ездила к Марии Витальевне в место ссылки, в Красноярский край, Долгомостовский район, село Покатеево. По тем временам это было совсем не просто.

их находились в соседней деревне Киселёво, куда мы ходили за хлебом, получая его, естественно, по карточкам и выстаивая длинные очереди. Однажды нас с бабушкой остановил военный, просил подождать и, сбегав в казарму, принес и протянул мне пачку галет. В то время я даже не знала, что такое галеты, а о печенье, вообще, только после войны слышали, и такой царский подарок незнакомому военного на всю жизнь запомнился.

Другой военный, в званиях я тогда не разбиралась, часто приходил к нам домой, сидел у стола, разговаривал со взрослыми. Я его побаивалась, а бабушка, подталкивая меня к нему, говорила: «Подойди, у него такая же девочка дома осталась, и он по ней скучает».

Так и Маруся однажды принесла подаренный кем-то большой помидор. Это тоже было редкостью, так как у нас не было своего огорода. Она положила его передо мной на край стола, а у меня тогда голова до края стола еще не доставала. И я, приподнявшись на цыпочки, созерцала этот огромный плод красного цвета, который даже не воспринимался как еда, а просто как что-то необыкновенное. Не помню, как мы его ели, но вот прошло почти полвека, и в конце лета 1992-го года, когда я в очередной раз уезжала в Ленинград из Новой Деревни, где Маруся жила возле церкви Сретения, она усадила меня в кухне за стол и достала такой же огромный помидор, как тот, в детстве, и положила передо мной, сказав: «Это я для тебя сохранила». Глядя на этот большой помидор (а в 1990-е снова были карточки, и снова ничего не было), я вспомнила 1940-е годы, тот помидор военных лет и поняла, что мы больше с Марусей не увидимся. Так оно и случилось.

Война оборачивалась налетами, когда голос Левитана из черной тарелки репродуктора объявлял: «Гражда-

*Семья Каменевых:
Лидия Витальевна, Владимир Нилович,
Серёжа и Аня. Конец 1940-х гг.*

не, воздушная тревога», а я пряталась под стол, забирая с собой игрушки; оборачивалась она и очередями в поселковом магазинчике, когда на железных весах с разными гирьками, продавщица взвешивала скудный хлебный паёк, и кто-то вдруг надрывно кричал, что украли карточки. Была война, но дети воспринимали ее как данность, потому что ничего другого не видели.

Время от времени, ранним утром меня возили в Москву в храм святого Ильи Обыденного. До этого я долго собирала мелкие деньги, копеек по 20, которые легко помещались в круглую коробочку и были предназначены для раздачи нищим. Их всегда было много, и они стояли на ступенях церкви и на паперти. Так с детства закладывалось сочувствие к ближним и привычка помогать, чем можешь.

16 апреля 1946 года арестовали Марусю. Ее взяли по пути из церкви Илии Обыденного, возле станции метро «Дворец Советов». Прием в поликлинике в этот день начинался в три часа, но пациенты так и не дождались ее, как не дождались и мы – дома. Когда Маруся не вернулась ни вечером, ни утром, ни на следующий день, тревога и беспокойство переросли в уверенность, что случилось непоправимое. В те годы люди исчезали именно так, причем, бесследно. «Из дома вышел человек... И с той поры исчез...»

Недаром тетя Верочка вспоминала, что как-то, уходя от них, прощаясь, Маруся сказала: «Увидимся здесь или не здесь!». В тот раз обошлось, а вот сейчас – свершилось...

Арестовывали кого дома, кого на улице или в метро. Всех наших – за принадлежность к церкви. Круг остававшихся на свободе прихожан храма свв. бессребреников Кира и Иоанна на Солянке, где до ухода на нелегальное положение в 1927 г. служил архимандрит Серафим (Батюков), стремительно сужался.

Забрали и Нину Трапани¹³. В разговорах взрослых появились слова: допросы, очные ставки... Говорили, что Нина все взяла на себя, никого не называла.

¹³ Трапани Н. В. (1912–1986), была арестована в 1943 г. тоже по делу об «Антисоветском церковном подполье», по которому был арестован и епископ Афанасий (Сахаров). С 1943 г. находилась в Рыбинском (Волжском) ИТЛ. После окончания срока заключения сослана в Казахстан. В 1954 г. освобождена по амнистии, но реабилитирована не была и потому не могла вернуться в Москву. С 1954 г. жила в Мордовии (с. Большие Березники), затем в г. Потьма, недалеко от инвалидного Дома для заключенных, в котором находился ее духовный отец иеромонах Иеракс (Бочаров). С 1957 до 1986 г. жила в г. Владимире.

Когда на Лубянку вызвали мою крёстную (она приходилась мне родной тетушкой) Татьяну Ниловну Каменеву¹⁴, следователь задал вопрос: знает ли она Нину Владимировну Трапани. На что та, естественно, отвечала отрицательно. Еще раньше, до того, и Нину на допросах спрашивали, знает ли она Татьяну Ниловну, и она точно также все упорно отрицала. И тогда следователь открыл дверь в другую комнату, и оттуда вывели Нину. Это было столь неожиданно, и они обе так обрадовались друг другу, что кинулись обниматься... «Ну, вы и конспираторы», – сказал следователь.

Таню, по счастью, не арестовали, но на Лубянку вызывали неоднократно, и каждый раз она шла, не надеясь вернуться.

В последний раз я видела Марусю утром в день ареста. Жили мы тогда с ней, бабушкой и бабушкой в Лесном поселке. Иногда меня привозили в Москву, к родителям, отец после тяжелого ранения уже вернулся с фронта. И это был как раз такой случай, когда по пути в церковь Маруся встретила с ним в метро и передала меня ему (было мне тогда пять лет). У детей сильно развито предчувствие. И вот, когда Маруся стала уходить, меня вдруг охватил какой-то непонятный страх и желание удержать ее. Я рванулась, заплакала, закричала, но двери вагона быстро захлопнулись. Отец сильно, до боли сжал мне руку, одернул и произнес что-то весьма нелестное...

Дети подсознательно чувствуют беду, а к Марусе я была очень привязана, так как воспитывалась у нее и у бабушки с бабушкой с семи месяцев от роду.

Об исчезновении Маруси мы узнали через день, когда дедушка приехал за мной в Москву, и мы вместе с

¹⁴ Каменева Т. Н. (1909–1985).

ним отправились в Лесной поселок. Никто уже не надеялся на ее возвращение. Только я, переступая порог нашей квартиры, тотчас же кинулась в ее кабинет, где за книжным шкафом стояла узкая кровать, покрытая зеленым покрывалом, – все еще не теряя надежды найти ее. Так продолжалось три дня. На четвертый к дому подъехала большая черная машина. Вошли какие-то строгие, одетые в темное люди, их, кажется, было трое. Проследовав в Марусин кабинет, они разделились: один занялся книжным шкафом, другой письменным столом, – помню его согнутую спину, когда он перебирал содержимое нижних ящиков, – третий принялся за фотографии, иконы и картины на стенах.

Все было непонятно, и никто ничего не объяснял. Впрочем, меня довольно быстро выпроводили на улицу. Возле окон стояла небольшая толпа любопытных. Они переглядывались и переговаривались. У дверей замерла длинная черная машина, к которой даже бойкие мальчишки боялись подступить, так грозно и необычно было ее появление; да и взрослые вели себя тихо. Прошло порядочно времени, пока я нашла способ снова проникнуть в дом. Здесь царствовали хаос и неразбериха. Все суетились и уже заметно устали. Один из приехавших занимался теперь Марусиной кроватью. За нею, возле стены, стояло что-то вроде большой картины, обшитой холстом и прислоненной к стене.

– Что это? – спросил приехавший.

– Это старинная вышивка в чехле, – сказала бабушка, – еще моя мама вышивала...

Приехавший задумался, видимо, размышляя, распороть холст или так оставить. Но час был уже поздний, все спешили, и «картину» не тронули.

На самом деле это была, конечно, не вышивка и не картина, а Плащаница – изображение Христа, лежащего во гробе. (Такое изображение в Страстную неделю Великого поста ставится посередине храма и молящиеся прикладываются к нему, прощаясь со Спасителем перед погребением.) Плащаница принадлежала одной из закрытых церквей, имущество которой хранили у себя по домам прихожане, сберегая от разграбления. Подобное хранение классифицировалось властями как преступление, поэтому каждый из прихожан рисковал, подвергая себя и свою семью постоянной опасности. Если бы при обыске у Маруси нашли Плащаницу, неизвестно увидели бы мы ее ещё когда-нибудь...

После восьми лет разлуки, которая для нее обернулась тюрьмой, лагерем и ссылкой, мы встретились и вспомнили эти первые четыре дня после ее ареста. В то время, как для нас они были заполнены тревогой, беспокойством, и, наконец, обыском, она – все эти четыре дня, – просидела на Лубянке в камере, из окна которой была видна светящаяся красным светом буква «М» – над входом на станцию метро «Дзержинская» (ныне – Лубянка). Это последнее, что она видела в Москве перед тем, как исчезнуть.

Еще за день до ареста на нее было заведено дело от 15 апреля 1946-го года. Постановление на арест гласило: «Я пом. нач. 3-го отделения 1-го отдела 2-го управления МГБ СССР – подполковник Захаров, рассмотрев материалы в отношении Тепниной Марии Витальевны, 1904 г.р., уроженки города Ленинграда из дворян, русской, гр-ки СССР, беспартийной с высшим образованием, работающей зубным врачом в Рублевской больнице, проживающей по адресу: Рублевское шоссе, Лесной посёлок, дом № 4, кв. 1. ... имеющимися в МГБ СССР

материалами устанавливается наличие действующего в Москве антисоветского подполья из числа реакционной интеллигенции и церковников. Участницей этого подполья является Тепнина Мария Витальевна, в отношении которой допрошенная МГБ СССР заявительница Величай О. Н., являющаяся одной из участниц подполья, на допросе от 30 марта 1946 года показала: «Мне лично известны следующие участники организации: ... Тепнина Мария Витальевна ... являлась участницей происходивших на квартире Рогозиной сборищ членов организации, ... которая является монархической и состоит из старой интеллигенции, главным образом, из верующих лиц. ... Величай также показала, что активной участницей названной организации является родная сестра Тепниной М. В. – Тепнина Гали Витальевна, которая выполняла роль связника... и известно, что в 1942 -м году Тепнина имела встречи с одним из руководителей подполья нелегалом Криволицким на квартире своей сестры Тепниной Гали и участников организации Корнеевых. На основании вышеизложенного, руководствуясь ст. 158 УК РСФСР постановил Тепнину М. В. подвергнуть аресту и обыску»¹⁵.

¹⁵ Бычков С. Беседы с Марией Витальевной Тепниной летом 1991 года. Новая Деревня близ города Пушкино. // Вестник РХД. Париж-Нью-Йорк-Москва, 2014. № 202. С. 67–68.

В публикации даны протоколы допросов. Однако автор не счёл нужным снабдить их соответствующими комментариями, а, тем не менее, следовало бы оговорить, что заключённым, в том числе и М. В. Тепниной, как правило, давали подписывать протоколы, не прочитав, что там написано. Сама лексика: «антисоветское подполье», «нелегальные сборища» и прочее, выдают хорошо отработанные штампы МВД и совершенно не свойственны разговорной речи интеллигентных и верующих людей, которыми были

Согласно приговору «особого совещания» по делу священника Владимира Криволицкого, С. О. Фуделя, И. А. и В. А. Корнеевых, А. П. Арцыбушева и других «в количестве 17 человек» М. В. Тепнина была приговорена по ст. 58 на 5 лет ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей). После Лубянской и Бутырской тюрем ее отправили по этапу в Сибирский лагерь, так называемый, «Сиблаг». Однако перед тем разрешили свидание с родителями. Дедушка с бабушкой взяли с собой и меня, – детям тоже разрешалось.

Помню, рано поутру, ещё было темно, стояли мы в длинной молчаливой очереди у кирпичной тюремной стены. Все устали, но терпеливо и тихо, без лишних разговоров ждали. Я сидела на ступеньках, облокотившись о стену, а когда, наконец, нас вызвали, то мы оказалась в длинной узкой комнате без окон. Узкой она казалось оттого, что была перегороджена высокой металлической решёткой, окрашенной в жёлтый цвет. За решёткой было пространство, отделённое, уже более низкой деревянной перегородкой, за которой стояла Маруся, а за её спиной взад-вперед прохаживался вооруженный охранник в военной форме. В такой обстановке и за несколько минут свидания, естественно, ничего нельзя было сказать, что хотелось. Я забралась на скамейку, чтобы быть повыше и лучше видеть Марусю, а бабушка стала говорить ей о каких-то са-

допрашиваемые. Вообще, публикация заведомо сфабрикованных протоколов допросов должна подаваться корректно, с характеристикой того, кто ведёт допрос и как он построен, чего, к сожалению, не сделал С. Бычков. Получение им этих материалов из архива и их публикация без согласия родственников заключённых также вызывает, по меньшей мере, недоумение. – *прим. А. К.*)

мых простых и, как мне казалось, незначущих вещах. «И о чём это они только говорят? Времени мало, нужно же о важном, – подумала я и спросила Марусю, – где ты спишь, там у тебя есть своя подушечка?». Конечно, никакой подушки у нее там не было, позднее мы послали ее в посылке, и все, кроме меня, это понимали, но что ещё скажешь, когда за твоей спиной стоит охранник с кобурой у пояса. Повидались, и слава Богу...

После ареста Маруси жизнь наша сильно изменилась. Теперь мы жили в основном на дедушкину пенсию – 100 рублей. Столько же стоила на рынке буханка хлеба. Не было у нас и огорода, как у местных жителей. И чтобы получить поле под картошку надо было долго хлопотать. Помогла в этом жена начальника Рублёвской водопроводной станции Наталия Владимировна Назарова. Она где-то просила и нам дали полоску земли на горке, у трех берез. Дедушка копал землю, бабушка сажала картошку, а я усаживалась у берез на краю поросшего травой крутого склона, который спускался к ручью, по берегам его росли незабудки.

Вскоре нас стали сначала уплотнять, а потом и вовсе выселять из квартиры. Уплотнили нас пьющим рабочим по фамилии Коломеец с женой и грудным ребенком. Они заняли комнату Маруси, а мы оказались в проходной. По ночам пьяный жилец бил жену, и она кричала на весь дом. Я за нее очень переживала, вскакивала с кровати, бежала туда и говорила, чтобы он ее не бил. Утром на следующий день на кухне у нашей плиты она, довольная и веселая, говорила мне: «Какая ты хорошая, меня защищала», – и при этом улыбалась. Бабушка многозначительно молчала.

Иногда меня оставляли нянчить их ребенка, но однажды он упал, и после этого в няньках я уже не ходила. Коломеец оказался ещё и вором. Сначала исчез дедушкин плащ, а потом и многое другое. Жаловаться было бесполезно, но, несмотря ни на что, жизнь шла своим чередом. В поселок приходили нищие из деревни Черепково. Помню, когда дедушка, выдвинув из старого буфета хлебную доску, резал на ней паёк, в дверь вошла девочка-нищая и стала тонким голосом просить хлебушка. Мне стало ее очень жаль, и я просила дедушку дать ей хлебушка. Дед сначала молчал, потом передал ей кусок от пайка, а когда за ней закрылась дверь, сказал: «Знаешь, иногда те, кто просят, богаче нас». Мы никогда не просили. На улице ребята меня стали дразнить. Они выходили из дома с кусками хлеба, намазанными постным маслом, которое вкусно пахло семечками, и дразнили: «Вот мы едим хлеб, а вы едите песок, который под ногами». Переубеждать их я не решалась.

Тем не менее, жизнь продолжалась. Целым событием стало заказать у сапожника брезентовые тапочки, когда развалились единственные. В то время как другим девочкам белые тапочки заказывали, и из кожи, для меня и брезентовые были большим подарком. Еще мне очень хотелось куклу, а кукол не было. И тогда бабушка обшила брезентом бутылку, на её головке дедушка нарисовал глазки и все, что надо. Мы с ним вырезали из бумаги фигурки и разные другие забавные вещи. Из детских книг у меня ничего не было, кроме одной, на которой была картинка, где девочка бежала через темный лес. И я погружалась в эту картинку и бежала вместе с ней по дорожкам, перелезала через бурелом

и пряталась под мохнатыми ветками. Это была такая игра – «войти в картинку» и самой придумывать, что там было дальше. Но иногда наступали совсем счастливые минуты: так тётя Леночка (Мень) однажды подарила мне белого зайца, и это была настоящая игрушка, а не самодельная.

Вместе с дедушкой или бабушкой мы ходили в поселковый магазинчик, где отоваривали карточки на хлеб. Продащица, которая его развешивала, казалась мне самой богатой женщиной на свете. Очередь была длинная, я на корточках сидела у стены и ждала. Снизу мне было видно многое. Например, один человек, очень плохо одетый, какой-то оборванный, в галошах, подвязанных веревкой, ловко запустил руку в карман стоящего перед ним очень приличного старичка. И вытащил у него карточки. Я понимала, что такое карточки, но подумала, этот совсем бедный, оборванный, ему, наверное, нужней, лучше я ничего не скажу и промолчала. Тогда я не понимала, что прилично одетый старичок может быть беднее этого ободранного, и чем для него закончилась потеря карточек, можно себе представить.

Но это все ничего, по сравнению с тем, что скоро пришло предписание выселить нас из квартиры вообще, в никуда. Из-за этого пришлось зарезать козу Зинку, которая всю войну кормила нас с младшим братом своим молоком. Помню, как мужик тащил ее за рога, Зинка упиралась, и бабушка говорила, что у Зинки самые красивые в стаде рога. Бабушке было жаль Зинку ещё больше, чем мне, но мы ничего не могли поделать. Потом дедушка ездил на рынок продавать Зинкино мясо, да и нам еще что-то осталось. Бабушка его есть не

стала, а я, наверное, ела, хотя и понимала, что это был грустный обед. Теперь молока не стало, и хлеба было мало. По фотографиям видно, как из пухлого ребенка я превратилась в костлявое существо. Но, несмотря на крайность, жизнь продолжалась.

Чтобы не оказаться совсем на улице, а выселяли именно так, — в никуда, — дедушка написал письмо Н. М. Швернику, тогдашнему председателю Президиума Верховного Совета СССР, и пошел к нему на прием. Он просил, чтобы ему, как инженеру, который работал и при советской власти, дали хоть какое-нибудь жилье. Шверник расщедрился: вместо квартиры, правда, теперь уже уплотненной, нам дали комнату 9 метров в рублёвском бараке. Пришлось продать письменный стол, шкафы, диван и многое другое, чтобы втиснуться в 9 метров, а по расчетам дедушки их было еще меньше, кроме того, часть из них занимали печка, которую топили дровами, и вход в погреб. Барак мне очень понравился тем, что там был длинный сквозной коридор, по которому можно было пробежать от входа до выхода, от одной двери до другой. По обеим сторонам коридора были двери, и у каждой стояло помойное ведро. Наша комната номер 7 была в середине. Барак уходил глубоко в землю, имел завалинку и окна на уровне земли. В комнате до окна еще надо было дотянуться, так как оно оказывалось на уровне выше головы. Наш буфет, хотя и был как собор Парижской Богоматери, поместился здесь также как и комод, и большая кровать. Дедушка спал на кровати, бабушка на приставных стульях, мне ставили доску на козлах. Получилось недурно. Дедушка сделал абажур, нарисовал на зеленом штапеле веточки, а бабушка их

вышила. Теперь сюда стали приходить письма из Сибири с адресом: «Москва. Рублево. Барак 19, комната 7. Тепнину Виталию Ираклиевичу». Обратный адрес был: «Красноярский край, Канский район. С. Долгий мост».

Мне, хотя и нравился барак с его замечательным коридором со входом и выходом, но вскоре пришлось столкнуться и с другими прелестями барачного существования, а именно, с местным ребячьим населением, которое отнеслось к нам весьма подозрительно и даже враждебно. Стоило только нам с младшим братом¹⁶ выйти на улицу, как со всех сторон раздавалось: «Кулиторные идут!». Это означало «культурные», что-то вроде буржуев. Нас просто изводили, пользуясь идеологическим и социальным, а также численным, превосходством: «Вы кулиторные, – кричала толпа барачных детей, – а мы лаптёжники». «Лаптёжники» звучало гордо, а «кулиторные», как враги народа. Иногда эта травля смягчалась, что объяснялось чисто меркантильным интересом. Кто-нибудь из ребятни приходил к нам в комнату, топтался у дверей, хлюпая носом, а потом протягивал дедушке задачник, чтобы тот помог справиться со школьными уроками. Дедушка помогал, и количество дразнивших постепенно сокращалось. А ещё они стали собираться у нашего окна и слушать, как бьют часы. Эти дети никогда прежде не слышали «часов с голосом», и потому удивлялись ему как диковинке. «Дедушка, прогони их», – говорила я, вспоминая, как нас дразнили. «Почему? Пусть послушают», – возражал он, и популярность его у местной детворы заметно возрастала. Однако, когда с этими же детьми я

¹⁶ Сергей Владимирович Каменев (Москва, 1942-2001).

ходила в лес по ягоды, далеко от дома, не было для них большего удовольствия, чем изводить меня теми же дразнилками. И тогда я использовала средство, которое неизменно срабатывало: начинала рассказывать им какую-нибудь длинную-предлинную сказку, чтобы на всю дорогу хватило. И, надо отдать им должное, слушали со вниманием и интересом, а иногда даже за сказку добавляли горстку-другую ягод в мою полупустую банку. Они собирали ягоды очень споро, а я медленно, но от гонорара за сказку не отказывалась. Это был мой первый заработок.

С арестом Маруси, – а незадолго до этого арестовали и старшую ее сестру, Гали¹⁷, – главной стала забота о передачах в тюрьму. «Я мечтаю, чтобы кто-нибудь подарил мне на день рождения буханку хлеба», – говорила бабушка, у которой в тюрьме оказались сразу две дочери. Посылки в тюрьму, а потом и в лагерь, принимали на почте не в самой Москве, а в Мытищах, куда дедушка, а позднее Алик с Павликом, ездили по определенным дням. Время разделилось – от передачи до передачи, – причем, собрать эти передачи, – а в основном для них нужен был хлеб, – стоило больших усилий. Помогали друзья. Посылки собирали всем миром.

¹⁷ Тепнина Гали Витальевна (1902, Петербург – 1961, Москва, Рублёво), старшая дочь Тепнина В. И., инвалид с детства. Рано пришла в церковь и привела туда сестру Марию. Была арестована в 1946 г., как и другие прихожане Сербского подворья. Содержалась в Казанской тюрьме. По болезни была освобождена раньше срока и сдана на поруки отцу. Жила с родителями: сначала в бараке, куда их выселили после ареста Маруси, а после реабилитации в предоставленной всем им квартире при Рублевской больнице.

И не только родным, но – всем нашим. Нине собирала Таня Каменева и другие. Марусе с Галей помогали родная сестра Лида, Вера Яковлевна Василевская и Елена Семёновна Мень. Скорее всего, и другие тоже.

Помню, когда надежды на то, чтоб собрать что-либо почти не было, приехали тетя Леночка и тетя Верочка. Они показались на дорожке к дому, спускаясь с пригорка. С их появлением стало светлее. Бабушка достала из буфета гарднеровские чашки, красные с золотом, мы пили чай, а потом оказалось, что они привезли все для передачи. Забота упала с плеч, – Маруся и Галя не остались обделенными.

Однажды, помню, как тетя Леночка и тетя Верочка извлекли из сумки нечто блестящее: это были маленькие рыбки, завернутые в фольгу. Мне сказали, что это шоколадки. Тогда мы не знали, что это такое, так как кроме сахара, и, в лучшем случае, подушечек, ничего не пробовали, но память о блестящих рыбках осталась. Много лет спустя я поняла, что в тюремную передачу было принесено то, что могли отдать детям. Алик и Павлик не получили этих шоколадок, зато в тюремной камере появились серебряные рыбки – символ христианства, символ общинности и духовной поддержки людей, принадлежавших «катакомбной» Церкви.

К этому времени на свободе не осталось почти никого из «катакомбных» священников. В официальной Церкви также произошли изменения; был избран новый патриарх Алексей. «Однажды, – вспоминала Вера Яковлевна, – вернувшись с работы домой, я застала Алика очень взволнованным». «Приходила Надежда Николаевна, – сказал он, – она говорит, что получено

письмо из Сибири, подписали его: епископ Афанасий¹⁸, отец Пётр¹⁹ и отец Иеракс²⁰. Нам можно теперь ходить в церковь и причащаться»²¹.

Чтобы не привлекать к себе внимания, тетя Леночка с Аликом пошли в одну церковь, а тетя Верочка с

¹⁸ Святитель Афанасий, епископ Ковровский (Сахаров, 1887–1962), канонизирован как исповедник в 2000 году. Находясь в лагерях и ссылках, руководил «катакомбной» церковью. Отец Серафим (Батюков) говорил о нем своим духовным детям: «Пока жив владыка Афанасий, у вас есть свой епископ».

¹⁹ Шипков Пётр Алексеевич (1881–1959), был секретарем у патриарха Тихона; был рукоположен в иереи в 1921 г. святейшим патриархом Тихоном, арестован в 1925; с 1928 по 1930 был на Соловках; с 1930 по 1934 – в Туруханском крае; с 1934 г. находился в «катакомбах», под духовным руководством архим. Серафима (Батюкова), жил в Загорске, работал бухгалтером. После смерти отца Серафима, по его благословению, о. Пётр принял на себя духовное руководство частью его паствы, в том числе, Е. С. Мень и ее сыновьями. Арестован в 1943 г. Отправлен в Сиблаг до 1950 г. С 1950 по 1953 г. в ссылке в Красноярском крае. Вернувшись в Москву, придя в патриархию просил направить его на приход и был назначен настоятелем собора г. Боровска Калужской епархии. Погребен о. Пётр на Покровском кладбище г. Боровска.

²⁰ Иеромонах Иеракс (Бочаров Иван Матвеевич, 1880–1959). Служил в церкви свв. Кира и Иоанна на Солянке в Москве (Сербское подворье). Арестован в 1932 г., выслан в Казахстан, вернулся в 1935 году, жил и служил нелегально, по благословению о. Серафима в Лосинке у духовной дочери Корнеевой В. А. Арестован в 1943 по делу «Антисоветского церковного подполья» вместе с епископом Афанасием (Сахаровым), прот. Петром Шипковым, монахиней Ксенией (Гришановой) и др. Получил пять лет ИТЛ под Мариинском. В 50-х гг. проживал в инвалидном доме в Мордовии, с 1957 – во Владимире, где и скончался.

²¹ «Катакомбы XX века». С. 137.

✕
ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

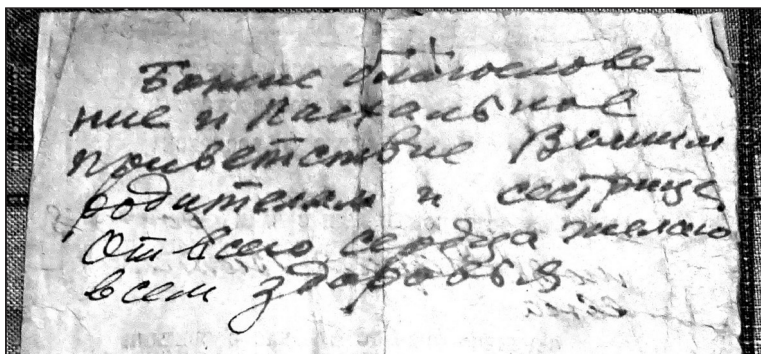
МИЛОСТЬ БОЖΙΑ БУДИ С ВАМИ, *родная*
моя Мария Ветам-
евка

СЕРДЕЧНО ПРИВЕТСТВУЮ ВАС С СВЕТИМ
ХРИСТОВЫМ ВОСКРЕСЕНИЕМ. МОЛИТВЕННО ЖЕЛАЮ
ВАМ РАДОСТНО ВСТРЕТИТЬ И ПРОВЕСТИ СЕЙ ПРА-
ЗДНИКОВ ПРАЗДНИК И ТОРЖЕСТВО ТОРЖЕСТВ И В
НЫНЕШНЕМ ГОДУ И ЕЩЕ ВО МНОГИЕ И МНОГИЕ ГОДЫ
В СЕЙ ЖИЗНИ. ПАЧЕ ЖЕ МОЛО ВОСКРЕСШАГО, ДА
СПОДОБИТ ВСЕХ НАС БЫТЬ ПРИЧАСТНИКАМИ ИСТИН-
НОЙ ПАСХИ В НЕВЕЧЕРНЕМ ДНЕ ЕГО ЦАРСТВИЯ.

БОГОМОЛЕЦ ВАШ *епископ*
Афанасий

ПАСХА ХРИСТОВА 1960 года.

Факсимиле письма
епископа Афанасия (Сахарова)

Окончание письма еп. Афанасия на обороте

Текст Пасхального письма
епископа Афанасия (Сахарова) М. В. Тепниной:

«Христос Воскресе!

Христос Воскресе!

Христос Воскресе!

Милость Божия буди с Вами, родная моя Мария Ви-
талиевна

Сердечно приветствую Вас с светлым Христовым
Воскресением. Молитвенно желаю Вам радостно встре-
тить и провести сей праздников праздник и торжество
торжеств и в нынешнем году и еще во многие и многие
годы в сей жизни. Паче же молю Воскресшаго, да спо-
добит всех нас быть причастниками истинной Пасхи в
невечернем дне Его Царствия.

Богомолец Ваш епископ Афанасий

Пасха Христова 1960 года.

+

Божие благословение и Пасхальное приветствие Ва-
шим родителям и сестрице.

От всего сердца желаю всем здоровья».

Павликом – в другую. «Алик был поражен, увидев полный храм народу и услышав общее пение Символа веры. Ничего подобного он раньше не видел и не слышал. Павлик тоже был захвачен тем, что происходило вокруг»²².

В московских церквях началось оживление. Они действительно были переполнены людьми. Нас брали на руки и поднимали, чтобы мы могли увидеть, что происходит у Царских Врат. Чаще всего мы ходили в храм Илии Обыденного. У каждого там было свое место, и мы знали, где найти тетю Леночку с тетей Верочкой, – справа от центрального прохода, ближе к боковому приделу. Знали, где стоят и все остальные. Настоятелем был отец Александр Толгский, рукоположенный еще в 1923 году патриархом Тихоном. У Илии Обыденного он служил с 1936 года. Знавшие его отмечали особую неторопливую торжественность и молитвенность его богослужения. С особенным настроением служил он еженедельный акафист перед чудотворной иконой Божьей Матери «Нечаянная Радость», перенесенной в храм пророка Илии в 1944 году. К этой иконе прибегали в горести, с надеждой на избавление.

С оживлением Церкви связаны и воспоминания о храме Николы в Кузнецях, на Новокузнецкой, где служил отец Александр Смирнов, который устраивал для детей специальные занятия по Священной истории с показом диапозитивов. После службы посредине храма ставились низкие скамеечки, мы расстилали на них свои пальто и, запрокинув головы, не отрывали глаз от «туманных картин». Поучительный и подробный рассказ, сопровождавший смену кадров, запоминался хорошо и надолго.

²² «Катакомбы XX века». С. 137.

Вскоре Алик и Павлик начали прислуживать в церкви Иоанна Предтечи на Красной Пресне. Их детские фигурки в длинных стихарях, большие зажженные свечи в руках и торжественное шествие от Царских Врат на середину храма, куда выносили Евангелие, производили сильное впечатление. Духовная устремленность мальчиков, благоговейное отношение к церковному служению уже тогда позволяли заглядывать в их будущее.

Хотя, во всем остальном, это были обычные мальчики. Они любили играть, кататься с гор на санках, ходить в лес. Однажды Алик приезжал к нам в Лесной поселок копать поле под картошку. Ему было тогда лет 12–13, и это было связано с периодом, когда после ареста Маруси, чтобы как-нибудь прокормиться, мы выхлопотали участок для посадки, а дедушка с бабушкой уже были слишком стары и слабы, чтобы вскопать его. Правда, и Алик был не Геркулес. Сохранилась фотография тех лет, где они изображены вместе с Павликом. Мальчики одеты в «матроски», — темно-синие костюмчики с матросскими воротниками. У обоих большие карие глаза, темные волнистые волосы и открытые улыбающиеся лица.

Особенно памятны «Елки», которые устраивала тетя Леночка на Рождество. Тогда это было совсем не просто. Все вокруг ставили елки на Новый год, первого января, а у тети Леночки, у нас и в домах других верующих елки появлялись лишь неделю спустя, седьмого января. Это нельзя было скрыть, особенно в коммунальной квартире, где любопытство и подозрительность соседей на фоне всеобщего доносительства делали подобное мероприятие просто опасным. Тем не менее, каждое Рождество мы с нетерпением ждали елку у тети Леночки.

Было радостное ощущение праздника. Елка, украшенная восьмиконечной звездой, игрушки, горящие свечи и пение рождественских молитв: «Рождество Твое, Христе Боже наш; возсия мирови свет разума, в нем бо звездам служащий звездою учахуся. Тебе кланяются, Солнцу правды, и Тебе ведети с высоты Востока. Господи, слава Тебе!». Дети пели хором вместе со взрослыми и чувство единения и радости наполняло всех.

Недаром много лет спустя в своей книге протоиерей Александр Мень так тепло и проникновенно расскажет об этом празднике: «Почему так волнует нас сказание евангелистов о Младенце, рожденном в убогом вертепе? Почему так не похож на другие праздник Рождества? Быть может, причина здесь кроется в воспоминаниях детства, связанных со снегом, тихо падающим за окном, с запахом свечей и елки, с рождественскими напевами и звездными зимними ночами? Нет, не только память о детстве трогает нас в день Рождества, да многие и не имеют таких воспоминаний. Есть у этого праздника неумирающая реальная сила. Миру, погруженному в сумрак, «воссиял свет Разума», и Его сияние неугасимо. Слабый Ребенок бросает вызов царству насилия и ненависти, испытывает сердца, будит совесть...»²³.

Тетя Леночка еще успевала приготовить всем подарки, а в военное и послевоенное время никто из нас не был ими избалован, поэтому подарки воспринимались с особой радостью. Помню, как на одной из «елок» у тети Леночки мне подарили игру «Поймай рыбку». В картонный аквариум, на стенках которого было нарисовано речное дно, «запускались» картонные рыбки

²³ Мень Александр, прот. Таинство, Слово и Образ. Брюссель, 1980. С. 85–86.

с железными скобками. Их легко было притягивать удочкой с магнитом. Мы с Павликом азартно тянули этих рыб, сверяясь с указанием, какая сколько весит, – это было обозначено у них на обороте, – и кто больше килограммов вытащит, тот побеждал. Но главное было не в этом. Выбирая подарок, взрослые все продумывали: христианский символ «рыбы» должен был в игре напоминать о главном.

Точно также выбирались для нас и вещи или платья. Чаще всего они были голубого цвета.

У тети Леночки и тети Верочки было удивительное отношение к детям. «Однажды, – вспоминала Вера Яковлевна, – я рассказала батюшке (отцу Серафиму) о том, что не могу терпимо относиться к тому, когда люди неправильно подходят к ребенку, так что даже человек, который пришел не во время и помешал детям ложиться спать, представляется мне как бы личным врагом. Батюшка сказал: «Ваше отношение к детям – дар Божий, и нельзя того же требовать от других»²⁴.

Исключительность подобного отношения шла от глубокого понимания детской души. Позднее, когда в конце школы мне надо было выбирать профессию, тетя Верочка сказала: «Знаешь, когда я была маленькой, мне хотелось вырасти и научить взрослых понимать детей». Недаром в день моего рождения она подарила мне книгу «Как мы учились» с надписью: «Дорогой Анечке ко дню двенадцатилетия от автора». Эта небольшая книжка была напечатана на машинке и переплетена в зеленую обложку²⁵. Она состояла из воспоминаний детских гимназических лет. К ней были приложены и воспоминания о друге отца Веры Яковлевны – Викторе

²⁴ «Катакомбы XX века». С. 72.

²⁵ См.: «Катакомбы XX века». С. 167–187.

Германовиче, умершем в тюрьме²⁶. Этот замечательный человек оказал большое влияние на становление личности и на весь жизненный путь тети Верочки. Запомнилось место, где рассказывалось о том моменте, когда тетя Верочка решила принять крещение. «В прежнее время, – сказал Виктор Германович, – некоторые принимали крещение для того, чтобы получить житейские преимущества, а теперь...» – «Теперь можно все потерять», – докончила я. «Именно так», – согласился Виктор Германович²⁷.

Самое любопытное, что в книжке были иллюстрации, которые сделал Алик. Он хорошо рисовал и в манере, близкой к штриховой гравюре выполнил портрет Виктора Германовича, человека с бородкой, в пенсне, с задумчивым взглядом темных глаз. На нем зимнее пальто и высокая меховая шапка. Вторая иллюстрация – акварель с видом Замоскворечья. Желтоватые, кирпичные стены домов, крыши, покрытые снегом и, надо всем, купола церкви, увенчанные крестами.

Года за два до смерти отца Александра Меня я как-то принесла ему эту старую книжицу. Он очень обрадовался: «А, Виктор Германович», – сказал он как о старом знакомом, рассматривая свои детские рисунки. В те далекие годы Алик писал стихи, одно из них я запомнила:

Люблю я осень, пору увяданья,
Когда прохлада сменит летний зной,
Когда в преддверьи земного молчанья
Трава сухая шуршит под ногой,
И лес стоит задумчивый и тихий

²⁶ Там же. С. 188–200.

²⁷ Там же. С. 200.

Опавшие листья шуршат,
И в чаще далекой и дикой
Стволы величаво стоят.
И, кажется, голос незримый
Со мной не спеша говорит,
Так шепот реки говорливой
Задумчиво сердце кружит.

Это стихотворение вспомнилось мне в осеннем лесу, в Семхозе, близ Сергиева Посада, на той тропинке, где убили отца Александра. Был сентябрь и также молчаливый, задумчивый, тихий стоял лес – свидетель трагедии...

В нашем воспитании большая роль принадлежала Вере Яковлевне. Ее крохотная комнатка на Серпуховке в том же дворе, где жила тетя Леночка с детьми была исполнена особого духовного аскетизма. Большой книжный шкаф со старыми изданиями религиозно-философской литературы, иконы, письменный стол, на котором стояла открытка с картины художника Вилье, изображающая Христа, идущего по полю в сопровождении учеников, – эту открытку в свое время освятил отец Серафим, – узкая, застеленная белым покрывалом, кровать и маленький столик для еды, – составляли скромное убранство этой не столько комнаты, сколько кельи.

За книжным шкафом у стены помещалась еще одна узкая железная кровать, на которой сидела, а чаще

*Анна Корнилова
(урожд. Каменева) и
отец Александр Мень;
с. Новая Деревня, около
храма Сретения Господня,
1987 г.*

лежала согбенная старушка, которую приютила у себя тетя Верочка. Особенностью комнаты был голубой абажур. Его тихий успокаивающий свет делал голубым и окно. Его было видно от тети Леночки, и свет был как бы сигналом, что все в порядке, все спокойно. Тетя Верочка специально обменяла свою лучшую и большую комнату на эту крохотную, чтобы быть рядом с детьми и тетей Леночкой.

Здесь прошли многие часы наших занятий, были прочитаны по-английски Оливер Твист и по-французски «Приключение Нильса с дикими гусями», а позднее Эдгар По и Оскар Уальд. Однажды, уже в 1950-е годы тетя Верочка привела с собой девочку моего возраста, смуглую, с черными живыми глазами и длинными волнистыми волосами.

– Не знаю, как мне вас и познакомить, – сказала она.

Мы сами познакомились. Девочку звали Варенька Фудель. Теперь труды ее отца С. И. Фуделя, – о Павле Флоренском, о Достоевском, о Церкви и другие, – выходявшие когда-то в издательстве YMCA-Press, публикуются и у нас, а в то время Сергей Иосифович отбывал лагеря и ссылки²⁸, мать Вареньки, Вера Максимовна, также была в местах весьма отдаленных. Девочка жила в семьях людей, близких «катакомбной» церкви.

²⁸ С. И. Фудель был тоже из духовной семьи о. Серафима (Батюкова), и в последний свой арест в 1946 г. проходил по следственному делу № 8303 «Об антисоветском церковном подполье» по ст. УК 58 п. 10, часть II, вместе с М. В. Тепниной, В. А. Корнеевой, Н. В. Трапани, А. П. Арцыбушевым, священниками на нелегальном положении В. В. Криволюцким, А. И. Габрияником и др., всего 17 человек входили в эту группу, имевшую «преступную связь с руководителем названного подполья архимандритом Битюговым»...

Во время наших занятий, а теперь мы стали заниматься вместе с Варенькой, в комнате тети Верочки часто появлялся Алик. Всегда стремительный, оживленный, вдохновенно серьезный, он охотно общался и с теми, кто был младше его, – а в том возрасте разница в шесть лет почти непреодолима. Стоило обратиться к нему, как лицо его озаряла приветливая улыбка; казалось, он рад видеть и слышать именно тебя и готов все для тебя сделать. Его «налеты» в комнату тети Верочки были всегда неожиданны и молниеносны. Тогда наши занятия прерывались, дверцы шкафа распахивались. Он брал оттуда нужные ему книги и удалялся также стремительно, как приходил. «Вот видите, – говорила тетя Верочка, – Алик читает не одну книгу, как мы, а сразу пять». Действительно, и на даче в «Отдыхе», он раскладывал на садовом столике несколько книг и занимался так, как мы тогда еще не умели.

В то время, как мы читали детские книжки, Алик уже познакомился с трудами лучших представителей русской религиозно-философской мысли. «На рынке, среди гвоздей и морских свинок, я нашел... старые книги Владимира Соловьева, Сергея Булгакова и читал... с дрожью. ...Когда не было ни самиздата, ни тамиздата, в сфере философии печаталась только ахинея, которую нельзя было брать в руки, я открыл мир великих мыслителей»²⁹, – говорил он позднее. Вскоре он познакомился с трудами Н. О. Лосского, Г. П. Федотова, С. Н. Трубецкого, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка и других. Но не только книги, не только священническое наставничество и окружение людей из «катакомбной» церкви сделали из него священника.

²⁹ Быстрова И. Стрела на натянутой тетиве. // Московский комсомолец, 1989, 24 мая.

«Я получил христианское воспитание в семье. Но если бы все этим ограничилось, вера была бы для меня лишь дорогой сердцу традицией, вроде воспоминаний о детстве. Каждый воспитанный в религии человек в какой-то момент жизни *сам* встречает Бога на своем пути и делает выбор. Со мной это произошло в ранние школьные годы»³⁰. Тогда, будучи еще совсем юным, начал он писать свою первую книгу «Сын Человеческий». Первый вариант ее в машинописном виде в матерчатом – темно-вишневом, в черный горошек – переплете до сих пор бережно хранится мною рядом с таким же «самиздатом» – книгой Сергея Иосифовича Фуделя «Наследие Достоевского» в темно-зеленом бумажном переплете. На титульных листах этих книг нет имен авторов. Это было опасно. Сергею Иосифовичу так и не пришлось дожить до выхода в свет своих рукописей: его судьба и судьба его семьи сложились трагично. И мы должны быть благодарны Богу, что дожили до появления в России книг Александра Меня. Но о трудах Александра Меня сейчас говорят и пишут много. Здесь же – речь о другом...

После смерти отца Серафима в 1942 году духовное руководство тети Леночки, тети Верочки и Алика принял отец Пётр, но и он вскоре был арестован. Предчувствуя беду, он обратился к схиигуменье Марии, к которой имел большое доверие и уважение. «Уж моих-то Вы примите», – говорил отец Пётр. Узнав о том, что Алик (тогда еще школьник) сблизился с матушкой и проводит у нее каникулы, отец Пётр писал из ссылки:

³⁰ Ответы отца Александра Меня на вопросы неизвестной корреспондентки. // «Христианос-XXIV». Рига, 2015. С. 260.

«Я очень рад, что Алик познакомился с матушкой. Где бы он ни был, знакомство с человеком такого высокого устройства будет полезно ему на всю жизнь. Таких людей становится все меньше, а, может быть, больше их и совсем не будет»³¹.

После возвращения из ссылки отец Пётр получил приход в городе Боровске Калужской епархии, и туда продолжали ездить к нему его духовные дети. Мне посчастливилось быть в Боровске с тетей Верочкой летом 1958 года. Жили мы в крохотном домике, который одиноко стоял в отдалении от города над крутым обрывом, напротив Пафнутьева Боровского монастыря. Из единственного маленького окошка были видны стены и башни разоренной обители, купола опустевших церквей без крестов и стены с отбитой штукатуркой... Вековые сосны, раскидистые дубы, ветвистые березы, густой кустарник, – словом, настоящий лес начинался сразу за домиком. Темной стеной возвышался он над обрывом. Вечерами мы с тетей Верочкой выходили посидеть на траве на обрыве, что напротив монастыря. Чаще всего с нами была какая-нибудь английская книжка, так как у меня приближались экзамены. Боровская молодежь выходила на гулянье с гармошкой, почему-то им тоже тут нравилось. И тетя Верочка, тонко чувствовавшая диссонансы, говорила: «Знаешь, я люблю гармошку, но лучше, когда она вдалеке...».

По утрам мы ходили в городской храм, где служил отец Пётр. Литургия с ним отличалась торжественностью и возвышенностью. Слабый и уже больной человек, он преображался. Недаром прихожане называли его

³¹ «Катакомбы XX века». С. 135.

«летающим батюшкой». После обедни отец Пётр иногда приглашал тетю Верочку к себе обедать, и мы отправлялись вместе к дому церковной старосты, где у отца Петра была маленькая комнатка на втором этаже. В ней не помещалось ничего, кроме узкой кровати, маленького столика и полки с книгами. Обедали внизу со старостой, пожилой женщиной, окруженной детьми и внуками. Она старалась «поддержать разговор», вставляла свои замечания и практически лишала отца Петра возможности общаться с близкими ему людьми. Побывать наедине с ним можно было лишь в том случае, если в присутствии старосты выразить желание исповедоваться у него. Тогда отец Пётр приглашал наверх в свою келью.

В конце жизни он проделал огромную работу по восстановлению вверенного ему храма. Сам вел всю учетно-сметную документацию, бухгалтерскую часть, договаривался с архитекторами-реставраторами и рабочими, следил за всем, а так как денег не хватало, то вложил в это предприятие все свои личные сбережения. Изнурительным трудом он окончательно подорвал здоровье, и без того ослабленное лагерями, ссылками, лишениями и непомерным трудом. Отец Пётр начал сильно сдавать, серьезно заболел и скончался 2 июня 1959 года.

Отец Иеракс тоже умер в 1959 году во Владимире, но своим служением, верностью Христу эти пастыри – исповедники и мученики – вырастили отца Александра, того, кто принял от них эстафету, понес дальше спасенный ими в условиях жестоких гонений огонь веры.

Маруся рассказывала, как однажды, еще перед войной, в конце литургии, которую отец Иеракс (Бочаров) тайно совершал в доме у В. А. Корнеевой, в Лосинке,

где он, по благословению о. Серафима (Батюкова), скрывался на чердаке в течение восьми лет, – так вот, на руках у о. Иеракса был маленький Алик, который держал крест, и люди прикладывались к этому кресту в руках будущего преемника священников «катакомбной» церкви.

К тому времени Алик не только успел закончить школу и поступить в пушно-меховой институт, который был вскоре расформирован, и часть студентов, в том числе и Алик, были отправлены в Иркутск. Тетя Верочка очень беспокоилась о нем, и мы отправляли ему открытки и письма, – теперь уже из Рублёвского барака, где мы жили после ареста Маруси. Алик уже закончил и институт, но не получил диплома, из-за того, что прислуживал в церкви, в пос. Листвянке, довольно далеко от Иркутска, на берегу Байкала. Там началось его церковное служение. Естественно, об этом стало известно соответствующим органам и руководству института. Диплома его лишили, но в этом была и своя положительная сторона: не нужно было отрабатывать положенные после окончания института три года. И в том же, 1958 году, Александр Мень был рукоположен в дьякона, а в 1960 – в священника, по благословению отца Николая Голубцова³², ставшего духовным наставником Александра.

Служил отец Николай в Донском монастыре, а жил в Измайлове. Небольшой деревянный домик его стоял на том месте, где сейчас вагоны метро въезжают в туннель, направляясь от станции «Измайловский парк» к

³² Протоиерей Николай Голубцов (Сергиев Посад, 1900 – Москва, 1963), замечательный московский пастырь происходил из известной семьи Голубцовых, чей славный род дал немало священнослужителей и ученых.

станции «Измайловская». Как раз над парашютом. Домик был окружен садом, где росли яблони и цветы, которые разводила Мария Францевна, жена Николая Александровича. Долгое время у них жила Варенька Фудель. Помню, ее учили игре на фортепиано, и, подходя к дому, можно было слышать звуки «Элизы» Бетховена. Николай Александрович при всей доброте и мягкости был человек с большим чувством юмора. Когда я провожала его из Измайлово в Рублёво, где он должен был причастить моего больного дедушку, то длинная дорога скрашивалась неторопливой беседой.

Николай Александрович умел понять и принять на себя груз забот и сомнений каждого человека. Это был действительно Добрый Пастырь.

Наставляя Алика, а теперь он уже стал отцом Александром, Николай Александрович говорил: «С интеллигенцией больше всего намучаешься (это он знал из своего опыта). Но он был именно пастырем этого духовно заброшенного сословия, и мне его завещал», — вспоминал впоследствии протоиерей Александр Мень³³.

Всё это время мы жили без Маруси, но с её письмами и редкими передачами. Отбывая с 1946 года срок по 58 статье, сначала в тюрьме, а потом в лагере, Сиблага, в 1951 году она была отправлена на место ссылки в Красноярский край, в Канскую область, в село Покатеево (Патокачет), Долгомостовского района.

Покатеево было расположено в красивейшем месте, на берегу реки Бирюсы. Кругом тайга. Вековые кедры, сосны и ели, падавшие под топорами заключённых. Лесоповал и сплав. Если бы Марусю, небольшого роста, худенькую направили, как всех, на лесозаготовки, она бы, конечно, не выжила. Спасла специальность, на

³³ Мень Александр. О себе... М., 2007. С. 78.

которую её когда-то благословил отец Серафим (Батюков). «Я на общие работы не попала, – вспоминала Маруся позднее, – меня спасла моя специальность. После того, как меня из Медицинского института “попросили” с заключением: “за чуждую пролетариату идеологию”, я некоторое время была совершенно неустроенной. Были карточки. А я была лишенным всяких прав человеком. Ну а потом я по благословению архимандрита Серафима окончила зубо врачебную школу. И это меня спасло в лагере: я там работала зубным врачом, поэтому на общие работы не попадала. Это было и в ссылке. Поэтому я и говорю, что я была в заключении, собственно говоря, не для того, чтобы страдать самой, а чтобы видеть, как страдают другие». В Покатеево зубо врачебная лаборатория располагалась на пригорке, в большой избе, в одной половине которой был кабинет зубного врача, в другой – кабинет протезиста. Счастливым оказалось то обстоятельство, что протезистом назначили сосланного из Ленинграда Якова Савельевича Шмидта, человека в высшей степени порядочного, верующего, хотя и не принадлежавшего к религиозной среде. В то время как врачи в соседних поселениях, например, доктор Смайлинес, на Бузане, имел собственный дом, огород, скот и прочее хозяйство, Маруся с Яковым Савельевичем, как вспоминал он в письме от 13.09 1954 года: «не думали о хозяйстве, о личном благополучии, а занимались организацией учреждения (лаборатории – А. К.) и заботились о его благоустройстве³⁴». Зубо врачебный кабинет хорошо оборудовали.

³⁴ Цит. по письму Я. С. Шмидта – М. В. Тепниной от 13.09.1954. Семейный архив А. В. Корниловой (урожд. Каменевой).

МВД РСФСР
УПРАВЛЕНИЕ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ИСПОЛНОМА
КРАСНОЯРСКОГО
КРАЕВОГО СОВЕТА
НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
24/01-398 г. № 1/3 Т-334
680017, Красноярск,
ул. Дзержинского, 18

Форма № 1

СПРАВКА

Дана Тепниной Марии
Витальевне, 1904 года рождения,
уроженца (ке) г. Ленинграда
в том, что от (а) был (а)
осужден (а) 30 июня 1946 года Особным Совещанием
при МГБ СССР по ст 58-10, 22, 58-11 ч1 РСФСР к
5 годам лишения свободы. Наказу срока
с 17 апреля 1946 года освобожден (а) 17 апреля 1951
года
После отбытия наказания был (а) направлен (а) в ссылку на поселение в Дого
- Мостовский район Краснояр. кр. От ссылки освобожден (а)
30 июня 1954 года на основании приказа
МВД и Прокуратуры СССР от 24 апреля 1954.
Основание: номер 084
Начальник отдела УВД В. Г. Богданов Зак. 98

МГБ СССР
Управление МГБ
Красноярского края
Д-мост Р-о МГБ
1.1.1904 1904 г.
№ _____

УДОСТОВЕРЕНИЕ
(взамен паспорта)

Выдано Тепнина
Марии Витальевне
1904 года рождения в том, что он (она) является соблнбнм
и проживает в пос. Намакангет
Долгомоштовском р-на Красноярского края
Действительно по 31 декабря 1954 г. только на
территории Д-мостовского р-на Красноярского края

Место для
фотокарточки

Начальник Д-мостовского Р-о МГБ
майор Виноградов
(Богданов)

ВЕРХОВНЫЙ СУД
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

103289 Москва, ул. Ильинка 7/3

№ И. 93 №2дсп-3272-56

на № _____

Московская область,
г. Пушкино,
Новая деревня
ул. Центральная, 31
Назаровой М.В.

С П Р А В К А

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 12 апреля 1958 года постановление Особого совещания при МГБ СССР от 30 ноября 1946 года, которым по ст.ст. 58-10 ч. 2, 58-11 УК РСФСР была осуждена Тепнина Мария Витальевна, 1904 года рождения, отменено и дело о ней производством прекращено за недоказанностью предъявленного ей обвинения.

По настоящему делу Тепнина М.В. реабилитирована.

До ареста по данному делу Тепнина М.В. работала зубным врачом в Рублевской больнице Московской области.

Первый заместитель Председателя
Верховного Суда Российской Федерации

Радученко
В.И. Радученко

Кроме того, у Маруси было редкое свойство не причинять пациентам боли. Позднее, когда она после ссылки вернулась в Москву и снова работала в рублёвской больнице, к ней шли лечиться не только рабочие Водопроводной станции, но и все друзья, дети друзей и друзья друзей. В её кресле побывали, тогда ещё студенты, Алик Мень и Глеб Якунин. Павлик Мень и я. Феликс и многие другие. Павел Мень вспоминал: «Я долго не понимал, почему люди боятся ходить к зубным врачам, потому что лечился у Маруси; но когда попал к другому врачу, то понял».

Лаборатория в Покатеево, хотя в ней и работали только два человека, обслуживала большой район. Зубы болели у всех: и у начальников, и у заключённых. Ссылные были разными; в основном, уголовниками, так как политических, «набора» 1937–1938 годов, к 1950-м годам уже не осталось. Если раньше здесь были люди, с которыми и в заключении находиться, можно было за честь почитать, то теперь приходилось иметь дело с совершенно иным контингентом. Так одна бывшая воровка, сидя в зубо врачебном кресле, шутила: «Мария Витальевна, я ведь могу Вас обчистить до нитки, а Вы и не заметите». Маруся улыбалась, а когда пациентка ушла, обнаружилось, что в кабинете не осталось ни одного инструмента. Так она продемонстрировала своё «искусство», а потом, смеясь, всё вернула.

Тем временем, «за несколько месяцев до смерти Сталина приезжает комиссия, – вспоминала Маруся, – и объявляет, что они приехали для того, чтобы ссылные расписались, что им объявляется ссылка “навечно”». И было очень много таких трагических случаев. Там из Прибалтики многие уже заканчивали свой срок. У них уже даже были паспорта, они собирались уезжать

на родину, и вдруг им объявляется ссылка «навечно». И были случаи самоубийств... Такое, знаете, действительно, событие поразило. Ну вот, комиссия приезжала с таким журналом, там все фамилии написаны, извольте только расписаться. Когда дошла до меня очередь, я очень легко, просто так усмехнувшись, легко подмахнула свою фамилию и подумала: “Нашлись мне распорядители вечности!”. Без всякого, ни на минуту не поверив... И через два месяца после этого, кажется, умер Сталин, и “вечность” кончилась. Хрущев начал сразу пересмотр “дел”, начали возвращать, реабилитация такая широкая... Их “вечность” кончилась».

Как только в 1954 году пришло известие о реабилитации, Маруся, не уволившись с работы, не оформив никаких документов, лишь получив паспорт, ринулась из Покатеево в Канск, а оттуда в Красноярск и Москву. Хотя этот отъезд и был стремительным, провожали ее очень трогательно. Даже уголовники по-своему всячески выражали свою признательность, а одна из них даже написала стихи. Но особенно переживал ее отъезд Яков Савельевич. Он оставался один: закрывать лабораторию, оформлять документы на реабилитацию, добывать всяческие справки, мотаясь по бездорожью в Долгий Мост и Канск, где находились соответствующие учреждения.

Из письма Якова Савельевича Шмидта 6 июля 1954 г.: «Дорогая Мария Витальевна!

Неоценимый друг мой! Автобус, который так быстро оторвался от места и скрылся из глаз, увозя Вас, окончательно парализовал меня, и я почувствовал всю горечь разлуки с Вами, я почувствовал, что от меня оторвано неоценимо большое, одухотворяющее. Когда имеешь, не бережешь, а когда потеряешь – плачешь,

это первое, что пришло мне в голову. Я так плохо берег Вас, я так много причинил Вам огорчения, хотя твердо знаю, что огорчения эти не нарочитые, а желая Вам только добра. Какую я сделал ошибку, что не поехал с Вами до Канска. Почему я не пренебрег временем и средствами? Почему отпустил Вас одну? Хотя знаю, что ждут меня в Покатеево. Хотел исправить эту ошибку, но Баранова уже не было на службе, был час обеденного перерыва, а после обеда он на работу не приходил. Вернулся я в гостиницу, открыл оставленный мне подарок и слезы сами потекли. Так я никогда не плакал, таких чувств не знал. Вот и сейчас пишу это письмо, а глаза на сыром месте. Подарок я должен был при Вас прижать к устам своим и благодарить за него, но, видимо, какая-то особая рассеянность, какая-то особая напряженность, в которой я находился до последней минуты разлуки с Вами лишила меня разума. И я делаю это только сейчас. Простите меня, Мария Витальевна, за все за все. И еще прошу передать Виталию Ираклиевичу мою сердечную благодарность за внимание и чувства, которые он питает ко мне. Я не могу сей-

час писать. У меня, видимо, нервы далеко не в порядке и в голове шумит. Привет и наилучшие пожелания Вере Владимировне, Лидии Витальевне, детям. Телеграмму в Измайлово (Москва. Первомайская ул., д. 12, кв. 5, где жила моя мать, Лидия Витальевна – *прим. А. К.*) отправил сразу. С нетерпением жду известия Вашего с дороги, буду ждать и из Москвы. Будьте здоровы, счастливы, всей душой разделяю радость Вашей встречи с Вашими родными и друзьями»³⁵.

Встречали мы Марусю на Ярославском вокзале. Перед тем долго совещались, кто поедет на эту встречу, чтобы не привлекать нежелательного внимания. Выбор остановили на бабушке, дедушке и мне. Помню перрон, заполненный народом, встречающим поезд из Красноярска, Марусю, которую мы не видели восемь лет, нашу общую радость, с привкусом горечи, поездку в Измайлово, где мы жили, и где Марусю ждали родные и друзья, в том числе и Верочка с Леночкой. Дальше начались трудности: получение документов, реабилитационного заключения, устройство на работу, на прежнее место в Рублёво, и, наконец, выдворение из барака и получение квартиры в деревянном доме с садом и огородом на опушке леса у Рублёвской больницы. Начиналась новая жизнь, далеко не лёгкая, со своими потерями и приобретениями, но уже на воле.

Санкт-Петербург

Май, 2015

³⁵ Из письма Я. С. Шмидта – М. В. Тепниной от 06.07.54. Семейный архив А. В. Корниловой (урожд. Каменево).

«ДЛЯ МЕНЯ БОГОСЛУЖЕНИЕ СТАЛО ЖИЗНЬЮ...»

Из интервью
с Марией Витальевной Тепниной

Мария Витальевна Тепнина (22.01.1904 – 28.04.1993) – близкий друг семьи отца Александра Меня, знавшая Алика с ранних детских лет, принявшая на себя заботы по его воспитанию и христианскому просвещению, а затем сопровождавшая его в скитаниях по подмосковным деревням, когда его переводили из одного прихода в другой, делившая с отцом Александром тревоги и трудности... Ее воспоминания и размышления – о своей жизни, Церкви и священстве, о пережитых гонениях, лагере и ссылке, знакомстве с Еленой Семеновной Мень – не только интереснейшие исторические свидетельства, приоткрывающие завесу нашего прошлого, но и живой голос человека необыкновенного, праведницы, обладавшей такой глубиной, чистотой и крепостью веры, какую редко встретишь сегодня...

История появления этого интервью не совсем обычна. Оно было записано в августе 1991 года, в праздник Успения Пресвятой Богородицы, молодыми людьми, приехавшими к Марии Витальевне в Новую Деревню из Тамбова. Привез ребят на эту встречу Сергей Чеботарёв, не раз до того бывавший у М. В. Тепниной. Беседу вел, в основном, историк Андрей Алленов, собиравший в то время материал по истории Тамбовской епархии (ныне – кандидат исторических наук, доцент Тамбовского университета, автор книги «Власть и Церковь. Тамбовская епархия в 1917–1927 гг.»). Когда позво-

лили технические возможности, магнитофонные каскасы оцифровали. Теперь же, спустя почти четверть века, эти аудиозаписи приобрели форму текста, который можно прочесть.

О встречах с Марией Витальевной Тепниной и о том, как появилось это интервью, вспоминает Сергей Алексеевич Чеботарёв – тогда двадцатилетний юноша, молодой историк, а сегодня – кандидат исторических наук, автор монографии «Тамбовская епархия 40-60 гг. XX века», вице-губернатор Тамбовской области:

...Только ленивый не ругает сегодня 90-е гг. прошлого века: разгул криминала, потоком хлынувшая грязь и пошлость... Но для кого-то это было время духовных поисков. Издавались замечательные книги русских философов и богословов. Возник огромный интерес к Церкви. И, пожалуй, одной из самых ярких фигур этого времени был служивший в Подмоскowie протоиерей Александр Мень. Его проповеди по телевидению, статьи в газетах, не издававшиеся в СССР книги... Все это волновало и притягивало – особенно интеллигенцию. Не избежал влияния этой личности и я. Мне очень хотелось встретиться и поговорить с батюшкой. Был уверен, что это обязательно случится: ведь он сравнительно молод. Но... удар топора 9-го сентября 1990 года оборвал эту прекрасную жизнь и мою надежду на встречу.

После его гибели стали выходить книги не только самого о. Александра, но и о нем, его семье, о «Катакомбной церкви» 30-40-х гг. и ее священниках. Мы с друзьями следили за этими публикациями, всё читали. Я знал, кто такие – Елена Семёновна Мень, Вера Яковлевна Василевская, Мария Витальевна Тепнина... Мой вузовский преподаватель, Ирина Романовна Блохина,

познакомила меня с Анастасией Александровной Сухопаровой¹ – старой петербурженкой, дворянкой, всю жизнь, впрочем, проработавшей медсестрой в детской больнице. Этот глубоко верующий человек свет излучал почти видимый. Она была всегда весела, приветлива, обладала прекрасным чувством юмора, вообще жила в атмосфере чуда... Человек, которому посчастливилось пообщаться с этой старушкой, испытывал тепло и покой. Житийные истории, которые иногда напрыгают рассудочных людей, происходили в ее присутствии непрерывно. Она была давней знакомой Веры Николаевны Фадеевой, тети Ирины Романовны, о которой я тоже много знал по рассказам.

Как-то в разговоре Анастасия Александровна вспомнила свою московскую подругу Марусю Тепнину. Ирина Романовна тоже ее знала как близкого, еще с тамбовского детства, друга тети Веры, а теперь – верную спутницу и ангела-хранителя отца Александра Меня. Тема эта была мне интересна, я стал расспрашивать о Марии Витальевне. Оказалось, что она в свое время принадлежала к так называемым «непоминающим»...

Таким образом, когда я с друзьями поехал в Троице-Сергиеву Лавру и по пути заехал в Новую Деревню, я уже знал, кто эта сухонькая старушка, что сидит на лавочке у церковной сторожки. Оставалось только найти повод, чтобы поговорить с ней. И начал я с Тамбова, где прошли ее детство и юность, с ее подруги Верочки, с митрополита Кирилла (Смирнова), бывшего тамбовским архиепископом, и еще со многих имен, известных ей не по книгам... Вдруг она прервала беседу и спросила:

¹ См.: Запесоцкая Римма. Призвание служить делу Господню. А. А. Сухопарова. Отец Александр Мень. // «Христианос-ХІХ». Рига, 2010. С. 313–333.

«А вы знаете, какой сегодня день? Сегодня память Тамбовской иконы Божией матери, а вчера был день Питирима Тамбовского. Я очень почитаю Святителя и эту икону...». У меня на шее висел крестик с частицей мощей святителя Питирима, подаренный недавно друзьями. Я снял его и протянул Марии Витальевне. Она радостно приняла, но заметила, что нехорошо мне без креста ехать в Лавру. Позвала к себе домой (благо, домик, который она снимала, находился рядом с храмом), подарила мне крестик, привезенный из почти недоступного нам тогда Иерусалима.

Мы проговорили два часа. Мне жаль было уезжать и казалось, что расстаемся навсегда. Но на обратном пути у переполненной машины, которая везла нас по Ярославскому шоссе, взорвалось колесо. Кого-то надо было высаживать. Высадили нас с другом. Когда огляделись, то поняли, что авария случилась у кладбища близ Новой Деревни. И пошли в деревню. Мария Витальевна встретила нас – будто ждала. Постелила в комнате. Но спать в ту ночь не легли, проговорили до утра. И сколько было потом этих счастливых ночей с ее неторопливыми рассказами о людях и событиях...

*М. В. Тепнина в кабинете
о. Александра в сторожке
при храме Сретения.
Новая Деревня. 30.07.1986 г.
Фото Софии Руковой*

В один из приездов мой друг, тоже историк, Андрей Алленов записал часть ее рассказов на старенький магнитофон. А потом она просила нас читать молитву, которой Марию Витальевну научил ее духовник и которая, по ее словам, ведет начало от отца Иоанна Кронштадтского. И велела позаботиться о воцерковлении друга, с которым пришел я к ней в первый раз. Не выполнил я Вашего завета, дорогая Мария Витальевна!

...Когда сегодня мне бывает особенно тяжело, когда черная тень греха покрывает душу и приходит невыносимое чувство богооставленности, я смотрю на фотографию маленькой хрупкой старушки с морщинистым, как печеное яблоко, лицом, на рядом стоящую икону преподобной Марии Египетской и молюсь, и прошу их о помощи... И происходит чудо, за которое готов отдать все – вновь я ощущаю взгляд и присутствие Того, без Кого жизнь бессмысленна и невыносима... Льются слезы и приходит облегчение.

* * *

Андрей Алленов: ...Так вот о праздновании Пятирима² в Тамбове. А как в то время в Тамбове проходили празднества святителя Пятирима?

Мария Тепнина: Что я могу сказать?.. Полная торжественная служба, такая проникновенная. А потом, вы имеете представление о посещении иконы, чудотворной иконы, Казанской, которая с Выши³?

² Пятирим (1645–1698). Епископ Тамбовский в 1685-1698. Канонизирован в 1914 г.

³ Вышенская (Казанская) икона Божией Матери. В 1812–1827 гг. хранилась у монахини Мировии (Аденковой) в Тамбовском Вознесенском женском монастыре, как чтимая

А. А.: Да, да, и об этом расскажите, если можно. Как проходили празднества?

М. Т.: Я тогда маленькая была. Мы только что из Петербурга переехали в Тамбов. У нас своего дома никогда не было, а снимали у домовладельца целую квартиру, целый дом фактически снимали, по пять-шесть комнат. Мы снимали на Студенце⁴ тогда квартиру. И вот хозяйка вдруг объявляет, что сегодня по домам монахи будут носить чудотворную икону. Наша семья ни малейшего представления об этом не имела, но хозяйка убедила, что нужно принять, ну, и родители мои не отказались, раз так надо. Значит, принесли икону... И причем ее носили день и ночь, не успевали только днем. И я помню, в первый раз принесли к нам ночью. Все сидели, ждали. И мой отец⁵ с бабушкой, не помню, мать

святыня. По завещанию передана в Вышенский монастырь Тамбовской епархии. Жители Моршанска, Тамбова, Шацка связывали избавление от холеры с помощью Богоматери через эту икону. В 1871 г. установлено ежегодное перенесение иконы в Моршанск и Тамбов.

⁴ Студенец – малая река в Тамбове, впадает в р. Цну.

⁵ Тепнин Виталий Ираклиевич (01.04.1879, г. Ишим Тобольской губ. – 17.03.1956, Москва, Рублёво). Родился в семье заведовавшего конторой Винокуренного завода. В 5 лет лишился отца. В 1890 г. поступил в реальное училище г. Тюмень. С пятого класса стал давать уроки репетиторства, чем помогал семье, где кроме него было ещё два брата и сестра. Сбрав уроками некоторую сумму денег, отправился в Петербург, где, поступил в Петербургский технологический институт. Специальность – инженер-технолог. Работал инженером на петербургских заводах, в Морском порту (пироксилитовый завод), в 1910 г. поступил на службу в армию на должность инженера-техника при военно-хозяйственном ведомстве. В 1916 г.(?) был направлен в город Тамбов в военно-хозяйственную комиссию, где продолжал работать до

была там или нет... Во всяком случае, нас гнали спать, но я, конечно, не спала, и тогда, когда принесли икону, я все это видела. Кроме того, многие хозяйки принимали этих монахов (особенно когда днем), их кормили, устраивали для них обеды. И так они из храма – в течение целого дня от утреннего богослужения до вечернего богослужения. После вечернего богослужения – всю ночь до утреннего богослужения. И так обходились все дома. Кроме того, по приходам. Значит, когда в данный храм приносят икону, то по приходу ее носят, по домам прихожан именно этого храма. Этого же в один день не сделаешь, поэтому икона иногда две недели находится в этом храме, и тогда собираются туда на богослужение – не только из этого, но и из всех других приходов, и бывает большое скопление народа.

А. А.: И на празднество святителя Питирима тоже все было переполнено?

М. Т.: Да, конечно. А икону эту всегда встречали, это было, я запомнила, 13 мая. И когда ее приносили, далеко в поле выходили...

А. А.: Кстати говоря, сейчас, конечно, эту икону не встречают, но литургически и службой отмечают дни встречи Вышенской иконы в Тамбове и Моршанске⁶. Интересно, а Вы бывали в Уткинской церкви у Тамбовской иконы?

1922 года. С 1924 г. работал в Москве. В 1927 г. демобилизован из Красной Армии и поступил в научно-исследовательский институт Текстильной промышленности. В конце 1930-х гг. уволен по сокращению штатов с пенсией в 100 рублей.

⁶ В 2001 г. Вышенская икона впервые с 1918 г. вновь была принесена в Тамбов. С 2004 г. ежегодное пребывание иконы в Тамбове возобновлено.

М. Т.: По-моему, нет. У отца Василия⁷, моего отца духовного первого (он уже служил тогда у себя в доме в период обновленчества), у него была большая икона Тамбовская.

А. А.: А к кому вы до этого ездили в Тамбов?

М. Т.: В Тамбов я ездила в семью Каменевых. Каменев⁸ в то время был старостой Кафедрального собора. Он был в большой дружбе с отцом Тихоном Пospelовым⁹.

А. А.: Кстати, сохранились «списки неблагонадежных», которые составлял Лыков¹⁰. Он в 1927 году был убит в самом соборе. Эти списки, которые он составлял, – неблагонадежных, стоящих в оппозиции к церковно-обновленческому движению (там за политическую ак-

⁷ Кудряшов Василий Леонтьевич (1890–1937), священник. Служил в Тамбове. Как активный противник обновленчества и «сергианства», подвергался репрессиям. Расстрелян в 1937 г.

⁸ Каменев Нил Васильевич (1871–1925). В 1893–1908 г. товарищ прокурора Тамбовского окружного суда. Позже служил в Саратове, Самаре, Петрограде. В 1918 г. вернулся в Тамбов. Был старостой Тамбовского Спасо-Преображенского Кафедрального собора. В 1922 г. осужден вместе с духовенством по делу о «сокрытии церковных ценностей».

⁹ Пospelов Тихон Васильевич (1864 – после 1931), протоиерей. Настоятель Тамбовского Спасо-Преображенского собора. Активный противник обновленчества. В 1922 г. пытался сохранить реликвии собора, что привело к шумному процессу о «сокрытии церковных ценностей», который должен был ударить по местным «тихоновцам». Собор был захвачен обновленцами. В 1931 г. выслан в Северный край.

¹⁰ Лыков Иван Васильевич (+1927), протоиерей. Ключарь Тамбовского Спасо-Преображенского собора. В 1922 г. – активный участник обновленческого движения. Председатель Тамбовского обновленческого епархиального совета, «уполномоченный Священного Синода». Помощник властей в преследовании «тихоновского» духовенства. Убит в 1927 г.

цию выдавалось, что они поминают имя патриарха Тихона¹¹), и отец Тихон Пospelов стоял первым в этом «списке неблагонадежных».

М. Т.: ...Ко времени революции произошел во мне переворот. Я, как потом говорили, сама воцерковилась. Но первые гонения я испытала в семье. Был такой протест не только со стороны родителей, но и со стороны всех окружающих. Такой поднялся просто вой, что Марусю губит религия. Маруся все свои способности потеряет. Меня с детства готовили в знаменитости.

А. А.: А до этого никого в семье не было верующих?

М. Т.: Была бабушка, мать отца, которая ходила в церковь, кажется, по воскресеньям, но это она одна. Мой отец – он без молитвы не садился за стол. Новый год встречал молитвой. Никогда не было, чтобы он не помолился утром и вечером. А вот в церковь не ходил. Это было типично для интеллигенции того времени. Мать¹² моя была довольно вольнодумная. Нас было три дочери.

¹¹ Тихон (Беллавин Василий Иванович, 1865–1925), Патриарх Московский и всея Руси. Избран на Поместном соборе в 1917 г. Канонизирован РПЦ МП в 1989 г.

¹² Тепнина Вера Владимировна, урождённая Гудим-Левкович (25. 09.1875, Иркутск – 15.11. 1962, Москва, Рублёво). Когда ей было 5 лет, потеряла отца, известного в Иркутске прокурора. Окончив иркутскую гимназию, переехала в Петербург, где получила медицинское образование и работала под руководством Бехтерева в Клинике нервных и душевных болезней при Военно-медицинской академии. Там же, в зданиях Академии, у нее была служебная квартира, где и родились три ее дочери: Гали (1902 г.), Мария (1904 г.), Лидия (1908 г.) Во время Первой мировой войны работала в госпитале при Военно-медицинской академии. Перед революцией, когда мужа сослали в Тамбов, ей уже трудно было где-нибудь устроиться, кругом царил безработица. В дальнейшем разделила судьбу семьи.

Сёстры Тепнины.

Слева направо: Лидия, Гали, Мария, ок. 1914 г., СПб.

Фото из семейного архива А. Корниловой

Я была большей частью на положении мальчика, наклонности у меня были мальчишеские. Особенно это сказалось, конечно, после революции, когда мне действительно пришлось быть опорой. Когда умерла бабушка, мать отца (это на детей произвело сильное впечатление – первая смерть, которую мы видели), моя старшая сестра¹³ стала ходить в Архангельскую церковь. Там был такой отец Николай Полянский¹⁴, – не слыхали о таком? – он стал ее духовным отцом. И никто ей не препятствовал. Хочешь, ходи, пожалуйста. Как только это началось у меня, так пошли всякие протесты...

¹³ Тепнина Гали Витальевна (1902–1961).

¹⁴ Вероятно: Полянский Николай Александрович (1871–193?), протоиерей. В 1922 г. исполнял должность благочинного городских церквей. Противник обновленческого движения.

А. А.: Вы называете отца Тихона Пospelова своим апостолом. Это он помог Вам прийти к вере?

М. Т.: Меня опять-таки натолкнула моя старшая сестра. Все началось после отъезда митрополита Кирилла¹⁵. Отец Тихон старался поддержать все, что он установил. Были эти средние обедни. Каждое воскресенье вечером был акафист святителю Питириму, после этого беседа, которая была вся основана на поучениях Феофана Затворника¹⁶. Моя сестра бывала на таких беседах и потом мне сказала об этом. Я заинтересовалась. Сходила один раз и потом уже решила, что я должна быть каждый раз. Причем, знаете, к обедне еще не ходила. Я тогда была членом скаутской организации. Утром укатывала в лес куда-нибудь на прогулку со скаутами, а вечером старалась попасть в собор на беседу. Отец Тихон обыкновенно начинал беседу всегда с евангельской темы. И он начинал таким образом: «Ну, вы, конечно, сегодня слышали такое-то повествование из Евангелия?». Сначала до меня как-то не доходило,

¹⁵ Кирилл (Смирнов Константин Илларионович; 1863–1937), митрополит. В 1909–1918 управлял Тамбовской епархией. В завещательном распоряжении патриарха Тихона назван первым кандидатом, кому, после кончины Предстоятеля Российской Церкви, переходят «Патриаршие права и обязанности», т. е. Местоблюстителя Патриаршего Престола. Находился на момент кончины патриарха в ссылке и не смог вступить в указанные права. В 1920–30-е гг. подвергался арестам, ссылкам и тюремным заключениям. В 1937 расстрелян близ Чимкента. Канонизирован РПЦ МП в 2000 г.

¹⁶ Феофан Затворник (Говоров Георгий Васильевич; 1815–1894). Епископ, подвижник благочестия, духовный писатель. В 1859–1863 гг. управлял Тамбовской епархией. С 1866 г. на покое в Вышенской пустыни Тамбовской епархии. Канонизирован РПЦ МП в 1988 г.

потому что я, конечно, не слышала. А потом до меня дошло, что мне это нужно. И я постепенно отстала от этой самой скаутской организации и начала посещать службу.

А. А.: А кто возглавлял скаутов в Тамбове, скаутскую организацию?

М. Т.: Были такие Кузнецов и Иван – два реалиста. По-моему, они были в последних классах реального училища.

А. А.: Это уже после революции?

М. Т.: Конечно.

А. А.: Помните ли Вы революционные события в Тамбове?

М. Т.: Помню. Отец как-то пришел с работы, собрал всю семью, позвал детей, бабушку и торжественно заявил, что монархия в России кончилась, Николай II отрекся от престола, что теперь будет свобода, что все, чего добивались революционеры, все будет осуществлено – равенство, братство, прочее. Я, конечно, сразу увлеклась. Но прошло совсем немного времени, и произошел очень простой случай. Я находилась в таком маленьком палисаднике около нашего дома. Там был высокий забор. Но при моих наклонностях мальчишеских мне ничего не стоило на него забраться. И вот я нахожусь в этом полисадничке и слышу какие-то крики, стоны. Я моментально, конечно, забралась на забор и вижу, как какой-то человек, буквально под прямым углом согнутый, – впереди, а вокруг него, по крайней мере, четыре человека, которые избивают его на ходу. Ну – и все! Для меня все прелести революции кончились. Значит – то же насилие, то же! В результате – этого всего для меня уже не существовало.

А потом началась борьба с религией. Причем все это было на такой «высоте»: только одними лозунгами

угощали, преподносили это нам как философию Маркса. А первое (может быть, вы не знаете?), что заявил Ленин, это что Бога нет. Вот такой вопрос – есть Бог или нет. Ну, конечно, это вопрос безграмотный... У меня отец был очень умным человеком. Он все понял. Я пять классов все-таки кончила, пять классов гимназии до революционной. А потом началась эта, так называемая, советская школа. Отец через полгода меня и мою сестру оттуда забрал. Но я за эти полгода успела там познакомиться с этим самым марксизмом. Но мне тогда представлялась вся эта неистовая проповедь так образно: идет какая-то черная туча. Вот как бывает, что идет туча и на глазах заволакивает небо, так и это напоздало. Буквально в глазах у меня стояло, что эта самая тьма, которая наступает, напоздала и все покрывала. Ну, настолько беспрепятственно, настолько безумно, я бы сказала. Как-то вся масса ей поддалась. Это был 1918 год.

А. А.: В это время уже был епископ Зиновий¹⁷?

М. Т.: В восемнадцатом году отправили митрополита Кирилла на Кавказ, а потом уже был Зиновий. Но я еще находилась в гимназии, тогда, еще до отречения Николая, ходили уже революционные настроения, и началась проповедь атеизма. И наш законоучитель объявил (а я была в пятом классе гимназии, последнем, который закончила), что митрополит Кирилл организует

¹⁷ Зиновий (Дроздов Николай Петрович, 1875–1942), архиепископ. В 1913–1918 гг. епископ Козловский, викарий Тамбовской епархии. В 1918–1927 епископ, архиепископ Тамбовский и Шацкий. В 1922 г. выступил против обновленчества, за что был привлечен по делу «о сокрытии церковных ценностей». В 1924 г. возвращался к управлению епархией, но вновь был выслан. В 1920–1930-е гг. подвергался репрессиям. Умер в лагере.

Крестный ход по Тамбову – протест против атеистической проповеди

А. А.: А когда это было?

М. Т.: Зимой семнадцатого года. Митрополит Кирилл призвал всех, кто считает себя верующим, постоять, появиться на Крестном ходе.

А. А.: А кто у Вас был законоучитель?

М. Т.: Законоучителем был некто отец Василий (фамилию я не помню)¹⁸. У нас там были два законоучителя: до четвертого класса был один, а после, когда начался катехизис, другой, того я помню, фамилия была – Калугин¹⁹. Он очень подходил как учитель женского учебного заведения – ласковый, так с детьми обращался ласково, его все слушались, и как будто двоек у него особенно не было. А второй, отец Василий, нам объявил это в такой форме, что кто верит в Бога, тот должен проявить свой протест. Но я, конечно, загорелась. А был трескучий мороз, и мои родители заявили: «Никуда не пойдешь, сиди дома». Где-то около Крещения это было, действительно были трескучие морозы. Когда потом мы собрались в классе, и все рассказывали, как это было – очень светло, с таким вдохновением это прошло, – я, конечно, только слюнки глотала.

А. А.: И было много народу?

М. Т.: Много народу было. Митрополит Кирилл такое имел влияние, я бы сказала, он влиял действительно

¹⁸ Протоиерей Василий Филиппович Стеженский. Священник Кафедрального собора г. Тамбова, законоучитель женской гимназии Д. А. Пташник.

¹⁹ Михаил Виссарионович Калугин (1873-1923). Священник Покровской церкви г. Тамбова, законоучитель женской гимназии Д. А. Пташник. Умер в Тамбове по выходе из тюремной больницы.

на весь Тамбов. Но там исключения были какие-то такие, вроде моих родителей, интеллигенции... А так – и дворянство, и купечество, и, конечно, крестьянство, и мещанство, целиком были под его влиянием. Только вот интеллигенция... Я-то свое происхождение всегда отрицательно оценивала. Я много боролась в себе с разными интеллигентскими задатками.

А. А.: А как вы узнали, что митрополита Кирилла переводят?

М. Т.: Тоже в гимназии объявили. Это был такой плач по всему городу. Уезжал он из дома этого моего первого духовного отца – отца Василия Кудряшова. Тот был одним из юношей, которые ходили за ним по всему Тамбову. Потом митрополит сделал Василия каким-то служащим в своей канцелярии и очень рано – тому и двадцати лет не было – его рукоположил. И сам ему выбрал невесту, девушку Марию – тоже из этих самых, ходящих за ним²⁰. И потом очень любил эту семью.

²⁰ Отец Василий Кудряшов был женат на Марии Ивановне. У о. В. и М. И. было три дочери Ксения, Вера и Софья. Когда батюшку арестовали, а в 1937 г. расстреляли, семье надо было спастись. Не спаслась только Ксения, её тоже арестовали, и она уже не вернулась. Маленькую дочь Ксении, Наташу, взяла в свою семью Вера. Она единственная, красавица, очень похожая на отца, рано вышла замуж за Андрея Николаевича Петрова, который был ветеринарным врачом. Эта специальность при ситуации, когда надо было срочно исчезнуть, чтобы никто их не нашел, оказалась очень кстати. Воспользовавшись тем, что никто из врачей не хотел ехать работать в глубинку, А. Н., забрав Веру и всю ее семью (матушку Марию Ивановну, сестру Соню и дочь Ксении, Наташу) уехал в глушь лесов Тверского края, на остров Лисий Вышневолоцкого района. Остров был на большом озере, образованном Мариинской водной системой. Кругом непроходимые леса, где бродили волки, да на пригорке стояли две – три избушки Вет. Станции, куда привозили больных коров и лошадей. В

Посещал ее. И часто у них бывал, перед отъездом зашел к ним специально проститься, – говорят, там у них плакал. Это был 1918 год.

А. А.: А вообще митрополит Кирилл был доступен народу?

М. Т.: Да, очень доступен. И прост в обращении. И это продолжалось в течение всей его жизни. Ведь его последнее пребывание, последний промежуток между его ссылками... Он в лагерях не был. Ну, конечно, сначала тюрьма, а потом ссылки. И таким образом: кончается ссылка, он освобождается, и тут короткий промежуток времени, затем снова его арестовывают, посылают в новую ссылку. И так он изъездил всю Сибирь и Казахстан, И вот перед последним арестом, как раз когда началось предательство Церкви Сергием Страгородским²¹, который подхватил то, что не сумели,

большом рубленом доме, на самом берегу, оказалось спасённое, с Божьей помощью, семейство отца Василия. Там они прожили до 1950-х гг., а после смерти «отца народов» перебрались в более гостеприимные тёплые края в город Феодосию, на ул. Галерейную 20. У Веры и Андрея было два сына Андрей и Сергей. Сейчас остался только Сергей, живет в Феодосии, но по другому адресу. Он мало что знает об истории семьи, т. к. всё тщательно скрывалось. И когда, в детстве, бывая у них на острове, я спрашивала: «Откуда появилась Наташа?». Мне отвечали, что её нашли у проруби (*прим. А. В. Корниловой, урожд. Каменевой*).

²¹ Сергей (Страгородский Иван Николаевич; 1867–1944). С 1925 года – Заместитель Патриаршего Местоблюстителя, а с 1934 г. – Патриарший Местоблюститель Русской Православной Церкви. В 1943 на соборе епископов был избран Патриархом Московским и всея Руси. Изданная им в 1927 году «Декларация», идеи которой легли в основу отношения руководства Московского Патриархата к власти, а также лояльность к политике коммунистического режима привели к диктату государственных органов во внутрицерковных делах, следствием чего стало удаление «на покой»,

или не успели сделать обновленцы, митр. Кирилл вернулся сюда, был в Москве, получил какое-то место, где он мог находиться, такой небольшой городок есть – Гжатск. И вот он в этом Гжатске поселился, там он прожил три месяца. Потом его снова арестовали. В тридцать шестом. Это был последний его арест. Как раз я у него была. Я в шесть часов вечера от него уехала, а в десять за ним пришли. Потом его отправили в Казахстан. В Казахстане его держали уже на домашнем аресте, до него почти никого не допускали. И ходил к нему какой-то провокатор, который проводил у него время часами...

А. А.: Вообще митр. Кирилл все понимал еще в семнадцатом. У меня с собой есть как раз его речь в Кафедральном соборе, когда он служил молебен после отречения Николая II. Он уже в семнадцатом году сказал о том, что наступает время не ликования, не празднования, а крестоношения, и о том, что будет время тяжелое и предстоит такой крест, под тяжестью которого падал сам Спаситель мира...

М. Т.: А патриарх Тихон свою речь на интронизации тоже начал таким же образом. Что впереди только скорби, скорби... Он приводит место из пророка Исайи, где говорится о таком же семидесятилетнем страдании еврейского народа.

А. А.: А после Тамбова, Мария Витальевна, когда Вы в следующий раз увидели митрополита Кирилла?

перемещение и аресты несогласных епископов и священников. Действия митрополита Сергия большей частью духовенства и мирян были восприняты как узурпация власти, предательство и «второе издание обновленчества», что вызвало новые разделения в Православной Церкви. Сторонников митрополита Сергия стали называть «сергианами», а его политику «сергианством».

М. Т.: В тридцать шестом году, непосредственно перед его арестом. Это, собственно говоря, был единственный раз, когда я его видела. До этого я его видела (как-то бабушка меня брала), когда я была маленькая. Один раз она меня взяла, и как я потом себе представляла, это был собор, и служил архиерей, по-видимому, это был митрополит Кирилл, и все подходили под благословение и целовали ему руку. И он как-то сам делал такое движение... и я, девчонка, говорю: «А зачем он подставляет свою руку?». Это было единственный раз. А потом, я только издали слышала о его службах, но на них не бывала. Очень устремила тогда на этот Крестный ход, не попала, тем дело и кончилось, все мое знакомство. Но потом, когда я в конце двадцатых годов попала в Петербург опять, уже в медицинский институт поступила, я ни за что не хотела жить в общежитии, потому что со мной были мои иконы. Я некоторое время скиталась по разным углам и знакомым. И меня, наконец, устроили – ни больше ни меньше – к старушке, свояченице митрополита Кирилла, это была родная сестра его покойной жены.

Ведь его семейная история такая: у него была жена Ольга и родился младенец, девочка, тоже назвали Ольгой. Самое начало семейной жизни. И каким-то образом этот младенец проглотил иголку и в страшных мучениях умер. Мать не вынесла этого и тоже вскоре умерла. Он остался вдовцом. Он был уже священником, звали его Константин. После этого он воспринял монашество и постепенно стал епископом, потом митрополитом. В Тамбове владыка Кирилл очутился как наказанный – это вы знаете? – за водоосвящение.

А. А.: Он был викарием в Петербурге?

М. Т.: Он был викарием, единственный протестовал против освящения крещенской воды на кипяченой воде.

Проскочили какие-то случаи холеры, и Синод издал распоряжение совершать великую Агiasmу (освящать воду на Крещение) на кипяченой воде. И он был единственным, который восстал против этого. Ведь где же вера? (Смеется.) И после этого через некоторое время его как раз и отправили в провинцию. Вот также моего отца отправили, потому что когда-то в студенческие годы на его курсе было какое-то студенческое возмущение. Он уже работал, но вспомнили об этом и его отправили в провинцию. Также в провинцию удалили из Санкт-Петербурга и митрополита Кирилла.

А. А.: А кем в Тамбове работал Ваш отец?

М. Т.: Он инженер-химик по специальности, в Тамбове работал в военно-хозяйственной комиссии.

А. А.: А как вы в тридцать шестом-то году с митрополитом Кириллом встретились?

М. Т.: Вот я и хочу сказать, что когда я очутилась у его свояченицы, она постоянно получала от него письма, читала мне эти письма, посылала ему посылки. Тогда было такое время, что очень трудно было достать ящики, так я покупала такие громадные табачные ящики и собственноручно их переделывала на маленькие, ей помогала с этими посылками. Ну, а она обо мне что-то такое упоминала в письмах Кириллу, потому, что она знала: у меня был очень тяжелый период, когда я ушла в Катакомбную церковь и не ходила (для меня это было целой драмой) в те церкви, которые признали руководство митрополита Сергия. Я уже тогда оказалась в оппозиции и ушла... Для меня богослужение потом стало жизнью. И представьте себе: идет богослужение, а я мимо... Я так мучилась семь лет. И это все было на глазах той старушки, и она в письмах обо мне упоминала. Когда он очутился в Гжатске, просто сам пригласил

меня для разъяснения, хотя бы пост фактум. Все эти три месяца, которые он был в Гжатске (вы спрашивали, доступен ли он?), он употребил на то, чтобы каждому желающему (будь то епископ, священник, мирянин, кто угодно) каждому, кто болел этим вопросом, или письменно, или непосредственно разъяснить всю суть происходящего. Когда он приехал из ссылки, то, прежде всего, отправился для очного свидания с Сергием Страгородским. Тот выслал своего секретаря и сказал обратиться к такому-то епископу и изложить ему все, что надо, а он ему доложит. Таким образом, он с митрополитом Кириллом распрощался. Тот разгневался, конечно, уехал в Гжатск. После этого он вел некоторое время переписку с этим самым Сергием, которую он отпечатывал и раздавал (у меня тоже был экземпляр), где объяснял суть происходящего и Сергия обвинял в том, что он узурпировал верховную церковную власть...

А. А.: Извините, перебую, Мария Витальевна, а ведь по завещанию патриарха Тихона митрополит Кирилл был назван первым Местоблюстителем. Ощущал он себя Местоблюстителем?

М. Т.: Ну, конечно! В том-то и дело, что ощущал. Но он был в ссылке и у него не было возможности управлять Церковью. Единственно, когда появилась Катакомбная церковь, он прислал из одной из своих ссылок такое послание, где писал, что если эти общины, находящиеся в оппозиции, некому возглавить, то он их возглавит. Он, прежде всего, обвинял Сергия, что тот узурпировал власть, а затем злоупотреблял этой властью, и таким образом подчинил Церковь государству. Так осуществлялся замысел Ленина – разорение Церкви изнутри. Это ведь сначала они подняли на щит обновленцев, рассчитывая, что через них разорят Церковь.

Но народ был на высоте, люди не ходили в эти храмы и называли их «красными» храмами. Я в Петербурге уже тогда была, и там было известно, что, например, вот эти храмы – красные... А в Тамбове, я помню, был другой термин – были «подписавшиеся» и «неподписавшиеся». «Подписавшиеся» – значит те, которые подписывались под распоряжением об этих обновлениях. Церкви закрывались и передавались им. Как раз это совпало с изъятием церковных ценностей. Должны были все священники подписаться, то есть, дать свое согласие на то, что они теперь входят в состав Церкви, которая будет идти «новым путем». И было, конечно, очень немного тех, которые подписывались и оставались на своих местах. Там продолжалось богослужение, но богослужение все время извращалось.

А. А.: Ну, а такая фигура на тамбовском небосклоне – Иоанн Лыков, он же возглавлял обновленцев. Что он собой представлял?

М. Т.: Увы, я его знала. Он был священником. Его так и звали – иудой. Потому что когда отца Тихона арестовали и всех других, это он предавал.

А. А.: А вы его не помните до того, как он стал обновленцем? Каким он был священником? Что из себя представлял?

М. Т.: Помню. Он был обыкновенным священником. Больше ничего. Ничем не блестел. Ничем не выделялся.

А. А.: А почему, не знаете, на него поставили тогда органы – НКВД или, как они назывались, ГПУ, именно на Лыкова?

М. Т.: Значит, он оказался наиболее податливым.

А. А.: А эти кампании, которые тогда проводились – по изъятию церковных ценностей, по вскрытию мощей, вы их не видели?

М. Т.: Видеть я их, конечно, не могла, но я знала, что мощи изымаются, отправляются в Казанский собор – в Петроград. Казанский собор превратили в музей, и все мощи отправлялись туда. Там затерялись мощи преподобного Серафима. Теперь было второе обретение.

А. А.: А в Тамбове при этих делах не присутствовали?

М. Т.: Ну как же я могла присутствовать? Это такая была специальная комиссия, но я знала об этом.

А насчет изъятия ценностей, тут версия была такая: отец Тихон, с помощью, между прочим, отца Василия, и еще был у него староста и помощник старосты... решили под престолом спрятать несколько сосудов. Потому что положение было такое, что потом не на чем было бы больше служить. И они, на случай крайнего положения, несколько церковных сосудов, которые необходимы во время литургии, по инициативе отца Тихона, хотели спрятать под престол, а Лыков их предал. Как он узнал, не знаю, но он предал. И их потом судили²².

А. А.: А этот суд, это двадцать второй год, по-моему, когда обвинили отца Тихона Поспелова и владыку Зиновия...

М. Т.: Ну, владыка Зиновий, он практически ни в чем не участвовал, но как руководитель, как вдохновитель... Тогда же пострадал и отец Василий, староста и

²² В 1919 году были вскрыты мощи свт. Питирима, а в 1922 году, в ходе кампании по изъятию церковных ценностей, храм фактически был ограблен. Акция по изъятию ценностей из Преображенского собора стала поводом для ареста в октябре 1922 года епископа Тамбовского Зиновия, протоиерея Тихона Поспелова, священника Василия Кудряшова, старосты храма Нила Каменева. Все они были приговорены к различным срокам заключения.

его помощник, в общем, вся эта группа. Все они были в то время в заключении.

А. А.: А когда их выпустили?

М. Т.: Выпустили их через два года. Причем как-то совершенно неожиданно... И это, как запомнилось, был праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы.

А. А.: А как, Мария Витальевна, владыка Зиновий? После митрополита Кирилла как его восприняли? Ведь он же был викарием?

М. Т.: Да, видимо, но он был совершенно другого склада. Про владыку Зиновия староста, Каменев Нил Васильевич, с семьей которого я была очень близка (и даже получилось родство: моя младшая сестра Лидия²³ вышла замуж за его сына Владимира), и который сидел с владыкой в одной камере, говорил, что владыка – типичный монах, он как-то весь в себе, в постоянной молитве. Но как администратор, понимаете, он ничем не выделялся. Шел по установленной, по проторенной тропе. И народ, зная, что он был викарием, и что

²³ Тепнина Лидия Витальевна (31.01.1908, Петербург – 04.03.1977, Москва), младшая дочь В. И. Тепнина. Гимназию не успела закончить, так как после революции ее закрыли. Окончив советскую школу и педагогический техникум, работала воспитателем в детском саду. В 1935 г. вышла замуж за Каменева Владимира Ниловича (лейтенанта, моряка Тихоокеанского флота, а впоследствии – главного инженера депо Измайлово Московского метрополитена). Из пятерых детей Лидии Витальевны трое скончались. Двое других: Анна Владимировна (в замужестве Корнилова, рожд. 04.11.1940, Москва, проживает в Петербурге) и Сергей Владимирович (30.07.1942, Москва – 18.09.2000, Москва). Лидия Витальевна, единственная из всех, ездила к Марии Витальевне в место ссылки, в Красноярский край, Долгомостовский район, село Покатеево. По тем временам это было совсем не просто (*прим. А. В. Корниловой, урожд. Каменевой*).

митрополит Кирилл как-то его приближал к себе, очень любовно ходил за ним. Но его тоже вскоре убрали.

А. А.: А как его служба и его проповеди?

М. Т.: Конечно, они хорошие были, академические, в основном. Они от проповедей митрополита Кирилла, которые я не слышала, но о которых я знала, конечно, отличались именно академичностью.

А. А.: Не помните, по этому же делу владыку Зиновия арестовали? И через какое-то время он был отправлен в ссылку?

М. Т.: Да, он был короткое время, три года, в ссылке, а потом его еще дважды арестовывали, был он и в ссылке, и в лагерях. На допросах говорил, что не согласен с политикой и действиями советской власти, направленными на гонения и преследования веры и религии. Обвиняли епископа Зиновия в организации «нелегального монастыря, создание группы антисоветски настроенного монашеского элемента».

А. А.: А не знаете, кто после него возглавил Тамбовскую епархию?

М. Т.: Не знаю, потому что как раз в это время, когда его-то арестовали, там господствовали эти... обновленцы.

А. А.: А кому оставшиеся «тихоновцы» подчинялись, и был ли кто-то в Тамбове, кто смог их поддержать?

М. Т.: Официально, на виду, я думаю, что не было. Но, во всяком случае, когда еще были эти так называемые «неподписавшиеся», их сразу не репрессировали, их просто исключали. Мой первый духовный отец, отец Василий Кудряшов, наперсник митрополита Кирилла, он служил у себя на дому. Я на этих службах присутствовала. Много было у него духовных чад, между прочим, и среди монашествующих.

* * *

А. А.: Вы учились в гимназии, Мария Витальевна...

М. Т.: Да, я в частной гимназии, такая была...

А. А.: Пташник²⁴?

М. Т.: Пташник, да (смеется). Нас «пташками» тогда называли.

А. А.: Ну и как? Какие у Вас воспоминания о самой гимназии?

М. Т.: О гимназии у меня хорошие воспоминания. У нас был очень хороший состав преподавателей, не было таких строгостей, как в министерских гимназиях, но давали нам, так сказать, все знания, и Закон Божий преподавался, в первых четырех классах один священник преподавал, а потом, с пятого, – другой.

А. А.: А как проходили уроки Закона Божьего, интересно?

М. Т.: Учебники были. По учебникам. Не знаю, во всяком случае, не чувствовалось какой-то такой незаинтересованности. Все были тогда еще верующие, все внимали... Кто поленивее, может быть, похуже что-нибудь знал, и всё...

А. А.: Часто у нас пишут, что в дореволюционной школе преобладала зубрежка, ненужные предметы и так далее.

М. Т.: Ну, я не знаю... Ненужных предметов я что-то сейчас не могу себе представить, как будто все были нужные. А зубрежка, это уже в зависимости от способностей. Кто зубрил, а кто...

А. А.: А были какие-то преподаватели особо выдающиеся?

²⁴ Частная женская гимназия Дарьи Андреевны Пташник.

*Гимназистки –
Тепнины
(сверху вниз):
Мария, Гали, Лидия.
Фото 1916 г.,
Тамбов.
Фото из
семейного архива
А. Корниловой*

М. Т.: Помню я преподавателя литературы, он был как раз глубоко верующий человек, посещал всегда собор. Но, когда началась советская школа, все преподаватели, все педагоги должны были дать подписку о том, что они будут вводить материалистические взгляды... Доходило до смешного, потому что требовалось даже и в арифметику сунуть какие-то материалистические представления... Душили цитатами, причем очень часто их перевирали.

Ну, я проучилась в этой советской школе всего полгода, вернее, не проучилась, а пробыла. Отец наш относился очень серьезно к нашему образованию (сестра у меня была постарше немножко), и он через полгода

заявил, что эта школа ничего не даст и нужно оттуда взять детей. Потом мы занимались дома, было такое домашнее преподавание, группы составлялись среди друзей, знакомых, и педагоги приходили и занимались. Но у нас как-то не клеилось, у нас как-то рассыпались эти самые группы. В конце концов, получилось, таким образом, что как раз лучшие преподаватели города (во главе их как раз стоял этот преподаватель литературы) – из реальных мужских учебных заведений и женских, они, видимо, уже пресытились этим самым советским образом преподавания и основали свою школу. Назвали ее «школой повышенного типа». Там была лекционная система, принимались туда учащиеся, которые кончили не меньше четырех классов средних учебных заведений: реального училища, гимназии, женской гимназии.

С. Чеботарёв: А где она находилась?

М. Т.: Школа эта начала работать в здании казначейства, знаете такое?

А. А.: Да, здание стоит.

М. Т.: Тогда в Тамбове не было топлива. И в холодном зале этого самого казначейства собирались учащиеся, и преподаватели просто лекции читали.

А. А.: А как звали этого учителя литературы, не помните?

М. Т.: Его фамилия Светлов. Звали его Александр... Николаевич, по-моему.

Ну, а еще больше попадали туда из мужских учебных заведений. Там было два мужских учебных заведения: гимназия и реальное училище. Оттуда математики были, физики. Как я сейчас помню. Я тогда очень жаждала науки. И мы вместе со старшей сестрой поступили в эту самую школу. И в этом пустом, темном,

почти не освещенном здании, без тетрадок, на каких-то листках записывали все. Я ловила каждое слово и жаждала этого обучения. А сестра моя была слабого здоровья. Она дома жаловалась, что там холодно, и мы замерзаем. А я ей кричу: «Да нет, там очень тепло!» (смеется) – из страха, что потом родители туда не пустят. Ну вот... Это был такой период. Этой школе давались сначала такие права, что она уравнивалась с так называемым, рабфаком – можно было поступать в высшие учебные заведения без экзамена. Там были семестры, и за четыре семестра тех, кто уже имел образование не меньше четырех классов гимназии, подготавливали к тому, чтобы они могли поступать в высшие учебные заведения. Но это продолжалось очень недолго, – как у нас все хорошее. Появились какие-то комсомольские бригады, начали контролировать все и заявили, что эта школа не годится, так как она совершенно аполитична, там только знают одни науки, а политически безграмотны, и что идеология не такая, не выдержанная. Ну, и в 1921 г. эту школу расформировали. Так и появилась советская школа, девятилетка.

А. А.: С двадцать первого года по двадцать четвертый Вы где-то учились в Тамбове?

М. Т.: Университета в Тамбове не было. Поступали в университет в Воронеже. Но это тоже очень скоро было ограничено, потому что принимали детей только с потомственным рабочим происхождением. Только детей рабочих...

Но я тоже стремилась поступить в высшее учебное заведение, и меня не принимали из-за отсутствия рабочего происхождения. Моя подруга, с которой мы всю жизнь с детства сидели за одной партой, сумела в Воронеж поступить. Но через год, даже, по-моему, раньше,

*Мария Тепнина, 20-е гг.,
Москва.*

Фото из семейного архива
А. Корниловой

ее, как тогда это называлось, «вычистили». И поэтому несколько лет я таким образом потеряла. В двадцать четвертом году мы уже переехали в Москву, я училась на курсах иностранных языков, готовили меня в переводчицы. А потом вдруг стали приравнивать детей с рабочим происхождением к, как тогда называлось, ИТР, начали давать льготы детям специалистов. И мне, значит, как дочери специалиста, удалось тоже

держать экзамен. Я выдержала его, но за отсутствием мест в Москве не была принята, и мне предложили место в Петербурге, тогда уже Ленинграде, и я там проучилась два года. Было в то время, знаете, – «пятилетка в четыре года!». Так вот, шесть курсов полагалось в Медицинском (я поступила в Медицинский институт), а там, значит, за четыре года их надо было пройти. Так что, проучившись два года без малого, я прошла почти (смеется) четыре курса. Ну, и меня благополучно оттуда исключили.

Ко мне уже присматривались, в газете один раз «прокатили» (видели, что я проходила мимо церкви и перекрестилась). Ну а потом такой предлог представился. Это было первое, надуманное дело, сталинское дело Промпартии²⁵. Слышали, конечно? Этих участников

²⁵ Дело Промпартии – крупный судебный процесс по делу о «вредительстве» в промышленности в 1930 г. Послужил

Промпартии судили, и везде были митинги, протесты. Учащиеся во всех учебных заведениях, тем более высших, должны были тоже на этих митингах быть, и там единогласно голосовать за «смертную казнь».

И когда у нас на митинге стали голосовать за смертную казнь, – и на вопрос: «Ну, как? Единогласно?». Все ответили: «Единогласно!». Я думаю: «единогласно», значит, и я все-таки голосую, так? Они даже не говорили «поднимите руки», – единогласно – и все!.. Что же, мне пришлось подняться и заявить, что я за смертную казнь голосовать не буду. Был такой вой, крик поднялся (смеется). Ну, и тут же постановили, что мне нет места в институте, что меня нужно исключить.

* * *

А. А.: Мария Витальевна, хочу снова возвратиться в Тамбов. Вы там часто посещали Кафедральный собор. Чем отличались службы в Кафедральном соборе в Тамбове того времени? Что Вы можете о них рассказать?

М. Т.: Во-первых, они были уставные, потом...

А. А.: И чтение кафизм, да?

М. Т.: Да, потом прекрасное пение... Были даже такие организованы митрополитом Кириллом литургии, где пел только народ. Просвещение было! Какое было просвещение... Я ведь тоже просветилась только там.

А. А.: И службы были длинные?

М. Т.: Конечно, длинные. Длинные службы были с прекрасным пением, с прекрасным чтением, толкованием. Так что все это было на очень большой высоте.

толчком к масштабным репрессиям. Всего по делам, связанным с Промпартией, было арестовано более 2 тыс. человек.

А. А.: А Вы помните сам Кафедральный собор, его внутренний вид, особенно второй этаж нашего Кафедрального собора, – что из себя представлял?

М. Т.: На втором этаже ведь очень редко бывали службы. Обыкновенно служили внизу, там такой приземистый храм, мне как раз это очень нравилось. А наверху служили изредка. Я тоже там бывала. В сравнении с нижним храмом верхний казался таким светлым, заполненным светом, как-то это очень связывалось с представлением о Преображении. Нижний был Благовещенский храм, а верхний – Преображенский.

А. А.: А Вы не помните сейчас, большой ли там был иконостас?

М. Т.: Большой иконостас, высокий. Все так было благоустроено.

А. А.: А хор тогда располагался на балконе на втором этаже?

М. Т.: Да... Но, между прочим, в то время, когда я ходила (это же было все-таки после революции), там пели монахини Вознесенского монастыря. Я помню одну проповедь, где отец Тихон коснулся пения. И, как сейчас помню, касалось это пения (когда начинается в подготовительные недели к Великому посту) «Покаяния отверзи ми двери». И он как раз говорил, что у нас хор монастырский, поэтому у нас пение особое, и напевы более строгие. Такого, знаете, светского пения там не было.

А. А.: Ну, а большой храм собора, он заполнялся?..

М. Т.: Ну, конечно... Конечно! Там такие были службы, как сейчас помню, скажем, в Страстной четверг. Люди стояли так, что ты лишний раз не поклонись, не повернешься (смеется).

А. А.: А вот интересно, Мария Витальевна, – дисциплина в храме?..

М. Т.: Безусловная! Я не представляю себе того, что мы сейчас имеем, например, хождения по храму во время службы. Такого не было никогда! Никому в голову не приходило, наверное, разговаривать или ходить.

А. А.: Мария Витальевна, что из себя представляла исповедь в тамбовском Кафедральном соборе?

М. Т.: В Кафедральном соборе была исповедь индивидуальная, стояли в очереди, подходили по одному и исповедовались очень основательно. К этому времени я уже умела исповедоваться. Я исповедовалась у отца Василия, он был моим духовником, а у отца Тихона я никогда не исповедовалась, он был моим апостолом. Так вот, когда я только что начала ходить в храм, я ходила сначала в Никольскую церковь, там был старичок, отец Павел²⁶ настоятелем, и еще несколько священников было. Я тогда еще училась в гимназии, и раз в год учащиеся гимназии должны были исповедоваться и причащаться. И, конечно, мои родители никогда не препятствовали. И я приходила на исповедь. Так я шла к этому самому отцу Павлу только потому, что он «на вопросы» исповедовал (смеется). Я тогда еще не разбиралась ни в чем. Так вот, он задает вопросы, а ты ему отвечаешь. Я ему давала ответы на вопросы. Ну, а потом у меня уже были особые переживания, конечно, была настоящая исповедь, и очень подробная. Никого никогда не торопили и спокойно исповедовали. И я всегда исповедовалась у своего отца Василия.

А. А.: А исповедовали накануне вечером?..

М. Т.: Накануне. Я помню, когда я еще в Никольскую церковь ходила «на вопросы» исповедоваться, после этого там читали, с вечера, Правило. Шла исповедь, и в

²⁶ Церковь называлась Троицко-Никольская. Настоятель – протоиерей Павел Кондратович Громковский.

это же время полностью читалось Правило перед причащением. Я тогда совершенно не понимала, чего там они читают... (Смеется.)

* * *

А. А.: Мария Витальевна, а за что Вас арестовали?

М. Т.: За мной следили, я этого не замечала, потому что следили решительно за всеми. Я вам так скажу: в трамвае достаточно человеку было сказать, что у немцев техника или что-то еще, – и к нему подходит человек и говорит: «Выходите со мной», и потом оказывается, что он восхвалял немецкое оружие. Так было главным образом во время войны, но и до и после войны это долгое время продолжалось. Так создавали «дела». Я когда пришла с первого допроса, у меня никакого другого не было ощущения, только какое-то такое всепоглощающее недоумение! Я вошла тогда в камеру с первого допроса с фразой (я не в одиночке сидела, там были еще три человека): «Как можно так создавать дела?!». Смотрите, что они делали! Они расспрашивали, – в данном случае они добивались: «Где вы собирались, что вы там делали?». И тут же заявляли: «Эта молитва для вас ширма, а на самом деле вы занимались антисоветской пропагандой». Совершенно бездоказательно! Получается, что если люди собрались на молитву, то потом, конечно, возникают настроения антисоветские и так далее...

Я это очень быстро поняла: им нужно было армию собрать, а не просто отдельных лиц. Этот механизм я быстро постигла. Первое. Допрос. Спрашивают: кто твои знакомые? С кем вы общаетесь? Где вы больше всего бываете? Так как я уже знала (смеется), к чему могут

привести эти вопросы, я старалась, конечно, как можно меньше [распространяться]. И я сослалась, что у меня жизнь шла между Петербургом (тогда Ленинградом) и Москвой. У меня были в основном знакомые, подруги – там, в Ленинграде. Ну, вот «они» начинают спрашивать – кто, где, когда, с кем вы встречались, с кем вы больше знакомы. Потом, через некоторое время, это записывается все в «группу» уже. Так мне, ни больше ни меньше, как прочили очень почетную роль руководителя ленинградского филиала московской антисоветской организации. И в то же время совершенно ясно, что все это выеденного яйца не стоит. Более того, они постепенно, когда знакомятся, чувствуют, что за человек. Так, мой следователь мне как-то задал вопрос об одной действительно моей петербургской приятельнице, которая во время эвакуации (эвакуировали во время блокады Ленинграда в Сибирь, в Казахстан) оказалась репрессирована²⁷. И меня спрашивают: за что она была арестована? «Ну откуда я могу знать? Она, может быть, украла что-нибудь...», – говорю я. Знаете, как он на меня напустился: «Что вы мне голову морочите, что вы мне глупости говорите?! Каждый из вас последний рубль отдаст, а вы говорите, – украла». (Смеется.) Они совершенно видели, с кем имеют дело. Мой следователь, когда он заканчивал следствие, сказал такую фразу: «Эх, была бы моя воля, всех вас я согнал бы на необитаемый остров, и живите, как хотите!». Вот таким образом создавались кадры для лагерей.

А большинство людей заставляли говорить самые невинные речи, потом они их искажали по-своему, и таким образом собиралась многомиллионная армия в

²⁷ Скорее всего, Мария Витальевна имеет в виду А. С. Иговскую (Асю). См. о ней с. 106–131 данного альманаха.

трудовые лагеря. Вот что нужно было. И поэтому, значит, особенного состава преступления не требовалось. Так искусственно фабриковали «дела».

А. А.: Мария Витальевна, а как велся допрос?

М. Т.: Тебе задают какой-то вопрос, ты там сидишь, а он чего-то пишет, пишет, пишет, пишет... А закон такой, что потом ты читаешь, что он написал, и расписываешься на каждой странице. А там такое (смеется) написано!.. И вот я начинаю читать: «Я признаю, что я являюсь членом антисоветской организации...» и все в таком роде...

А. А.: Они считали, что это была церковная организация?

М. Т.: А, нет – антисоветская! Они даже на «церковной» не особенно ставили акцент. Я ему говорю: «Да я же этого не говорила!». Уж совершенно не могли никак ни к чему придраться. И у меня не было суда, а была так называемая «тройка», хотя я сидела полгода и все время во внутренней тюрьме на Лубянке. А потом, когда кончалось следствие, переводили в Бутырки и там уже ждали суда. Я там просидела еще около трех месяцев. И наконец, – судебное заседание, которое, собственно говоря, никакого содержания не имело. Существовала «тройка», которой давалось право выносить приговор. Они знакомились с «делом» и, ни слова не говоря с тобой, выносили приговор. Так мне и вынесли приговор: пять лет лагеря... (Пауза.)

Все ведь началось еще с «ежовщины». Самый «урожайный» был 38-й год. Тогда бесконечное количество людей заполняло лагеря, и они, конечно, все были «контрреволюционеры», все «антисоветчики», и почти всем давали по 10 лет. Значит, в 48-м году они получали свободу, так или иначе выходили из лагерьей, так или

иначе где-то устраивались. И тут Сталин забеспокоился, что опять такая публика получает право на жизнь... Говорят, у Сталина было такое выражение: «убрать подальше». И все те, которые дожили, которые в 48-м году освобождались, отсидев 10 лет, они арестовывались снова. Кое-как перебиралось старое «дело», а в некоторых случаях и не перебиралось, и все отправлялись в ссылку. У меня в 51-м году кончался срок, а это уже шло полным ходом. И меня без всякого перерыва (никакого выхода из лагеря не было) прямым сообщением отправили в ссылку.

А. А.: А где Вы отбывали срок в лагере?

М. Т.: В лагере я отбывала в Сибири, в Кемеровской области, он назывался Сиблаг.

А. А.: Все пять лет?

М. Т.: Все пять лет. А потом отправили в ссылку в Красноярский край.

А. А.: А в лагере какого характера были работы?

М. Т.: Сельскохозяйственный, по-моему, лагерь, главным образом. Но я на общие работы не попала, меня спасла моя специальность. После того, как меня из Медицинского института «попросили» с заключением: «за чуждую пролетариату идеологию», я некоторое время была совершенно неустроенной. Были карточки. А я была лишенным всяких прав человеком. Но еще в начале войны архимандрит Серафим благословил меня поступить в зубоветеринарную школу. Окончила ее, и это меня спасло в лагере: я там работала зубным врачом, поэтому на общие работы не попадала. Так было и в ссылке. Поэтому я и говорю, что я была в заключении не для того, чтобы страдать самой, а чтобы видеть, как страдают другие.

А. А.: Мария Витальевна, а в заключении, – в лагере и позже в ссылке, Вы встречались с кем-либо из, как

тогда писали, «церковников»? Какой-то близкий круг знакомых у Вас там существовал?

М. Т.: Те, кого забрали из наших в 43-м, ну и те, кого взяли в 46-м. «Набор» 38-го года уже отсидел, а многих уже в живых не было, и, когда я приехала, из них уже почти никого не осталось, – из тех, с которыми можно было только желать встречаться. Уголовники, в основном, были...

А. А.: И в ссылке то же самое?

М. Т.: Да.

А. А.: Когда Вы попали в ссылку, куда Вас увезли?

М. Т.: В Красноярский край. Я была в Долгомостовском районе, Канск город. Там был такой район, Долгий Мост назывался.

А. А.: А когда Вы вернулись из ссылки?

М. Т.: Вернулась из ссылки я в 54-м году, после смерти Сталина. Там, значит, было два рода ссыльных. «Срочники», которым давался срок. И, так называемые, – «до особого распоряжения», которые сидят неизвестно сколько. Так вот я и была «до особого распоряжения». А за несколько месяцев до смерти Сталина приезжает комиссия и объявляет, что они приехали для того, чтобы ссыльные расписались, что им объявляется ссылка «навечно». А у многих уже заканчивался срок. И были трагические случаи... Из Прибалтики многие уже даже имели паспорта, они собирались уезжать на родину, и вдруг им объявляется ссылка «навечно». И были случаи самоубийств, не выдерживали люди такого... А комиссия приезжала с таким журналом, где все фамилии написаны, извольте только расписаться. Когда дошла до меня очередь, я очень легко, просто так усмехнувшись, подмахнула свою фамилию и подумала:

«Нашлись мне распорядители вечности!». (Смеется.) Ни на минуту не поверив им... И, кажется месяца через три после этого, умер Сталин, и «вечность» кончилась. Хрущев начал сразу пересмотр «дел», начали возвращаться люди, реабилитация началась такая широкая... Их «вечность» кончилась.

А. А.: Вас реабилитировали в 54-м или гораздо позже?

М. Т.: Я уже в 54-м выехала из ссылки, а свидетельство о реабилитации я получила позже, в 56-м. Но мне был разрешен въезд в Москву.

А. А.: И Вы возвратились в Москву?

М. Т.: Я возвратилась в Москву. И после реабилитации меня даже взяли в то же учреждение, в котором я работала до ареста.

А. А.: В какой приход Вы возвратились?

М. Т.: С 45-го года, когда из Катакомб вышли, я посещала храм Ильи Обыденного, такой есть в Москве. И по дороге из этого храма меня и арестовали 16 апреля 1946 года.

А. А.: Вас арестовали на улице?

М. Т.: На улице... Ну, а когда я вернулась, имея связь с теми, которые были в свое время в Катакомбах, мы вместе ходили в церковь. Состав церковнослужителей тогда был настолько изуродован, что, конечно, мы выбирали храм такой, где все священники были настоящие.

А. А.: А интересно, был среди Ваших знакомых кто-то, кто не вернулся в Патриаршую Церковь, не захотел, даже после 45-го года?

М. Т.: Отдельные лица были. Но они как-то так отдельными лицами и остались. Был такой епископ

Афанасий²⁸, он продолжал дело митрополита Кирилла. Митрополит Кирилл благословил его.

А. А.: Афанасий Сахаров?

М. Т.: Да. Так вот, Афанасий Сахаров очень много давал разъяснений частным лицам, убеждал их, что это раскол, а на раскол не надо идти. Что были компромиссы и раньше во всей церковной истории, и если это санкционировано... Не просто так решили, как раньше, когда произвели в патриархи [Сергия]. Почему на соборе был поставлен вопрос о патриаршестве Сергия? Потому что это было незаконно. Ну и поэтому они должны были подтвердить это, опять-таки, для мира, чтобы не было разногласий всяких, его, значит, посмертно утвердили. А пожизненно он был все время самозванцем, никаким патриархом он быть не мог, никто его не интронизировал²⁹.

А. А.: А как Вы оцениваете нынешнее состояние Церкви по сравнению с Катакомбной, с теми временами?

М. Т.: Церковь, к которой мы принадлежали в течение примерно 20-ти лет, Катакомбной церковью тогда

²⁸ Афанасий (Сахаров Сергей Григорьевич; 1887–1962). С 1921 г. епископ Ковровский, викарий Владимирской епархии. Был противником обновленчества. Не принял политику митрополита Сергия (Страгородского) и был в оппозиции. В 1920–40-х гг. подвергался многочисленным арестам, заключениям и ссылкам. Признал законность избрания патриарха Алексия (Симанского) и вошёл в каноническое общение с ним.

²⁹ М. В. Тепнина оставалась убежденным противником «сергианства». В данном случае она имеет в виду спорную каноничность проведенного в сентябре 1943 г. собора епископов, на котором митрополита Сергия избрали патриархом. Как, и епископ Афанасий (Сахаров), М. В. Тепнина не признавала Сергия законным патриархом.

не называлась. Говорили: «поминающие», «непоминающие», это – «сергиевцы», а это – «тихоновцы». Это теперь уже такой появился термин, уже *post factum*. Может быть, такое крылатое слово бросил тогда архимандрит Серафим, когда у него была тетка отца Александра [Меня] в Загорске, в доме, где он скрывался, и он ей сказал: «Здесь катакомбы. Я здесь не потому, что желаю кому-нибудь зла или хочу с кем-то бороться. Я здесь только для того, чтобы сохранить чистоту Православия».

Это была оппозиция митрополиту Сергию, который чистоту Православия, можно даже сказать, просто Православие, предал. Тогда эти оппозиционеры стремились сохранить Православие, без всякой вражды.

Я пережила времена обновленчества, сергианства, но что я доживу до такого кризиса церковного, я не думала. Очень тяжело...

А. А.: Но сейчас вроде бы возрождаются храмы. Есть приток в Церковь новых людей, а в то же время Вы говорите о кризисе.

М. Т.: Ну, кризис. А что же? Конечно, кризис. Прежде всего, с сергианством же у нас не покончено, все-таки у нас так или иначе все это чувствуется. Взять хоть эти интервью патриарха Алексия³⁰. Он начинал очень осторожно, когда его спрашивали об этом деле. Ведь Зарубежная церковь, когда предлагала соединение, они одним из пунктов поставили «покаяние в сергианстве». Это термин официальный: «сергианство». Патриарх на это не пошел. Где-то все-таки чувствуется, что они связаны еще. Может быть, еще какой-то страх их держит. И поэтому они не идут на то, чтобы объявить, что

³⁰ Алексий II (Ридигер), Патриарх Московский и всея Руси (1929–2008). Возглавлял РПЦ МП в 1990–2008 гг.

действительно Церковь погрешила, что она отдала себя на произвол, собственно, государственной власти. Ну, теперь власть несколько переменилась, все-таки посвободнее стало, тем не менее, они боятся чего-то еще...

Вот, жаль, что у меня нет сейчас под руками – этот океанный ремонт мне все перепутал, – мне из Риги привезли альманах памяти отца Александра. И там статья одного иеромонаха³¹. И он удивительно четко определяет результаты этого самого 70-летнего периода «сергианства», во что превратились люди, что у них отняли. Обрядоверие теперь господствует у нас. И полное невежество. Те, кто сейчас приходят в церковь, неосознанно идут, они приходят и, прежде всего: «А где за здравие поставить? А где за упокой?». Такое вот отношение: «Подай, Господи!». Этот священник в альманахе очень четко это определяет.

* * *

С. Ч.: Мария Витальевна, расскажите, как Вы с Еленой Семеновной встретились? Как вы соединились?

М. Т.: А соединились мы таким образом.

Мы переехали в Москву, в августе 1924 года, а я в конце весны или в начале лета приезжала к подружке своей в Москву... Наступило воскресенье, и я пошла искать церковь где-нибудь поблизости. И таким образом набрела на эту самую Солянку, которая оказалась недалеко, зашла в маленький храм, но было уже поздно, литургия там кончилась, служился молебен. Я про-

³¹ Очевидно, Мария Витальевна имеет в виду изданный в 1991 г. первый номер альманаха «Христианос» и конкретно текст иеромонаха Серафима «Памяти митрополита Леониды (Полякова)».

стояла этот молебен и решила, что вот, это мое место (смеется). Это было то самое Сербское Подворье³², где настоятелем был архимандрит Серафим Батюков³³.

Так я стала прихожанкой храма Кира и Иоанна на Солянке.

Когда я попала туда, о. Серафима еще звали о. Сергей, но вскоре он принял монашество с именем Серафим. Ходили туда одни и те же, – духовные дети отца Серафима. Церковь на Солянке была очень маленькая, она всегда была наполнена.

В 1927 г. о. Серафим уже ушел в затвор, иначе его, конечно, арестовали бы. А в 1932 г. и церковь эту закрыли. Все духовные дети о. Серафима стали ездить к нему в Загорск, он совершал тайные богослужения в том доме, где жил, где скрывался. Относились к нему все уже как к старцу. И одна из его духовных чад – такая девушка Тоня (в церкви Кира и Иоанна старостой была монахиня, а помощницей старосты – эта самая Тоня) работала вместе с Верой Яковлевной Василевской в детском саду. Они сошлись. У них одновременно умерли матери, они очень тяжело переживали, и это их еще больше сблизило. Тоня рассказала о. Серафиму о Вере, а Вере – осторожно, прикровенно стала рассказывать, не называя его, – об о. Серафиме. Предложила написать ему письмо. Так постепенно завязалась их переписка

³² Подворье Сербской православной церкви до 1918 г. находилось в Москве при храме свв. бессребреников и мучеников Кира и Иоанна на Солянке.

³³ Серафим (Батюков Сергей Михайлович; 1880–1942), архимандрит. Настоятель московского храма свв. бессребреников и мучеников Кира и Иоанна на Солянке. Не принял «новый курс» митрополита Сергея (Страгородского) и был в числе «непоминающих». Проживал на нелегальном положении в Сергиевом Посаде, духовно руководя общиной.

(поначалу Тоня письма о. Серафима к Вере переписывала и отдавала ей, а потом уж они напрямую переписывались). Вера Яковлевна, видимо, писала о. Серафиму о своей двоюродной сестре, Елене Цуперфейн, которая тогда уже жила в доме Вериного отца, в Москве, и что она собирается замуж и хочет обязательно крестить своих будущих детей, и сама очень хочет креститься. А Вера познакомила Елену Семёновну с Тоней, и они тоже подружились. И, когда в 1935 г. родился сын у Елены Семёновны и Владимира Григорьевича, отец Серафим через Тоню позвал Елену Семёновну приехать к нему в Загорск, крестить младенца Александра, и 3-го сентября 1935 г. он крестил и ребенка и мать³⁴ (крестной их обоих стала Тоня), увидев, что она совершенно готова к крещению (он и по рассказам Тони и письмам Веры это уже понимал). Елена, можно сказать, жила под руководством о. Серафима, еще не зная его, а после крещения они с Аликом стали его любимыми духовными чадами. А Вера Яковлевна все не решалась. И приняла крещение только через год.

А встретились мы уже в 1938 г., хотя знали друг о друге уже давно, через Тоню.

Она Вере Яковлевне и Елене Семёновне рассказывала обо мне, а мне рассказывала о них. Я знала всю эту историю. Такое вот было заочное знакомство. Я жила тогда не в Москве, а в пригороде (станция Лосиноостровская) вместе со своими родителями и ездила оттуда в Москву. Училась я тогда на курсах иностранных языков. У нас было дачное место, еще было дровяное отопление. А я очень быстро угорала. И по-

³⁴ Подробнее о крещении Елены Семеновны Мень и Александра см: Мень Е. С. Мой путь // Василевская В. Я. Катакомбы XX века. М., 2001. С. 226–229.

лучилось так, что я приехала ко всенощной с головной болью, и мне сделалось дурно. А было это в Греческой церкви, была такая в центре Москвы. Отец Серафим рекомендовал, когда уже закрыли все эти «непоминающие» церкви³⁵, ходить в Греческую церковь на богослужение. Это была всенощная под Рождество. И слышу, кто-то подходит ко мне, начинает приводить меня в чувство. Это была – ни больше, ни меньше – Елена Семёновна Мень. Не знаю, может быть, ей описывала меня эта Тоня, но она почему-то меня узнала. Так состоялось наше личное знакомство – заочное было уже давно. Ну, а потом сорок лет жизни вместе... И тогда, когда я была уже в Сибири, и тут было постоянное общение. Они всегда мне посылали знаки внимания, хотя прямой переписки не было. Вера Яковлевна взяла, можно сказать, на свое попечение мою семью, постоянно посещала моих родителей и продолжала воспитание моей племянницы, которая попала ко мне во время войны, и которую³⁶ я воспитывала. И после того, как меня отправили в лагерь, Вера Яковлевна взялась продолжать её воспитание. Вот такая была связь. А все остальное время мы жили общей жизнью.

³⁵ «Непоминающие» – одно из неофициальных названий православных священнослужителей Патриаршей Церкви, не принявших «Декларацию» 1927 года митрополита Сергия (Страгородского) и политику подчинения Церкви «безбожной власти», отказывавшихся признавать церковную власть Сергия над собой и, соответственно, за богослужением возглашать (помянуть) его имя в качестве Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. В 1930-е гг. храмы «непоминающих» были закрыты, подавляющее большинство священников подверглось репрессиям.

³⁶ Речь идет об Анне Владимировне Каменевой, в замужестве – Корниловой.

*У могилы отца Александра
в ограде Сретенской церкви в с. Новая Деревня.
19.10.1990.*

(41 день по кончине отца Александра.)

*Слева направо: Василий Минченко, Наталия Большакова,
Мария Тепнина, отец Владимир Архипов, Анна Корнилова.*

Фото Софии Руковой

*Деревянный крест на могиле отца Александра,
установленный во время погребения, 11.09.1990 г.*

Надпись на деревянной табличке:

Священство твое да помянет Господь Бог во Царствии
Своем всегда, ныне, и присно, и во веки веков!

Протоиерей

Александр Мень

«... Кто сотворит и научит,
тот великим наречется в Царстве Небесном» (Мф 5:19).

Фото Сергея Бессмертного

Вера Алексеевна Корнеева

Ольга Ерохина

НЕВИДИМЫЙ ПРИХОД

Вера Алексеевна Корнеева (1906–1999) умерла как раз под свои именины, и отпевали ее на третий день, – по обычаю, – в день Веры, Надежды, Любви и Софии. Жизнь получилась долгой. Она уходила одна из последних (в 2000-м году умерла инокиня Досифея, Е. В. Вержбловская – на 96-м году жизни). «Мои все на том свете», – так говорила Вера и жила на этой грани, удивляя меня не раз, когда я, вернувшись из Новой Деревни, рассказывала ей о литии на могиле отца Александра, или о незабудках – любимых Марусиных цветах, кем-то на Марусиной могиле посаженных, а она изумленно переспрашивала: «Как на могиле? Разве она умерла? А как же я только что с нею говорила...». Или об отце Александре, нашем пастыре: «...Что ты говоришь? Убит? Я только что его видела». «Где?» – спрашивала я. – «В церкви, он служил... Ну, расскажи мне еще раз про это убийство».

Вера Алексеевна и Мария Витальевна Тепнина, которую мы звали Марусей, были подругами мамы о. Александра. Елена Семёновна Мень с детьми, Аликом и Павликом жили у Веры в доме в Лосинке как дачники, а наверху, на чердаке, тайно жил священник, отец Иеракс.

После революции Вера вместе со своей тетей и крестной – Натальей Леонидовной Рагозиной (она была тайной монахиней, в 1919 г. приняла постриг от послед-

*Вера Алексеевна Корнеева
с отцом Александром Менем
в церковном дворе храма Сретения.
Новая Деревня, 1982 г. Праздник свв. апп. Петра и Павла.
Фото Софии Руковой*

него Оптинского старца Нектария) носили передачи заключенным, и патриарху Тихону относили передачу, когда патриарх был арестован и помещен в башню Донского монастыря. В их доме в Лосинке находили приют и многие монахи и монахини из разоренных монастырей. В своих тетрадях Вера Алексеевна вспоминает о крестной, о событиях тех лет: «...В 1918 запретили преподавать Закон Божий, и Наталья Леонидовна стала преподавать у себя дома тем детям, которые хотели. Это было, когда мы жили уже в Лосинке. Мне тогда было 12 лет, и я помню, с каким интересом и желанием мы эти занятия слушали. Нас собиралось человек 10,

а ведь в то время для Н. Л. это было очень рискованно. Каждый день ее могли за это арестовать. Так уж Бог хранил, что обошлось благополучно...

...У нее было очень много друзей по церкви. А когда в 18-м и 19-м году начались гонения, и много наших знакомых мирян и священников попадали в тюрьму и ссылку, она постоянно была в курсе этих дел и, помню, сколько раз мы с ней носили передачи и письма в Бутырку. Тогда там стояли невероятные очереди. Сколько раз посылали посылки в лагеря...

Вот я не помню, в каком году это было — ее духовный отец дал ей благословение принять монашество, но остаться в миру со своими домашними, которых она кормила своей работой. И вот она со своей подругой Варей поехала в Аносину пустынь, и там они приняли постриг. Варя осталась там, а Н. Л. вернулась, чтобы кормить семью.

На ее руках оставались ее мать, больная сестра Маруся, мой брат Ваня, который проболел с 18-го по 32-й год, наша мама Ольга Леонидовна и еще тетя Настя.

Не помню точно, в каком году закрыли Аносину пустынь, и тогда многие монахини приезжали к нам в Лосинку и временно жили у нас, пока где-нибудь устроятся. Так же и священники, которых не успели арестовать, временно и тайно жили у нас наверху, там были две летние комнаты. А о. Иеракс, которому пришлось там долго жить, он даже и служил там по праздникам и принимал своих духовных детей».

Елена Семёновна водила детей к нему на литургию, и дети понимали, что рассказывать об этом нельзя и хранили тайну.

Комната, где он жил, на время богослужения становилась храмом. Говорят, там особенно чувствовалось

небо. У о. Иеракса был антиминс из закрытого храма Отрады и Утешения при Боткинской больнице, где он прежде служил. И вот в эту чердачную церковь Отрады и Утешения приходили, приезжали – и соседи не должны были ни о чем догадываться.

Когда заметили, что за домом установлена слежка, отца Иеракса не было, он уехал в Казахстан – посещал ссыльных певчих из закрытого храма Кира и Иоанна, где он служил с о. Серафимом. Нужно было предупредить его, что в дом в Лосинке возвращаться опасно. Но как? И вот на вокзале встречали по очереди все поезда, и удалось его предупредить и переправить в Болшево. Вскоре он был арестован, это было в 1943 году.

А познакомились Вера с Марусей еще на Солянке, в церкви Кира Иоанна, в 20-е годы. Храма этого уже давно нет, но Вера сохранила от него ключи.

Веру забрали в 1946-м. Статья 58-11, групповая. Мне запомнилось, как кто-то из нас спросил ее: «А как с Марусей связалось?». Они сидели по одному делу. «Вот группа, группа! Церковь-то все же группа!»

Как и Маруся, Вера провела в заключении 8 лет. Полгода в тюрьме на Лубянке, потом 5 лет лагеря (это называлось – «детский срок»), а потом «вечная ссылка» – так и формулировалось: «Сослан навечно».

В лагере Марусю определили зубным врачом – хотя она не закончила института и считалась зубным техником, в квалифицированной помощи нуждались и сотрудники, и у нее был зубной кабинет. Отец посылал ей крещенскую воду в пузырьке с надписью «Aqua-agiasma» – ничего, проходило...

И вот, работая врачом, она ходатайствовала за Веру, которая была на общих работах и у которой начиналась

дистрофия. «Исхудала она! Нужно было как-то спастись... И вот по моей просьбе заведующий больничкой ее вызывает и говорит: мы вам предлагаем работу в тепле, истопником, и питание получше. Верочка слушает и говорит: А отказаться можно?

— Ну, если вы круглая идиотка, то можно.

— Тогда я отказываюсь... А мне потом объяснила: “Я как подумала — что же, я в этих стенах так и буду и даже неба не увижу? Я не увижу неба?”. А начальник потом мне — за кого вы просили, за какую-то круглую идиотку...».

Я очень люблю рассказ Веры Алексеевны о Пасхе в карцере. Как-то заставили их, заключенных, где-то мыть очень грязный пол, а тряпок не дали. На просьбы дать тряпки им сказали: «Языком лизать будете!». Вера на это ответила: «Языком начальство работает, а мы — руками». И вот за эту дерзость она попала в карцер. Был канун Пасхи. Карцер — это «тюрьма тюрьмы», холод, никакой еды, возможности вздремнуть, — там несколько человек, наказанных. Пасхальная ночь. Среди них — монахини. Начинают петь Пасху. Надзиратели стучат: «Прекратите пение!». Они поют громко, без всякой боязни, потому что ничего с ними хуже уже сделать нельзя, они уже наказаны по всей строгости! «Это была такая Пасха, — Вера рассказывала, — такой был подъем, такое ликование — лучшая Пасха в моей жизни...».

Вера Алексеевна говорила, что судьбой своей она довольна — ведь не у каждого в жизни бывает настоящая любовь... Жениха ее, Николая Зиновьева, к которому, по благословию о. Серафима, она ездила в лагерь, расстреляли в 1942 г., но Вера узнала об этом только летом 1945 г.

Я спрашивала ее – как бы сложилась ее жизнь, если бы не революция. – «Ну, что было бы... Институт благородных девиц. Французский. Танцы. Рукоделие. Женниха ждать... Да ну...»

Вера Корнеева происходила из старинного дворянского рода. Детство она провела в Осташёво – имении великого князя Константина Константиновича Романова, дяди Николая II, и лучшей ее подругой была младшая дочь К. Р. – княжна Вера Романова, они были ровесницы.

Вера Корнеева любила вольную жизнь, лошадей, и очень не хотела поступать в институт благородных девиц (это означало переезд в Москву, жизнь в пансионе), что неизбежно надвигалось с приближением ее одиннадцатилетия. Каждый вечер перед сном молилась: «Господи, сделай так, чтобы меня не отдали в институт благородных девиц!». Когда Вере исполнилось одиннадцать, грянула революция. Она молилась и о том, чтобы им не быть богатыми, чтобы стать бедными. Павел Мень, брат отца Александра, шутил: «Вера Алексеевна перестаралась – богатых не стало совсем».

Работала она слесарем по починке примусов, во время войны – конюхом, в ссылке пасла овец, по возвращении была нянечкой в детском саду, уборщицей – мыла лестницы в подъезде, и через нее весь дом знал обо всех церковных праздниках и передавал записки в церковь «за здравие» и «за упокой».

Когда появилась публикация первой повести Солженицына, Вера Алексеевна написала ему письмо с благодарностью – «За то, что вы так правдиво поведали миру нашу жизнь». И вот что еще было в ее письме: «...А как все же интересно: как привязывается сердце человеческое, невзирая ни на какие условия, – когда я

освобождалась из спецлага в 51-м году, и закрылись, пропустив меня, пятиметровые ворота, я не могла сдерживать слез, хотя и выходила на волю. Так было тяжело расставаться со своими товарищами по несчастью и сразу перешагнуть в другой мир. Закрылись ворота, и все кончено: никогда я этих людей не увижу, не получу от них никакой весточки, точно на тот свет ушла. И теперь, прочитав вашу повесть, так все поднялось в душе, точно вчера только было».

Солженицын ответил письмом. В телефонном разговоре предложил ей встретиться на Чистопрудном бульваре. Вера Алексеевна рассказывала: «А я думаю, – может, он представляет, что я интересная девушка, а мне уж сколько там было – я и говорю – мне уж пятьдесят с чем-то лет». А он говорит: «Ну, это неважно. Вам не трудно прийти?». – «Нет, нисколько». Свидание на бульваре. «Мы как-то так сразу узнали друг друга. По душам поговорили – из лагерей-то оба – и он, и я. Я ему про свои порядки, он – про те порядки. В общем, как родные товарищи. А потом он записал мой адрес. Приезжал, гостил у нас». Солженицын тогда работал над «Архипелагом ГУЛАГ», привозил частями рукопись на прочтение Вере Алексеевне и ее брату. Свидетельства ее о жизни в заключении Солженицын включил в «Архипелаг».

...В ее последнюю Пасху мы были вместе. Зажгли красную свечку – из Новой Деревни. Пели все пасхальные стихиры. Все слова Вера помнила наизусть.

Москва

Вера Корнеева

ОТЕЦ СЕРАФИМ

Я очень благодарна Вере Яковлевне за то, что она написала свои воспоминания об отце Серафиме. Мне было очень трогательно их прочитать, т. к. я сама была участницей тех катакомб, которые она описывает. И лично знала многих упоминаемых ею людей. А мне хочется добавить несколько слов, что меня особенно поразило, когда я ходила в храм свв. бессребреников Кира и Иоанна, настоятелем которого был архимандрит Серафим.

Я пришла туда в первый раз весной 1925 года в Лазареву субботу, и этот день остался мне памятным на всю жизнь. Я тогда только что окончила десятилетку, мне было 18 лет. В те годы борьба между церковью и атеизмом была особенно острой. Благодаря своей семье, очень верующей, я продержалась всю школу, хотя борьба эта была для меня очень трудной и как-то ставила меня особняком. У меня в школе настоящей, душевной подруги не было ни одной. А тут меня стал так сильно привлекать мир, что надо было выбирать или одно, или другое: мне хотелось флиртовать с мальчишками, быть с ними такой же свободной, как тогдашние комсомолки; вместе работать, вместе куда-то ездить – все это было несовместимо со взглядами и воспитанием в моей семье. И я мучилась этим душевным разладом.

К отцу Серафиму меня привела его духовная дочь Лидия Васильевна. Она была постарше меня и очень мне нравилась – это был мой идеал. Причем она была

очень красива так редко встречающейся одухотворенной красотой. Когда она приходила и нам, я от нее глаз оторвать не могла. Она очень дружила с моей тетей Натальей Леонидовной и приходила отвести с ней душу. У нее в это время были очень тяжелые переживания. Она нечаянно влюбилась в мужа своей подруги, а он в нее. По своим взглядам и совести она не могла этого допустить, и бороться со своим и его чувствами было очень трудно. Вот с этой бедой она и приходила к о. Серафиму, и меня привела.

Это было в Лазареву субботу – никогда ни раньше, ни после я не испытывала того, что пережила в этот день: во-первых я почувствовала, что моя судьба и жизнь никому на свете так не дороги, как о. Серафиму, и уже это одно обязывало меня к послушанию. А еще то, что после этой исповеди я испытала такое успокоение, такую легкость и радость на душе, которую тоже забыть нельзя. Вот этот день и решил мою судьбу.

Потом я довольно долго держалась, но постепенно опять сползла к прежнему настроению, и что-то натворив с мальчишками, почувствовала укор совести и решила пойти опять к нему, хотя и боялась очень.

Прихожу, в храм и узнаю, что о. Серафим арестован. Вот тут я и загоревала. Но, к счастью, через несколько месяцев его отпустили, и он вернулся в храм. (Их арестовали за то, что при отборе церковных ценностей у них много не хватало, потому что эти предметы были вывезены еще сербами, а когда удалось это подтвердить, то священников отпустили.) После этого я уже стала его постоянной прихожанкой. Этот храм был не приходской – это бывшее Сербское подворье – там были совсем особые порядки, которые ввел о. Серафим.

Во-первых, служба была полная, как в монастырях, без всяких сокращений. Кроме того, у него масса времени уходила на исповедь, а народу все прибывало. Батюшка, как сам относился к храму и богослужению — с великим благоговением, для него это был Дом Божий не на словах, а на деле, и такого же отношения требовал и от всех людей, начиная с алтаря и певчих и со всего народа. Никаких разговоров, никакого шума или толкучки, он никогда не допускал. Церковь была маленькая и в праздники иногда из-за тесноты возникал шум. В таких случаях он прерывал богослужение, оборачивался к народу и говорил: «Если сейчас же не будет тишина, служба не будет продолжаться». Да при этом так грозно посмотрит, — что тишина водворялась в ту же минуту.

Еще одна особенность: поскольку это был храм Бессребреников Кира и Иоанна, то батюшка такое поставил правило: ни за что, ни с кого в церкви денег не брать. Все требы совершались бесплатно. Платили только за просфору и за свечку. С тарелкой по церкви никогда не ходили — при входе у дверей стояла кружка — и все. В то время церкви очень душили налогами, вот и нам прислали большой налог. Прихожане стали упрашивать его, чтобы он разрешил ходить с тарелкой — так его доняли, что он сказал: «Ну, если уж вам так хочется, то стойте на паперти, а в храме не разрешу». И эта женщина с тарелкой стояла позади всех нищих. Конечно, и у людей все же есть совесть, и я думаю, что ей клали даже больше, чем при обычных сборах по церкви. Еще как-то потребовался большой ремонт, а денег не хватало. Тоже прихожане охали и ахали — что делать? А батюшка помолился Бессребреникам и нашлись такие прихожане,

которые помогли и деньгами и работой, все сделали и все налоги уплатили.

Батюшка так любил церковную службу, так умел сделать ее такой торжественной и доходчивой до души, что заражал этим и певчих и весь народ. Все, кто работали в храме: уборщицы, певчие, прислуживающие в алтаре – все работали бесплатно. На клирос попадали только по его благословению, а направлял он туда людей, нисколько не считаясь ни с голосом, ни со слухом, а только для духовной пользы. В их число попала и я.

И вот, что случилось: я еще с детства всегда ходила в церковь, но прилежанием никогда не отличалась. Еле к обедне-то прийти, а то устанешь так долго стоять. Также и за всенощной: или уйдешь пораньше, или выйдешь на улице посидеть, а тут вдруг происходит чудо: я выстаиваю все эти бесконечные службы совершенно добровольно, да еще после трудного рабочего дня.

Регентом у нас была Ольга Ивановна. У нее голос – второй дискант, ее сестра Поля – первый дискант и Шура – альт. Они составляли постоянное, основное ядро хора. Они все трое были примерно одного возраста, немного постарше меня. И с какой же любовью и заботой относились к нам, девчонкам, особенно Оля и Поля. А там были и помоложе меня, даже школьницы: Груня, Настя, Наташа, Нина и др. Никогда я не забуду Олю и Полю, как они стали мне близки и дороги на всю жизнь.

Так вот, когда я попала на клирос, стала все читать по-славянски, вдруг мне открылась вся душа и красота богослужения, и не только мне, а всем девчатам. Я помню Наташу Бубнову – такая живая, бойкая девчонка, и так полюбила великопостную службу, что все свободное время проводила в церкви. Еще на Сербском было

правило, чтобы все стихиры всегда пелись с канонархом, так, что и народ слышал все слова. Канонаршала обыкновенно Шура. На клиросе тоже иногда бывали, как говорила Оля, «искушения»: девчат было порядочно. То, что-нибудь шепнем друг другу, а иногда даже смешинка в рот попадет с какого-то пустяка, поглядим друг на друга – и смех разбирает. Тут уж, конечно, рот зажмешь и бесшумно, но батюшка как-то это чуял. В таких случаях неожиданно откроется дверь из алтаря, и он только молча заглянет, да так строго, что хоть провались сквозь землю.

Так как на клирос у нас попадали независимо от певческих способностей, то иногда пичкали мы довольно неудачно, но это нам прощалось и, несмотря ни на что, кажется, нигде так не чувствовалось торжество праздника, как на Сербском. По воскресеньям, перед обедней, служился параклисис Божией Матери. Канон «Многими содержим напастьми» пелся нараспев. Это была моя любимая служба. А на неделе, в пятницу вечером, служился молебен преп. Серафиму. Акафист мы вели на Саровский напев.

А вот Пасха там встречалась, как нигде. За Великий пост уже все его чада поговеют и причастятся, а в светлую пасхальную ночь была краткая общая исповедь, и вся церковь причащалась.

Еще забыла я упомянуть о наших спевках. Отец Серафим делал их перед большими праздниками, а также перед Великим постом и перед Пасхой, чтобы мы хорошо ознакомились со стихирами, ирмосами. На спевках он всегда бывал сам, и они проходили с таким душевным подъемом, что пропустить такую спевку было очень жалко. Батюшка всегда настаивал, чтобы мы пели тихо, но вкладывая всю душу.

Еще я вспомнила одну особенную черту у батюшки – с каким почтением, он относился к другим священникам. Помню это было уже в Загорске, о. Иеракс тогда жил у нас. И вот, батюшка просит меня передать ему, чтобы он к нему приехал. И я, повторяя его поручения, говорю: «Так я ему скажу, что Вы велели приехать». Батюшка так возмутился: «Как велел? Что ты говоришь! Не велел, а прошу его, прошу Господа ради, чтобы он не отказал ко мне приехать».

Еще батюшка настойчиво требовал, чтобы в храме женщины стояли с покрытой головой. А на клиросе для всех нас было обязательно черное платье с длинными рукавами и черный платок или косынка на голову. Нам, молоденьким, было трудновато это исполнять, но соблюдали все без исключения. Девочка Груня была очень способной к пению, и Оля старательно ей все объясняла и показывала, так что в случае чего, она даже могла ее заменить, а она была еще школьницей.

Престол в храме был только один – свв. бессребреников Кира и Иоанна, но очень почитались икона Божией Матери Иверской и преподобный Серафим. И эти дни праздновались так торжественно, как престольные. И когда подходили ко Кресту, певчие пели «Тебе Бога хвалим». А вообще был обычай – после всенощной весь народ пел: «Под Твою милость» и «Утверждение на Тя надеющихся».

В то время в алтаре прислуживал молодой человек Фёдор Никанорович (впоследствии священник). У него был прекрасный голос, особенно при чтении. В большие праздники, в Сочельник он всегда читал паремии, и так, что действительно запомнится на всю жизнь. Батюшка особенно любил шестопсалмие и часто читал его сам.

* * *

Двадцатые годы были замечательны тем, что в Москве масса народу были безработные, потом постепенно хозяйство стало налаживаться, и биржа труда стала направлять на работу. В их число попали и наши певчие – Оля, Поля и Шура. Батюшка старался так сделать службу, чтобы люди могли поспевать на работу. Обедня начиналась в шесть часов утра, но и то не всем удавалось. И вот в это время часто наш клирос выручала девочка Груня, заменяла регента Ольгу Ивановну.

В 1927 году прошла полоса повальных арестов среди церковников, не только духовенства, но и мирян. Очень много попало певчих, церковных старост и вообще усердно помогавших в церкви. Попали и наши Оля и Поля, а мне так запомнилось, что в это трудное время на высоте оказалась школьница Груня, светлая блондинка с вьющимися волосами, в черном платице. Выходит к народу и регентует всю церковь, когда поют «Верую» и «Отче наш». И еще запомнился самый печальный день нашей жизни – 24 апреля 1932 года.

Накануне Благовещения арестовали всех наших священников и некому было служить. Побежали просить по другим церквам, но и там было опустошение. Найти никого не смогли. Народ собрался – полная церковь. Горят лампы и свечи, певчие на клиросе, а священника нет. И решили служить всенощную при закрытых Царских вратах с одними певчими. Весь народ стоял со слезами. Это и была последняя служба в нашем храме.

Еще мне хочется рассказать два случая уже из последних дней жизни о. Серафима в 1942 году. Батюшка был уже очень тяжело болен зимой 1941 года. Я приехала к нему в Загорск, и Пашенька (мать Никодима) говорит,

что ему очень хочется пить, чего-нибудь кисленького. А ведь война, голод, ни у кого ничего нет. И она вспомнила, что у какой-то матушки (не помню теперь, как ее звали) очень большой запас варенья, и может быть что-нибудь осталось. А живет она по Щелковской ветке, кажется, станция Загорянка. Точно не помню. Вот они дали мне адрес и попросили съездить и достать баночку варенья для питья. Я охотно согласилась, поехала туда. Мороз был здоровый – 25 градусов. Нашла этот дом, но она уже там не живет. Прихожу на станцию с пустыми руками – уже темно. Поезда не идут. Платформа открытая. Спрятаться некуда. Ждала я часа два, замерзла ужасно, прямо даже до отчаяния – что делать? Пешком тоже не дойдешь. Наконец, пришел поезд, и я добралась домой, рассказала маме свои неудачные похождения, а дня через два приходит наша соседка и дарит нам две баночки варенья (они уезжали в эвакуацию). Мама сейчас же посылает со мной это варенье о. Серафиму. Я очень рада.

Приезжаю – батюшка уже лежал в постели, не поднимался. Говорю, что матушка там не живет, а вот нам такое счастье привалило, что соседи дали. О том, что мерзла на станции, я ни слова не говорю. Вдруг батюшка говорит: «Какое счастье, что ты приехала! Я так мучился, так беспокоился, ведь ты там чуть не замерзла! Как я мог из-за своей прихоти послать тебя на такое мучение! Я не могу себе этого простить!». Я говорю: «Батюшка! Да что Вы о таких пустяках расстраиваетесь! Ничего со мной не было, ничего я не мерзла. Я вот рада, что баночку Вам достала». А он все свое, что он не может себе этого простить. Так каялся, что он и вправду, что-то плохое сделал. А я потом думаю: «Как же он почувствовал душой, как я там замерзала, и ка-

кое приносил покаяние за свой невольный грех. Ведь он же не знал вперед, что так получится».

Последнее мое свидание с батюшкой было зимой 1942 года. Совсем уже незадолго до его смерти. Я уже это понимала. Стою на коленях у его кровати и невольно плачу, не могу удержаться. Он рукой приподнимает мне голову и говорит: «Запомни, что я тебе говорю: как бы тебе тяжело ни было, что бы ни случилось, никогда не отчаивайся и не ропщи на Бога». Я думаю, что он мне говорит про тогдашний голод – положение было очень тяжелое. На моих руках семья – старые да малые, но я тогда держалась бодро, и возражаю ему: «Да мне совсем не тяжело, это неважно. Вот Вас только очень жалко, что Вы так болеете». А он опять настойчиво повторяет мне свое завещание, как бы вкладывая в мою голову. Больше мы не виделись.

А в 1946 году, в апреле арестовывают моего брата. У нас в квартире всю ночь идет обыск. Моя няня (Мария Николаевна), старушка, но еще моложе и бодрее моей мамы, думает, что сейчас и меня арестуют. И с ней от волнения и горя делается нервный паралич. А я остаюсь дома и за ней ухаживаю. Состояние ее очень тяжелое, но под конец месяца становится немного легче, хотя полный паралич остается.

Вдруг в 2 часа ночи стук в нашу дверь. Сразу думаю: «Ну, это опять арест. И в ту же минуту мысль: этого не может быть. Бог этого не допустит. На кого же они останутся – совсем беспомощные – мама и няня». Стук все сильнее. Открываю – это действительно за мной. Опять обыск. И на этот раз забирают меня.

Более тяжелой минуты в жизни у меня не было. Действительно, я была на грани отчаяния, чтобы возроптать. И вдруг, как живая встает в моих глазах картина

моего прощания с о. Серафимом, и в уме, как врезанные, его слова: «Как бы тяжело тебе ни было, никогда не отчаивайся и не ропщи на Бога». В душе все закаменело. Молиться не могу. Сами собой текут слезы, а я только одними губами твержу изо всех сил: «Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!».

И вот по его молитвам и мне polegчало на душе, а потом неведомым нам промыслом Божиим все устроилось к нашему спасению. И старушки мои прожили без меня и без всяких средств к существованию (они и пенсии не получали) 8 лет исключительно милостью Божией и добрыми людьми. И мы опять соединились вместе с великой радостью и любовью.

ПОМОЩЬ СВЯТОГО ИОСИФА

В 1951 году я окончила свой 5-летний срок в лагере по статье 58-11 и должна была вернуться домой без всяких ограничений, но в 1949 году обострились отношения с Америкой. 58 статью с 11 пунктом (групповую) всю перегнали в спецлагеря, а оттуда по окончании срока направляли на, так называемую, «вечную ссылку». У меня дома оставались две совсем беспомощных старушки – мама 78 лет и няня 75 лет, парализованная. Я считала чудом, что они прожили без меня эти пять лет, и они и я мечтали скоро увидиться, а тут прибухали «вечную ссылку», но после смерти Сталина в 1953 г. дали амнистию всем «пятилеткам», независимо от статьи, со снятием судимости. Прочитав это в газете, мы были уверены, что нас отпустят. Из лагерей отпустили, а из ссылки нет.

Я от себя, мама от себя написали в Москву запрос на Ворошилова, почему меня не отпускают, и получили ответ – что к ссыльным не применяется.

Я так тяжело переживала этот отказ после всех надежд, – точно гробовая крышка закрылась, так было тяжело и безнадежно на душе. В это время я жила в Пришимском совхозе как ссыльная и работала младшим чабаном – пасла овец. В деревне меня называли «верующая москвичка» и частенько заходили ко мне узнать, когда какой будет праздник. Церкви на 200 километров нигде в округе не было, и вот в это время заходит ко мне слепой тамошний и приносит маленькую книжку на славянском языке *Житие Иосифа Прекрасного, составленное Ефремом Сириным*. И просит меня перевести эту книжку на русский язык, потому что по-славянски мало кто умеет читать, а он сам слепой.

Я взяла эту книжечку с собой в карман и стала читать в степи, где пасла своих овец. И вдруг эта история так дошла мне до сердца, прямо до слез, и такая яркая мысль в душе: какая глупость! Писать какие-то заявления, прошения, которые попадают в руки пешек-секретарей, которым вообще до меня нет дела, вместо того, чтобы обратиться с горячей просьбой, как лично, к самому святому Иосифу. Ведь он так много пережил сходного с моей судьбой: также вот пас овец в степи, так же горевал о разлуке со своим старцем-отцом, что не увидит его живого, также невинно был посажен в тюрьму. И вот тут же в степи падаю на колени и со слезами от всего сердца прошу его помолиться за нас грешных Богу, чтобы не помянулись наши грехи и мне соединиться со своими несчастными одинокими беспомощными старушками. Поднялась я после этой молитвы и как-то на душе полегчало. А придя вечером

домой, написала письмо маме и няне, рассказала, какую я прочла книжку и чтобы они тоже помолились святому Иосифу, и я уверена, что он нам поможет. Письмо я послала 13/V-54 г., оно и до сих пор у меня хранится. И вот прошло как раз столько дней, как дошло до них мое письмо. И 18/V-54 г. вижу я такой сон: что сидим мы вечером ужинаем и вдруг стук в окно, и женщина говорит: «Вера, тебя комендант вызывает в контору». А контора от нас была близко, через 3 дома. Я иду в контору, там за столом сидит комендант, управляющий фермой и завхоз. Комендант мне говорит: «Вы от ссылки освобождаетесь, можете ехать в Пресновку, получить паспорт и жить где хотите». Я спрашиваю: «И в Москву можно?». Он говорит: «Конечно, куда хотите». И тут у меня так забилося сердце от радости, что я проснулась. Такой был ясный сон, что я просто опомниться не могу, и тут же сгоряча рассказываю это все брату и снохе. Собираюсь и иду на работу.

Вечером прихожу и садимся мы все ужинать и вдруг стук в окно: «Вера, тебя комендант вызывает в контору» – точь в точь как во сне. Я иду, и весь мой сон повторяется наяву до мельчайших подробностей. Когда комендант повторил мне те же слова, что были во сне, я не дослушав выбегаю из конторы, врываюсь в нашу избу и тереблю за руки брата и сноху, спрашивая: что же это опять сон или правда? Опять бегу в контору – оказывается, правда.

И через две недели я была уже дома, и мама с няней тоже не верили своим глазам и думали, что это им только снится.

А вот эту славянскую книжку я перевела на русский язык только сейчас – в апреле 1976 года. Все некогда было – вот такая-то наша благодарность.

Но все-таки интересно, на основании чего меня освободили из ссылки? Когда я стала прописываться у мамы, то с меня потребовали такую справку, и когда я ее получила, там было написано: «по амнистии 1953 года», по той самой, в которой нам было отказано.

А еще вот что произошло. Когда я вернулась домой, то жить оказалось так невыносимо трудно, что я ума приложить не могла, что мне делать. Во-первых, за мамой и няней нужен постоянный уход – няня лежащая, парализованная, мама тоже еле бродит. Пенсии никто из них не получал. Взять мне какую-нибудь работу – нельзя их на день оставлять одних. Дом за эти восемь лет, что меня не было, совсем развалился, крыша течет как решето, крыльцо и терраска развалились, венцы попрели. Все это исправить – надо очень большие деньги, а у нас совсем ни копейки. Когда все эти заботы на меня свалились, а надо еще брату посылать в Казахстан, потому что он полный инвалид и в деревне ничего заработать не может, что делать – не знаю. И я опять обратилась к святому Иосифу, как говорится в его жизнеописании: все дела в его руках необыкновенно спорились, когда он управлял имением Пантефрия, а потом и хозяйством всего Египта, все ладилось и приумножалось благословением Божиим. Вот я и взмолилась ему опять: «Помоги мне Господа ради, ты же видишь, какое положение, а я совсем упала духом и не знаю, что делать. Если ты первую нашу просьбу исполнил, то и теперь уж не бросай нас, а помоги».

И что же, на другой день приходит одна знакомая старушка и говорит – вот я работаю тут рядом в детсаду и ухажу на пенсию, хочешь на мое место? Рядом с домом с 3-х часов дня до 9-ти вечера. Я успею и своим больным все сделать и на работу пойти, и с этого началось.

Одно за другим все пошло так по-деловому и так удачно, что даже вот теперь вспомнить – так не верится. Посоветовали мне пустить на лето дачников в верхние комнатки – я их кое-как подремонтировала – пустила, на эти деньги постепенно все ремонты сделала. Кроме детсада, у меня столько приработков оказалось: кому полы помою, кому воду ношу, кому чего, и так все удачно, просто необыкновенно, а сама-то я вовсе не деловая, а наоборот – растяпа. Вот это и вторая была нам оказана помощь.

**Письмо
отца Серафима (Батюкова)
Вере Корнеевой**

Чадо мое духовное Вера!

Благодать и милость Господня да будет с тобою.

Ты пишешь, что многое тебя смущает, а Господь пришел на землю не смущать людей, а спасать. Как же люди могут и должны спасаться, скажет тебе наступающая «Неделя о мытаре и фарисее». Только крепче держись за ризу Господню и чаще, от всей души говори: «Боже, милостив буди мне, грешной».

Говоришь, что часто раздражаешься и грубишь своим близким, а ты, как только почувствуешь в своей душе раздражение – говори про себя: «Господи, спаси ее и помилуй, и ее молитвами прости меня, грешную» и раздражение будет проходить.

Еще жалуешься, что тяготишься своей тяжелой и грязной работой, а ты должна смотреть на свою работу как на служение людям - чтобы каждый ушел от тебя успокоенным и довольным, тогда и тяготиться не будешь. Когда очень трудно бывает на душе, стань наедине перед иконой Матери Божией и как лично проси Ее о помощи. Храни тебя Господь!

Недостойный иеромонах Серафим.

1928 г.

**К 25-летию мученической
кончины отца Александра Меня**

ОТВЕТЫ ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ НА ВОПРОСЫ НЕИЗВЕСТНОЙ КОРРЕСПОНДЕНТКИ¹

Эти «Ответы» были переданы мне отцом Александром Менем в конце 1989-го или начале 1990-го года. Автора вопросов он не назвал, сказав только: «Так, одна особа...». О самих ответах так же сказал лаконично и как бы небрежно: «Возьмите это себе. Прочтите... вопросы легко угадаете... можете делать с этим что хотите... быть может, это Вам поможет...».

Для него это было просто письмом-ответом, каких он написал немало за свою жизнь. Но для меня эти 43 ответа оказались сокровищем, в котором и начинающий христианин, и опытный катехизатор, и просто любознательный человек, равнодушный к духовным вопросам жизни, может найти для себя немало ценного. В кратких, порой в две строки, «по-отцовски» лаконичных, формулировках затронуты, кажется, все «больные» темы нашего времени: о добре и зле, о политике и христианстве, о прошлом и будущем, и, конечно, о вере и религии; и – многие детали, крупницы биографии самого отца Александра, столь дорогие сердцу всех, знавших и любивших его.

А вопросы, действительно, легко угадываются.

София Рукова

¹ Публикация Софии Руковой.

1. Вера нерелигиозного человека – безотчетна, почти «инстинктивна». Отрицая высший смысл бытия, он все же пытается жить так, как будто этот смысл существует. Вера религиозная есть открытость души к Высшему, к космическому Разуму, к Мировой Любви – к Богу, а «атеистическая вера» ставит на Его место нечто ограниченное, низшее – слепые силы Природы, социальные утопии, политических вождей и т. д. Такую веру издавна называли идолопоклонством, и она неизменно вела к крушению, ибо идолы в действительности не могут заменить Творца.

2. Я получил христианское воспитание в семье. Но если бы все этим ограничилось, вера была бы для меня лишь дорогой сердцу традицией, вроде воспоминаний о детстве. Каждый воспитанный в религии человек в какой-то момент жизни *сам* встречает Бога на своем пути и делает выбор. Со мной это произошло в ранние школьные годы.

Разумеется, вера помогает слабым, укрепляет их. Но она вовсе не предназначена играть только роль «костылей». Достаточно напомнить, что великие церковные деятели, будь то пророк Исайя или апостол Павел, преподобный Сергей Радонежский или Ян Гус, мать Мария (Скобцова) или Мартин Лютер Кинг, были людьми отнюдь не слабыми. Напротив, их отличала огромная сила духа, смелость и энергия.

3. Вера в человека, без веры в образ и подобие Божие в нем, вещь весьма сомнительная. Ведь и «подонок», как Вы выразились, – тоже человек. Почему бы тогда не сделать его эталоном? Нечто высшее должно стоять *над* человеком, указывать ему ориентир. Природа такого ориентира не знает. Общество тоже (ведь было сколько угодно обществ в истории, которые культивировали аморальные, человеконенавистнические принципы).

4. Казённый атеизм лишь механически подавлял подлинные религиозные стремления в людях. И едва лишь ослабел пресс, как стало ясно, что религия жива. Я уже один раз наблюдал нечто подобное – во время войны и вскоре после нее. Мы, верующие, переживаем наступление новой эпохи как настоящую весну духовной свободы для нас (да и для всех других позитивных сил).

5. Отношение к Церкви и религии в обществе меняется быстро, почти стремительно. Это ясно чувствуют все верующие. Мы хотим надеяться, что этот процесс будет продолжаться. Люди должны, однако, свободно определять свое отношение к Богу, к бессмертию, к Библии и Церкви. Никакое принуждение – в ту или иную сторону – здесь не допустимо. Несвободный человек всегда будет иметь изуродованную психику.

6. За четверть века служения в Пушкинском районе у меня были вполне нормальные отношения с местными властями. Если и бывали трудности – они происходили по другим причинам...

7. Разумеется, можно что угодно превратить в способ убежать от реальности: и искусство, и музыку, и религию, и мечты о светлом будущем. Евангелие призывает нас к действию, к активному служению, а не к мечтам. В православной аскетике сам термин «мечтательность» носит явно негативный смысл. Что касается партии, то любая партия имеет право по-своему решать вопрос о пребывании в ее рядах верующих, с нашей же, религиозной, точки зрения, вступление в партию, требующую от членов обязательного атеизма, – невозможно, бессмысленно (даже если человек и согласен с ее общественной программой).

8. Я думаю, что духовные процессы имеют собственные внутренние причины. И нет необходимости ставить их в зависимость от политики. Политика – вещь

преходящая, а вера говорит о вечном: о смысле бытия, о бессмертии, о Творце и Его заповедях. Это было и будет актуально всегда.

9. Вы сами ответили на свой вопрос. Я уже говорил, что в плане веры перед всеми стоит альтернатива: либо вера в Высшее Начало, либо идолопоклонство. Я, конечно, не имею в виду тех, кто хочет свести свою жизнь к элементарным потребностям (впрочем, и из еды, и из одежды тоже порой делают «культ»).

10. Говорить, что правовое положение верующих резко меняется к лучшему, – значит повторять то, что говорят уже повсюду. Но окончательно все это будет закреплено лишь в новом законодательстве, которого миллионы верующих и демократически настроенных людей с нетерпением ждут. Не скрою, что затягивание дела вызывает у нас озабоченность и тревогу.

11. У Церкви свои собственные духовные задачи, которые нельзя ставить в зависимость от социально-политических процессов. Но Церковь и религия могут немало послужить обществу в духовном оздоровлении людей, в укреплении нравственных сил. Она поможет углубить любовь к культурному, художественному наследию народов нашей страны, а значит, будет содействовать залечиванию тех ран, которые были нанесены годами нигилизма и беззакония.

12. В моем приходе всегда было достаточно молодых людей и девушек. Многих привели еще родители в детстве, а теперь они уже имеют своих детей, кончили институты или училища, отслужили в армии. Здоровая молодежь в значительном своем большинстве тянется к идеалу (пусть порой и неосознанно). Что ж удивительного, что ее привлекает идеал христианский?

13. Изучение основ веры в частном порядке происходит во всем мире. Это нормальное явление. Чем мы хуже других?

Я не совсем понимаю, что значит «переодевшийся» комсомолец. Думаю, что не открою какого-то секрета, говоря, что членство в комсомоле давно стало чем-то вполне формальным (сам я, кстати, комсомольцем не был).

14. Церковная традиция издавна требовала глубокой и серьезной подготовки к таинству Крещения. Когда люди крестятся «просто так», из моды, – это не вызывает у меня радости. В годы застоя мы в нашем храме, как могли, проводили катехизацию, т. е. подготовку к Крещению. Теперь возможности расширились. И, надеюсь, будут расширяться. Тогда все меньше будет таких легкомысленных бездумных крещений. Люди будут входить в Церковь сознательно.

15. Конечно, такое бывает. Это печальное явление. Христос принес на землю не «театр», а новую жизнь. Храмовая эстетика – не цель, а средство, помогающее восприятию и переживанию истин веры.

16. Я уже писал об этом в очерке, помещенном в газете «Совершенно секретно» /№ 2, 1989/. Молодежь лишена духовной пищи, нормальных форм отдыха, общения, развлечений. Ее проблемы оказались «в загоне». А это ведет к самым плачевным последствиям.

17. Подобные начинания могут расширить горизонт молодежи, помочь ей найти разнообразное применение сил, энергии, объединиться вокруг духовных центров – вроде этого журнала (или обществ, клубов, групп милосердия или групп по изучению духовного наследия).

18. Хотя я сам сейчас нередко веду беседы и даже преподаю в школах, мне все же кажется, что здесь есть

угроза «оказёнивания». Религиозные общины должны иметь свои воскресные школы, кружки и группы. Но если в школе и стали преподавать историю религии, то надо, чтобы ученики знакомились не только с ее атеистическим толкованием. Такая однобокость длилась десятилетия. К счастью, она не привела к полной утрате интереса к традициям веры. Для меня лично это было отрядной неожиданностью.

19. Это означает, что совершенное, причастное Творцу бытие, которое есть цель мирового и исторического процесса, не есть только реальность будущего. Царство Божие незаметно прорастает в сердцах людей, в их жизни *уже сегодня*.

20. Происходящее вполне закономерно. И западное потребительство, и наш материализм составляют угрозу для духа. Мы пожинаем плоды жестокого подавления духовной жизни. Но я верю, что ее семена не погибли и возродятся. Тогда будут и *иные* плоды. А пока трагический результат – налицо.

21. Безусловно, верю. Но не потому, что человек «от природы» якобы добр. А потому, что его дух несет в себе образ и подобие Творца.

22. Христианство весьма скептически относится к идее *самосовершенствования*. Мы верим, что возрастание человека происходит не только благодаря его собственным усилиям, а при помощи Благодати – той силы, которая нам дается свыше. Об этом учит, в частности, апостол Павел. Читайте его Послания к римлянам и галатам.

23. Такого опыта у меня лично не было. Но в нашей церковной прессе уже писали о священниках, посещавших тюрьмы. Христиане-баптисты за последние месяцы не раз устраивали богослужения и беседы в местах лишения свободы. Порасспросите их.

24. Я не люблю, когда вопрос ставится таким образом. Человек нуждается в Боге не только потому, что ждет от Него «даров». Завет, Союз людей с Творцом, есть богочеловеческая тайна. Творец призывает нас, мы должны дать Ему ответ через веру, любовь, служение, молитву, труд.

А все остальное приложится.

25. Если говорить только о «религиозной политике», то все это выглядит как чудо. Порой ловлю себя на мысли: проснусь – и все окажется по-старому.

26. В школе никаких притеснений я не испытывал, хотя многие товарищи и учителя знали, что я верующий. Поэтому они и не заставляли меня вступать в пионеры и в комсомол. То же самое было и в институте, где все знали, что я христианин. Но на пятом курсе начальство решило от меня избавиться. Когда начались госэкзамены, руководство просило военную кафедру «завалить» меня. Но военные отказались. Экзамен я сдал. Тогда меня просто отчислили «за пропуски лекций» (!). А я ведь надеялся, отработав положенные годы, поступить в семинарию. Отчисление убило дело. Через месяц архиепископ Макарий меня рукоположил, и я стал священнослужителем (до этого я восемь лет пел и читал в храме, самостоятельно изучал церковный устав и богословие).

27. Да, у меня были и трудности, и неприятности. И не мало. Но говорить об этом я не хочу. Когда меня об этом спрашивают, я всегда отвечаю, что мои духовные наставники десятки лет сидели в тюрьмах и лагерях. В сравнении с этим угрожающие письма, обыски, допросы, выпады в прессе – не такое уж тяжелое испытание. И вообще, в те годы многим доставалось. Я не был исключением – только и всего. На компромиссы мне идти не приходилось. Но за это я благодарю только Бога...

28. Священник по своему призванию обязан проповедовать Слово Божие. Если дают возможность делать это в более широком масштабе – имею ли я право отказываться? Впрочем, и в годы застоя я делал то же самое, только для меньшего числа людей. Сосредоточенность, молитва? Да я бы без этого не смог бы работать, не смог бы нести людям Евангелие. А время всегда найдется если относиться к нему бережно. К слову сказать, большую часть своих книг я написал в годы застоя.

29. О чем бы и где бы я ни говорил и ни писал, главная моя тема – одна. И кто ее хочет услышать и почувствовать – поймет, о чем бы ни шла речь: о литературе, философии или кино. А мою многогранность Вы преувеличиваете. Я, например, в отличие от некоторых моих собратий довольно туп в точных науках. Так сказать – прирожденный гуманитарий.

30. Книги мои издавались «Центром Восточного христианства» (издательство «Жизнь с Богом»). Это объясняется тем, что Центр ставил своей целью развитие диалога между христианами Востока и Запада. Поэтому, хотя во главе его стоят католики, они печатают также и православных авторов. Спасибо им. Особенно главным труженикам: И. М. Посновой, отцу Антонию и отцу Кириллу.

31. Меня часто об этом спрашивают. Я подробно говорил об этом в интервью в «Московском комсомольце». Главный принцип – беречь время. Оно может отблагодарить каждого, кто относится к нему подобающим образом.

32. Радует меня в людях доброта, открытость, широта взглядов, терпимость, духовные интересы, способность к диалогу. Печалит – бездуховность, фанатизм, узость, злоба, мракобесие.

33. В категорию «экстрасенсов» сваливают, как в одну кучу, всё: и гипнотические дарования, и особые способности, типа ясновидения Ванги, и астрологию, и оккультизм, и всяческое шарлатанство. Эти явления требуют спокойного, дифференцированного, серьезного подхода. Жажда «чудес», безоглядные восторги так же опасны, как и огульное отрицание.

34. Не хочу загадывать. Но надежды не теряю.

35. Среди моих прихожан было немало глубоких и интересных людей. Например, известный психиатр Д. Е. Мелихов, заведовавший клиникой; пианистка М. В. Юдина. Н. Я. Мандельштам не только постоянно бывала в нашей церкви, но и жила у меня дома в летние месяцы. В нашем храме принял крещение А. А. Галич. Но я не хотел бы говорить о них больше, чем уже говорил. Это сфера духовной жизни. Есть врачебные тайны, есть и тайны пастырские...

36. Фантастика раскрепощает ум, открывает огромные горизонты, позволяет в символической форме осмыслять большие философские и даже богословские проблемы. Возьмите, например, роман А. Азимова (человека нерелигиозного) «Конец вечности». Он ведь направлен против притязаний человека заменить Промысл Божий. Или «Возвращение со звезд» С. Лема. Там необычайно ярко описано «счастливое» общество, где зло устранено механически. Без нравственных усилий людей. Вывод может сделать сам читатель...

37. Больше всего я уважаю не тех, кто быстро «перестраивается», а тех, кто и раньше пытался говорить правду.

38. Чтобы ответить на вопрос, надо читать слишком много прессы. Сейчас это едва ли кому-нибудь под силу. Словом, судить я не берусь. Из газет читаю «Семью», «Московские новости», «Книжное обозрение» и

нахожу там много интересного. Прежде, признаюсь Вам, я газет почти не читал. Все было заранее известно.

39. Я много лет занимался живописью, писал иконы. Поэтому, наверно, люблю изобразительное искусство. Но также люблю и поэзию, и прозу, и музыку. Особенно кино. Наиболее равнодушен к театру.

40. Любая. Если это хорошая музыка. У меня нет пристрастий. Многообразие музыкальных форм соответствует разнообразию состояний и чувств в человеке.

41. Я не согласен с Толстым, что патриотизм – зло. Любить свой дом, улицу, город, страну естественно и прекрасно. Но для этого совсем не надо унижать другие страны, культуры или народы. В многонациональном государстве особенно важно учиться уважать друг друга. Любой шовинизм меня отталкивает, глубоко мне неприятен. Тем более что он противоречит основам христианства, заветам Христа и Его апостолов. Я молюсь о том, чтобы патриоты каждого народа нашей страны избегали шовинизма или преодолевали его в себе.

42. В моей жизни очень много радостного: Литургия, молитва, люди, которых я люблю, пастырская работа, книги, общение, наука, искусство, природа – всего не перечесать, Я всегда благодарю Бога за Его бесконечные дары нам. Дары прекрасные и, пожалуй, незаслуженные...

43. Я хотел бы, чтобы мы все с честью вышли из сегодняшних кризисов. Но без открытости, терпимости, без развития в себе духовных начал это невозможно. «Ищите, – говорит нам Господь Иисус, – Царства Божия и правды Его. И все остальное приложится вам».

Прот. А. Мень
1989 / 1990

**КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР**

25 марта 1974 г.

№ 788-А

г. Москва

Секретно

Штамп:

ЦК КПСС

26 МАР. 1974 № 11986

подлежит возврату в общий отдел ЦК КПСС

Имеющиеся в органах госбезопасности материалы свидетельствуют о том, что Ватикан в идеологической борьбе против СССР пытается использовать возможности религиозных объединений в нашей стране. В этой связи особый интерес представляет его стремление расширить связи с Русской православной церковью (РПЦ).

Стремясь втянуть РПЦ в свою орбиту, Ватикан выступает инициатором проведения официальных межцерковных собеседований по различной тематике. Такие собеседования были проведены в 1967 г. в Ленинграде, в 1970 г. — в Бари (Италия) и в 1973 г. — в Загорске (Московская область). Ватиканские делегации, как правило, возглавлялись специалистом по СССР, кардиналом Виллебрандсом.

На этих собеседованиях представители Ватикана, прикрываясь теологической фразеологией, пытались навязывать обсуждение политических вопросов.

На состоявшейся в июне 1973 года в Загорске встрече на тему «Справедливость, мир и религиозная свобода» представители Ватикана заявили, что «сейчас римская церковь не берёт на себя обязательство про-

граммировать социальные структуры общества и в деле избрания той или иной формы общественных взаимоотношений полагается на христианскую совесть членов церкви». В итоговом документе они «признали» даже преимущества социалистического пути развития и правильность политики РПЦ по отношению к социалистическому государству.

Данный акт глава римской церкви Павел VI расценивает как шаг, который обеспечит ему диалог с Советским Союзом по государственной линии и будет способствовать укреплению позиций РПЦ.

Учитывая веками сложившуюся антиримскую атмосферу в РПЦ, Ватикан стремится убедить её иерархов в «обновлении» своей восточной политики, внушить им мысль о необходимости совместных усилий в деле сохранения веры.

В своих выступлениях Павел VI утверждает, что «вера восточных церквей – это почти наша вера», называет католическую и православную церкви «сестрами, между которыми существует почти совершенное общение».

Этими идеями Ватикан стремится постепенно «пропитать» новое поколение духовенства, профессорско-преподавательский состав и слушателей духовных учебных заведений РПЦ, убедить их в том, что Ватикан перестал быть традиционным врагом православия.

В этих целях Ватикан постоянно расширяет возможности поступления православных священников в свои учебные заведения, охотно идёт на приглашение делегаций и паломнических групп РПЦ. Создавая необходимые условия для изучения жизни и деятельности католической церкви, знакомя с мероприятиями по противодействию атеизму, Ватикан делает всё для того,

чтобы они постепенно проникались уважением к католицизму.

В результате отдельные лица из числа православного духовенства постепенно скатываются на прокатолические позиции, обвиняя руководство РПЦ в излишней лояльности к государству и не способности «воспользоваться своим правом протеста против беззакония, творимого атеистическими силами в отношении церкви».

Группа прокатолически настроенных священников, возглавляемая А. Менем (Московская область), в своих богословских трудах протаскивает идею, что идеалом церковной жизни может являться только католичество. Указанные труды, нелегально вывозимые за границу, издаются католическим издательством «Жизнь с богом» (Бельгия) и направляются затем для распространения в СССР.

Показательной в плане улучшения взаимопонимания с РПЦ является позиция Ватикана по вопросу униатской церкви.

Отказ Павла VI зарубежным иерархам униатской церкви в создании так называемого украинского патриархата, фактически мотивированный нежеланием децентрализовывать управление католической церковью, рекламируется Ватиканом как акт, свидетельствующий о стремлении улучшить отношения с РПЦ.

В то же время, считая униатскую церковь силой, способной содействовать окатоличиванию украинцев, Ватикан нелегально оказывает ей моральную и материальную поддержку.

Им (Ватиканом), в частности, разделяется вынашиваемая зарубежными националистическими центрами идея создания на территории УССР украинской автоке-

СССР
КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

25 марта 1974 г.

№ 788-А
г. Москва

С Е К Р Е Т Н О

75 оп. 67
г. 963

Ц К К П С С

Имеющиеся в органах госбезопасности материалы свидетельствуют о том, что Ватикан в идеологической борьбе против СССР пытается использовать возможности религиозных объединений в нашей стране. В этой связи особый интерес представляет его стремление расширить связи с Русской православной церковью (РПЦ).

Стремясь втянуть РПЦ в свою орбиту, Ватикан выступает инициатором проведения официальных межцерковных собеседований по различной тематике. Такие собеседования были проведены в 1967 г. в Ленинграде, в 1970 г. - в Бари (Италия) и в 1973 г. - в Загорске (Московская область). Ватиканские делегации, как правило, возглавлялись специалистом по СССР, кардиналом ВИЛЛЕБРАНЦСОМ.

На этих собеседованиях представители Ватикана, прикрываясь теологической фразеологией, пытались навязывать обсуждение политических вопросов.

На состоявшейся в июне 1973 года в Загорске встрече на тему "Справедливость, мир и религиозная свобода" представители Ватикана заявили, что "сейчас римская церковь не берёт на себя обязательство программировать социальные структуры общества и в деле избрания той или иной формы общественных взаимоотношений полагается на христианскую совесть членов церкви". В итоговом документе они "признали" даже преимущества социалистического пути развития и правильность политики РПЦ по отношению к социалистическому государству.

Данный акт глаза римской церкви Павел VI расценивает как

ТК 5326

Первая страница «Закрытого письма»
Ю. Андропова в ЦК КПСС

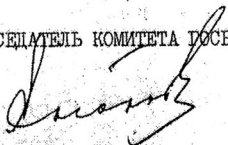
Активные меры по установлению контактов с иерархами Русской православной церкви предпринимает кобэнд посольства США в Москве РИЧАРД.

Профессор Латеранского университета в Риме ВЕРТУЛИН в своем докладе Ватикану о пребывании в СССР отмечал, что "происходящая либерализация общественной жизни и усиление оппозиции интеллектуалов создают благоприятные условия для возрождения религиозной жизни в СССР". По мнению ВЕРТУЛИНА, предвестником такого возрождения явилось собеседование в Загорске.

Всемерно поощряя развитие контактов с РПЦ, Ватикан конечной целью их считает поиск и поддержку внутри её сил, способных, по его мнению, перерасти в организованную оппозицию существующему в нашей стране государственному строю и противостоять атеизму.

Органы государственной безопасности держат под контролем контакты Ватикана с Русской православной церковью и принимают меры к срыву его замыслов использовать ее во враждебной СССР деятельности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

АНДРОПОВ

Последняя страница «Закрытого письма»
Ю. Андропова в ЦК КПСС

фальной (самостоятельной) православной церкви, что позволило бы значительно облегчить возможность возрождения униатской церкви.

Для изучения положения Русской православной церкви и лиц из числа духовенства, стоящих в оппозиции к руководству РПЦ, сбора политической информации Ватикан широко использует каналы туризма, научно-технического обмена и частного въезда. Только в 1972–1973 гг. Советский Союз, по неполным данным, посетило 380 католических деятелей, в числе которых были профессор Лувенского университета (Бельгия), иезуит Антуан Эленс, сотрудник центра по изучению марксизма при Грегорианском университете Офферманс, доктор философии и теологии того же университета Хубер, сотрудник русского католического центра во Франции Бубеннек и другие.

Находившийся длительное время в СССР (обслуживал итальянскую колонию в г. Тольятти) ксёндз Галассо предпринимал активные меры к установлению контактов со священниками Русской православной церкви. В целях закрепления контакта с одним из них Галассо преподносил ему богатые подарки от имени «своего высокого руководства», организовал поездку в Италию, взяв на себя все расходы.

Активные меры по установлению контактов с иерархами Русской православной церкви предпринимает ксёндз посольства США в Москве Ричард.

Профессор Латеранского университета в Риме Вергулин в своем докладе Ватикану о пребывании в СССР отмечал, что «происходящая либерализация общественной жизни и усиление оппозиции интеллектуалов создают благоприятные условия для возрождения религиозной жизни в СССР». По мнению Вергулина,

предвестником такого возрождения явилось собеседование в Загорске.

Всемерно поощряя развитие контактов с РПЦ, Ватикан конечной целью их считает поиск и поддержку внутри ее сил, способных, по его мнению, перерасти в организованную оппозицию существующему в нашей стране государственному строю и противостоять атеизму. Органы государственной безопасности держат под контролем контакты Ватикана с Русской православной церковью и принимают меры к срыву его замыслов использовать ее во враждебной СССР деятельности.

Председатель комитета госбезопасности

Андропов

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ,
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕМУ ЮВЕНАЛИЮ,
МИТРОПОЛИТУ КРУТИЦКОМУ
И КОЛОМЕНСКОМУ

От священника Сретенской церкви
с. Новая Деревня, московской области
Пушкинского района прот. Александра Меня

Объяснительная записка

В связи с присланной на имя вашего Высокопреосвященства анонимной «Характеристикой» моего церковнослужения и взглядов, имею сообщить Вашему Высокопреосвященству следующее.

Вот уже несколько лет неизвестное лицо время от времени шлет мне обличительные послания, написанные в весьма агрессивном тоне. Имени своего автор обычно не ставил; лишь один раз назвался Петром Ивановым: дал обратный адрес: Главпочтамт, до востребования. Как до меня дошло, эти опусы были включены в нелегальные рукописные сборники и журналы. Судя по стилю и содержанию, я нисколько не сомневаюсь, что и данное широковещательное обличение, адресованное ведущим иерархам Русской Православной Церкви и представителям гражданской власти, исходит от того же человека. Только теперь он уже говорит от лица «верующих Русской Православной Церкви», хотя странно, что простые верующие располагают такими изданиями, как «Посев» и цитируют (с точностью до страницы) эмигрантскую литературу (да и к тому же слово Бог пишут с маленькой буквы).

Перехожу к существу обвинений.

I. Анонимный автор изобличает меня в «католицизме» и приводит в доказательство ряд аргументов.

1. Один из них заключается в том, что некоторые мои работы были опубликованы католическим церковным издательством (первая вышла 17 лет назад). Но я свидетельствую, что, когда они писались, они отнюдь не предназначались для этого издательства. Выход их я объясняю целью указанного издательства – «содействие взаимопониманию между католиками и православными» (М. Э. Поснов. История Церкви. Брюссель, 1965, с. 8).

Подобная цель, как мне думается, не может быть вредной для нашего государства и противоречить Православию. Русская Православная Церковь постоянно молится «о соединении всех» и уже давно осуществляет сотрудничество и собеседования с римо-католиками (см. Русская Православная Церковь. М., 1980, с. 170–171). В рамках этого диалога, проходящего во имя мира и взаимопонимания, а также в виде акта доброй воли, издательство и печатало не только своих, но и многих православных авторов (еп. Феофана, еп. Игнатия Брянчанинова, архиеп. Луку Войно-Ясенецкого, прот. Никольского, Арсеньева, Поснова; Типикон, православный Акафистник, труд еп. Вениамина Милова и др.). В свете этого я и воспринял публикацию некоторых моих работ, видя в ней элемент одобренного нашей Церковью и полезного для Церкви диалога.

Пока основная моя работа по истории религий не была завершена, я не ставил имени автора (псевдонимы даны не мной, а редакцией). Должен отметить, что книга о богослужении выходила по частям в ЖМП (1960, №№ 1, 7, 8, 9, 11; 1961 №№ 1, 2, 4, 5) и почти полностью

в «Голосе Православия» (1976, № 7). Мое собственное первоначальное заглавие было: «Православное богослужение, его строй, символика и смысл». Оно было изменено издательством на «Небо на земле» (название, взятое из православного источника – митр. Вениамина Федченко). Не соответствует действительности то, что книга вышла при моем «непосредственном сотрудничестве». Достаточно указать, что фотографий к ней я не прилагал.

Поэтому естественно, что редакция взяла снимки (правда, далеко не всюду) со своих храмов (чем особенно возмущается автор «Характеристики»;

2. Я не вижу ничего преступного в употреблении термина «Восточная Церковь», тем более, что из контекста ясно, что речь идет о Церкви Православной. Аноним считает, что, описывая чинопоследование Литургии, я должен был говорить не о «предстоятеле» вообще, а назвать по имени Святейшего Патриарха. Но я употребил общую формулировку лишь потому, что в книге речь идет о службе в любой из Поместных Православных Церквей.

3. Характеризуя мои работы, аноним пишет: «Все эти книги имеют миссионерскую направленность и прямо или косвенно проповедуют католичество в его униатской форме». Я решительно отклоняю такое обвинение. Во-первых, я никогда не одобрял унии. Во-вторых, автор, видимо, не удосужился даже просмотреть мои книги. Почти все они посвящены вопросам Основного богословия и истории религий. Как же можно проповедовать католичество в трудах по индийской мистике, пророкам, греческой философии или религии древнего Египта?

4. К изданию униатского молитвенника я не имею ни малейшего отношения и даже не знал о нем, хотя аноним делает из меня чуть ли ни его составителя.

5. С полной ответственностью перед Богом и людьми я свидетельствую, что среди людей, которые являются действительными моими прихожанами, не существует «группы лиц, которая исповедует католицизм». Это абсурд.

Если бы такие люди и появились, они должны были бы покинуть мой (и любой другой) православный приход. Если же кто из верующих бывает в городах, где есть много инославных храмов, «то они посещают их как туристы и как люди, знакомящиеся со службами других конфессий.

6. Я не благословлял, как уверяет мой обличитель, и не мог благословлять переход в инославие, в частности и потому, что я всегда был принципиальным противником решения межконфессиональных проблем путем «личных уний» и прозелитизма.

7. Анонимщик даже уверяет, что я входил в «самочинное общение с католической иерархией». Ни одного инославного иерарха я лично не знал. Все это чистый вымысел.

8. Мое отношение к диалогу между христианскими исповеданиями ни на йоту не расходится с общепринятым в Православии. Напомню слова, сказанные Святейшим Патриархом Пименом о таком диалоге: «Мы верим и знаем, что встречи эти, которые привлекают внимание чад Римской Католической Церкви и Православных Церквей и вызывают интерес в христианской экумене, представляют собой вклад в развитие между нами братского взаимопонимания, совместного утешения нужд человечества и среди них миру и справедли-

вости между народами, и венца всех христианских подвигов и добродетелей – любви» (Пимен Патриарх Московский и всея Руси. Слова, речи, послания, обращения. М., 1977, с. 307).

На страницах наших церковных изданий и в деятельности наших иерархов и богословов мы постоянно находим верность этим словам, большую широту и братскую веротерпимость. Эта широта проявляется в совместных молитвах (напр., во время Рождества и Пасхи), в участии нашей Церкви во ВСЦ. Дух мира и взаимопонимания дорог и мне как рядовому священнику. Именно таков мой мнимый «католицизм». Повторяю: то, что я кого-то якобы «благословлял» на отпадение и даже «руководил» этим, как заверяет аноним, – чистая ложь и клевета, исходящая от человека, который питается необоснованными слухами и дезинформацией. Недостойным приемом является и намек на мое «влияние» на о. Г. Якунина. Если уж автор «Характеристики» так много обо мне знает, он должен был бы знать, что хотя я учился и дружил с о. Якуниным лет 30 назад, я не вдохновлял его известной деятельности и не принимал в ней никакого участия.

II. Столь же нелепы обвинения в мой адрес, связанные с иудаизмом. Никогда не имел к нему никакого отношения. И вообще – не подхожу к категории «богоискателя», как с чужих слов называет меня «Характеристика». Я с младенчества воспитан в Православии, с 15 лет нес клиросное послушание, прошел обе наших духовных школы, 27 лет – у Престола.

Мне и в голову не приходило посещать зачем-то синагогу, «благословлять» на это кого-либо или вообще тяготеть к отжившему законничеству.

1. Для подкрепления своих изобличений аноним приводит слова, вырванные из контекста моего, так называемого, «интервью». Происхождение его следующее. Более 10 лет назад неизвестный человек остановил меня в церковном дворе и просил ответить на несколько вопросов о евреях и христианстве. Не видя в этом ничего предосудительного, я высказал ряд своих частных соображений по частным вопросам, отнюдь не зная, что они будут где-либо напечатаны¹. Естественно я говорил с этим человеком следуя словам св. ап. Павла: «Будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести: для иудеев я был как иудей, чтобы приобрести иудеев... для чуждых закона – как чуждый закона – не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, – чтобы приобрести чуждых закона» (I Кор 9,19-21). В моих ответах аноним усмотрел «неправославие», в частности потому, что я будто бы не признаю Церковь истинным Израилем. Это искажение или намеренное непонимание моей мысли. Я именно говорил о Вселенской Церкви как преемнице Церкви ветхозаветной.

2. Как можно обвинять меня в национализме, когда я прямо сказал, что мне претит любое национальное превозношение. Вместе с ап. Павлом я убежден, что «не все те израильтяне, которые от Израиля» (Рим 8,6). В своих ответах я имел в виду, что бремя ответственности, которое некогда было возложено Богом на людей Ветхого Завета, лежит и на тех их потомках, которые вошли в Завет Новый. Эти вошедшие и составляют «остаток», о котором говорит апостол (Рим 11,5). Что же касается неуверовавших иудеев, то я опять-таки не

¹ Мень А., прот. Евреи и христианство (интервью). // «Христианос-II». Рига, 1993. С. 142–148.

выходил за пределы учения апостола: «В отношении к благовестию они враги ради вас, а в отношении к избранию возлюбленные Божии. Ибо дары и призвание Божие непреложны» (Рим 11,28).

3. К этому примыкает вопрос о ветхозаветных обрядах, которые лично для меня не имеют никакой притягательности. Но вопрос этот особенно занимает анонима. Толкуя решение Апостольского Собора, он утверждает, что Собор вообще «упразднил иудаистские обряды». Однако это противоречит прямому свидетельству Слова Божия. Обряды были упразднены для языко-христиан (Деян 15,19). Для христиан же иудеев они были тогда оставлены, и известно, что эти христиане их ревностно соблюдали (так, например, пишет Евсевий об ап. Иакове: Церковная История, II, 23). Далеко не все могли возвыситься до свободы, которую проповедовал ап. Павел, и Церковь в данном случае проявила братское снисхождение. Но понятно, что эта уступка никак не касается членов Русской Православной Церкви (или другой Поместной Церкви), каково бы ни было их происхождение. В этом смысл 65 и 70 правил, на которые ссылается аноним. Если же где-то вне Русской Православной Церкви и нашей страны существуют христианские общины, которые вернулись к традициям первенствующей Иерусалимской Церкви времен ап. Иакова (ср. Деян 21,20), то это их внутреннее дело. Меньше всего я считаю себя компетентным решать подобные, далекие от нашей жизни и Церкви вопросы и никогда не имел намерения, как пишет аноним, «создать в недрах православной церкви независимую автокефальную иудео-христианскую общину».

В заключение сошлюсь на совершенно ясное толкование Апостольского Собора, данное покойным ректо-

ром МДА, прот. А. Горским, в его «Истории Евангельской и Церкви Апостольской» (М., 1902, с. 409–410).

4. Анонимный автор упрекает меня в том, что я поставил вопрос о канонизации муч. Гавриила и Евстратия. Но ведь я не претендовал на его решение. А о том, что они не были формально канонизированы, говорил еще приснопамятный митр. Филарет Московский. Вообще же окончательное решение подобных вопросов принадлежит церковному священноначалию и Соборам.

5. «Характеристика» постоянно извращает смысл моих слов, говоря, например, что я усматривал у всех православных антисемитизм. Я никогда не выдвигал такого несправедливого обвинения. Напротив, я подчеркивал, что лично с ним не сталкивался и что это явление свойственно лишь отдельным лицам и кругам (но не как норма, а как пережиток).

Мой обличитель располагает обо мне «данными» которых я сам не имею, ссылаясь на то, что это ему «известно». Вижу, что в данном случае я очевидно стал жертвой злонамеренных наговоров.

Возвращаясь к моим книгам, я должен заметить, что если читать с такой заведомой недоброжелательностью (мягко говоря), то в любой книге можно найти что-то «неправославное», тем более, что мы в отличие от католиков свободны от связанности формальным авторитарным органом, на который можно было бы сослаться. Дух Православия – это дух любви и свободы, как прекрасно показал А. С. Хомяков. Но в «Характеристике» вместо этого духа я нахожу дух инквизиции и «охоты на ведьм». Как иначе понять того, кто изображает пятидесятилетнего пастыря, тридцать лет отдавшего служению Русской Православной Церкви, чуть ли не сознательным ее врагом?

Категорически отвергая предъявленные мне анонимом обвинения, я в то же время глубоко сожалею, если каким-либо неудачным словом или выражением дал повод для подобных эксцессов, и сыновне испрашиваю прощения у Вашего Высокопреосвященства и всего Высшего Священноначалия нашей Церкви.

Подпись: прот. Александр Мень

18 декабря 1984 г. Загорск

**ИЗ ПАСТЫРСКОГО НАСЛЕДИЯ
ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ**

*Интерьер храма Сретения Господня
в с. Новая Деревня, в котором служил
отец Александр с 1970 по 1990 гг.
Фото: декабрь 2014 г.*

Протоиерей Александр Мень

О ПРОВЕДЕНИИ РОЖДЕСТВЕНСКОГО ПОСТА

**1-я декада (28 ноября – 7 декабря)
Не нашлось Им места в гостинице**

Мы помним о Нем слишком редко. Мы не даем Ему обитать в центре нашей души. Мы оставляем для Него лишь угол, темный как пещера. «Гостиница» в подлинном тексте Евангелия означает «Гостиную», главную комнату дома. Хозяин отослал путников в загон для скота. Но вот Он вновь приходит в мир. Как мы Его встретим?

В эту декаду ежедневно буду посвящать (кроме утреннего и вечернего правила) полчаса для предстояния перед Христом (чтение Евангелия, троещественная молитва: покаяние, просьба, благодарение; безмолвное предстояние с преданием себя на волю Его; чтение духовных размышлений из книг).

В конце декады – принятие Святых Тайн.

**2-я декада (8 – 17 декабря)
Пастухи несли стражу**

Эти дни должны стать временем наибольшей духовной собранности, бодрствования. Думать о том, что в каждый миг я могу быть призван на суд Божий. С чем я приду? Думать о том, как часто я находился в расслаблении и призыв Божий не был мною слышан. Думать об ответственности за дело Божие в мире (чем я послужил Ему?).

Полчаса предстояния остаются.

Принятие Святых Тайн.

3-я декада (18 – 27 декабря)

На земле мир, в человеках благоволение

Мир приносит Христос, но мы не можем его взять, потому что полны смятения. В эти дни сознательно и целеустремленно отклоняем от себя все, что вносит смятение в душу. Оберегаем мир как хрупкий сосуд, как огонь на ветру. Ежедневно пятьдесят раз Иисусова молитва с повторением пяти тем молитвы:

1. Я не дал Тебе места в горнице моей души.
2. Как Ты родился в темной пещере, так родись ныне в темноте моей души.
3. Пастухи доверяли Богу и первыми увидели Тебя – научи меня доверию.
4. Как волхвы пришли к Тебе не с пустыми руками, дай и мне принести Тебе дары.
5. Имя Твое напоминает о спасении. Дай мне войти в него еще здесь, в этой жизни.

4-я декада (28 декабря – 6 января)

Волхвы

Они принесли дары Тебе. Что я сделал для Тебя? Может ли радовать Тебя моя жизнь? Есть ли в ней служение, угодное Тебе? Сделать что-либо для людей (нуждающихся, одиноких, больных и т. д.) в знак рождественского подарка Христу. Постараться примириться со всеми, с кем находишься в ссоре. Полчаса предстояния каждый день.

Принятие Святых Тайн.

Протоиерей Александр Мень

ЧТО ТАКОЕ МЕДИТАЦИЯ¹

Медитация – это вообще духовное размышление с определенной программой – либо словесной, либо зрительной. Впервые этот метод был разработан в индийской духовности и потом богато развит в христианской аскетике. Медитация позволяет концентрировать мысль и дух вообще (волю, сознание и т. д.) на определенных образах и темах. Молитва Иисусова – род словесной медитации – фокусирование сознания на слове (то, что у индийцев называется мантрой).

Эти особые механизмы, когда сознание концентрируется на одном предмете, используются в духовной жизни для пропитывания сознания и подсознания этими духовными темами.

Кроме безмолвной, или уединенной, медитации, есть форма, родственная ей, а именно – *импровизированная молитва*, молитва своими словами письменно или устно. Многие произведения отцов Церкви и духовной письменности есть такого рода медитация (напр., «Исповедь блаженного Августина»). Эта медитация (импровизированная молитва) отличается своим «духовным вектором», направленным к Богу, а не размышлением вообще (на «высокие темы»).

Возможные ошибки: часто склоняются в сторону лекции, проповеди, наставления. Они просвечиваются даже в молитвословах.

¹ Текст был продиктован мне лично отцом Александром в самом начале 80-х гг. в связи с молитвой Розарием в одной из малых групп, где мне довелось быть ведущей. Каждая Тайна Розария предполагала медитацию, и отец предупредил нас о возможных при этом ошибках. (Прим. С. Руковой.)

Протоиерей Александр Мень

НАЧАЛО РОЖДЕСТВЕНСКОГО ПОСТА²

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Однажды святой Григорий Богослов, молясь в Константинопольском храме в праздник Рождества Христова, обратился к народу с восторженной речью, которую начал словами: «Христос рождается! Выходите Ему навстречу! Христос сходит с Небес, чтобы нас поднять!».

Святитель Григорий был не только великим богословом Церкви, но и великим поэтом, слагателем церковных гимнов. Его слова: «Христос рождается! Идите Ему навстречу!» – полюбились жителям Константинополя, и каждый раз они их повторяли, и даже сложили песнопение, которое предваряет праздник Рождества Христова. С этого воскресенья мы уже начали петь эти ирмосы: «Христос рождается! Славите! Христос с Небес срящите», то есть «Идите Ему навстречу, готовьтесь к Его приходу». Начинается Рождественский пост, и мы готовимся к празднику Рождества Христова.

Но не нужно думать, что праздник – это просто приятное время, когда мы можем порадоваться, поздравить друг друга, утешиться в своих печалях! Нет, праздник Рождества Христова – это напоминание о том, что Господь пришел на землю умереть и страдать вместе с нами, чтобы каждый из нас получил жизнь вечную, чтобы каждый из нас приобщился к спасению. Этот

² Мень А., прот. Восстань, спящий! Проповеди.
М.: ИД Жизнь с Богом, 2007. С. 36–42.

праздник есть день выбора: кто-то принимает Его, а кто-то отвергает.

Для нас, принявших Слово Христово, подготовка к празднику есть приготовление к встрече самого Господа! Да, Он сам как бы вновь приходит на землю, чтобы посетить тебя в твоей жизни, чтобы спросить тебя о том, как ты жил, что ты привнес в сокровище своего сердца и своих дел. Христос рождается – идите Ему навстречу, готовьтесь к Нему.

Сам Господь много раз в различных притчах говорил о том, как люди должны готовиться к встрече. В Священном Писании у пророка Амоса есть грозные слова: «...Приготовься к сретению Бога твоего...»³. Это не означает, что надо готовиться к встрече только последнего Суда Божия. К каждому из нас Господь приходит сегодня, здесь. Приходит и требует от нас отчета так, как потребовал господин у своих слуг, которым дал таланты. Не надо думать, что притчи Господни содержат хоть что-то лишнее – в них каждое слово имеет значение.

Вспомним притчу о десяти девах. Они должны были ждать жениха, должны были стоять на страже. Но он медлил, и они заснули. Так и мы с вами: быть может, медлит Господь явить Себя – а мы духовно спим, когда надо быть на страже. Быть готовыми всегда! Потому что всегда, в любой момент Он может потребовать от нас отчета. Только тогда будет радостна эта встреча, если мы хоть что-то сделаем, хоть как-то подготовимся. Когда вы ждете дорогого гостя, как бывает печально, какое бывает у вас смущение, если он приходит внезапно, а вы не успели убрать свой дом, не успели приготовить стол. Так бывает с человеком. Но когда мы

³ Ам 4:12.

ждем самого Господа, Который посетит нас, благословит и озарит нас Духом Своим Святым, – как должны мы приготовить «дом» свой, то есть душу свою, сердце свое, как должны мы его очистить! Может ли в это грязное помещение неочищенной нашей души войти светлый гость – Христос, Который рождается?!

И вот, дорогие мои, мне хотелось бы, чтобы Рождественский пост был для вас не только временем воздержания, а временем приготовления. Чтобы вы верили и надеялись, что в праздник Рождества Христова вы все ощутите Его действительное пришествие, Его близость, Его благодатную силу!

А пока будем готовиться и очищать свое сердце молитвой, покаянием, неустанно углубляться в Слово Божие – в Священное Писание. Будем бороться со всей нечистотой, которая есть в нашем сердце и в наших поступках, трудиться друг для друга, готовиться и внимать Господу! И каждый воскресный день будут звучать для нас слова, напоминающие о близости священного дня: «Христос рождается – славите! Христос с Небес – срящите!». Готовьтесь идти Ему навстречу – грядет Господь наш!

Аминь!

1980 г.

В ПРЕДДВЕРИИ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Итак, мы уже с вами вступаем в преддверие Рождества Христова. Снова ждем мы, когда зажжется рождественская звезда, снова, как будто это происходит сегодня, увидим глазами и Богомладенца, и пещеру, и пастухов, и волхвов, и все то, что окружает этот великий, дивный и радостный праздник.

Но сейчас еще Иосиф и Мария идут по дороге к городу Вифлеему. Час приближается. Матерь Божия с бременем устала от долгого пути, Она ждет, когда же, наконец, окажется Она в городе своего праотца Давида, в городе Вифлееме, где она сможет отдохнуть и где наступит великий час рождения в мир ее Сына, ибо ей обещано, что Сын ее будет Спасителем всего человеческого рода. И вот поздно вечером они входят на улицы города, идут в гостиницу, но там уже множество народа.

Они приехали сюда записываться по приказанию императора. Ни в одной гостинице нет места для Матери Спасителя мира. И тогда Иосиф, усталый и огорченный, стучится в дома, и никто ему не открывает, все двери закрыты. Люди спят, и никто не хочет приютить усталую женщину и ее престарелого провожатого. Так встречает мир своего Избавителя и Искупителя. Он стучится в виде двух утомленных путников, а мир закрывает свои двери и окна. И только в хлеву для скота, куда пастухи всегда в ненастье загоняли своих овец, нашел пристанище Господь наш Иисус и Его Матерь – Мария.

Поскольку мы знаем, что пришествие Его в этот мир совершилось не только тогда, но совершается всегда,

подумаем о том, как мы Его встретим? Нам горько смотреть на это зрелище, на тихий, робкий стук, на просьбы Иосифа и скорбное молчание Матери Божией. И отказ, отказ, еще раз отказ. А мы – сумеем ли мы принять идущего к нам Господа?

Он и сегодня вновь рождается в мир, который так же, как две тысячи лет тому назад, нуждается в искуплении, спасении и освобождении. Какими бы ни были великие достижения мира сего, он все равно страдает; у него нет ни мира, ни покоя. Он ищет счастья, но его не находит. И грех возрастает, и скорбь, и вражда, и ненависть. В те времена, по крайней мере, когда явился Господь, почти во всем мире не было войн. А теперь, мы знаем, что нет почти такого участка земли, где люди бы не воевали друг с другом.

Ко всем народам звучит голос Христа-Спасителя: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные ... возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня...»⁴.

Он стучится в дверь, Он стучится в каждое сердце, в мое и твое сердце.

Он стучится тогда, когда в нас просыпается дух молитвы. Он стучится тогда, когда мы встаем утром и чувствуем, что жизнь нам подарена, подарена кем-то, кого мы должны благодарить. Он стучится тогда, когда рядом с нами оказывается человек, нуждающийся в сочувствии, в поддержке, в помощи. Он стучится к нам и тогда, когда перед нами стоит искушение, когда мы должны выбрать свой путь. И Он нам тихо, почти что шепотом напоминает: вот настоящая дорога, выбери ее. И когда мы ошибаемся, когда нам становится горько, когда мы готовы возненавидеть себя – Он тоже стучится к нам в сердце, чтобы пробудить в нем покаяние.

⁴ Мф 11:28-29.

Потому что только Он является нашим Спасителем, только Он может приобщить нас к Царству Божию, Царству Небесному, только Он может дать нам полное и настоящее, единственное счастье. Он, наш Господь Иисус.

Зажигается Его звезда, звезда над миром, и люди должны угадать ее среди множества звезд! И вот в далекой стороне волхвы, мудрецы, люди, овладевшие многими тайными познаниями, бросают все и пускаются в дальний и опасный путь, чтобы поклониться Младенцу. Ибо они знают, что никакая человеческая мудрость, никакие человеческие познания не могут заменить спасения, которое может дать только Бог! Вот почему они идут по этой дороге, идут за Вифлеемской звездой, и она их приводит к колыбели Младенца. И они находят там не какие-то особенные тайны, не какие-то особенные зрелища. Что же они находят, эти волхвы, познавшие всю мудрость мира?

Маленькое плачущее Дитя в пещере, где загон для скота. Но их мудрость была так велика, что позволила им увидеть в Нем Избавителя мира. Они поклонились и принесли Ему золото, ладан и смирну – потому что знали, что в этом крошечном Младенце сияет Дух Божий и Господне спасение, наконец, пришло в темный страдающий мир.

И мы с вами должны сегодня уподобиться пастухам, которые оставили свое стадо, и пошли в эту пещеру. Уподобиться волхвам, которые оставили свою мудрость, и пошли к Господу! Уподобиться всем тем, кто готов был Его принять. А те, кто крепко запер свои двери, кто не захотел внять гласу Божию, те пропустили драгоценный момент своей жизни, когда Господь звал, а они остались равнодушны. И как нам будет страшно

и горько потом, ибо жизнь проходит, а мы не можем ничего сделать для себя.

Поэтому двери нашего сердца, глаза нашей души должны сегодня открыться. И мы должны сказать:

— Господи, Ты к нам идешь! И Ты идешь только ради нас, потому что Ты хочешь все наше испытать: и рождение, и болезнь, и скорбь, и смерть! Ты будешь среди нас — Человек среди людей. И вот ради этой Твоей бескорыстной любви мы должны открыть Тебе свое сердце. Открыть, чтобы Ты поселился в нашем сердце, чтобы Твой свет в нас воссиял — сегодня! завтра! всегда! В этой жизни и в вечности! И чтобы никогда огонь любви к Тебе в нас не угасал.

Аминь!

Людмила Гаврилюкова
(Мириам Анастасия Людмила Христа)

Родилась в 1957 г. в Донбассе, в рабочем поселке. Закончила Харьковский университет, факультет иностранных языков, по специальности: преподаватель английского языка и методики преподавания иностранных языков; высшее образование, полученное в Советском Союзе, дополнила в Англии в университете города Лидс (2004–2006), где получила титул магистра; затем, в 2007 году поступила в докторантуру на кафедру Славистики, где работала над темой: Духовное наследие отца Александра Меня; эти исследования привели меня не к академической карьере, а в монастырь созерцательного ордена монахинь Доминиканок, который находится в Канаде, в горах недалеко от Ванкувера.

В 2010 году я получила второй титул магистра в лидсском университете, защитив кандидатскую диссертацию на тему: «Биографические, богословские и экуменические аспекты в Переписке отца Александра Меня (1935–1990) и сестры Иоанны (Ю. Н. Рейтлингер) (1898–1988) по книге "Умное небо"».

В 2015 г. я поступила в пражский университет, чтобы продолжить свою исследовательскую работу по духовному наследию отца Александра Меня.

В настоящее время являюсь докторанткой на богословском факультете в Карлове университете в Праге.

ДАР ВСТРЕЧИ

Основание каждой встречи и общения людей друг с другом находится во встрече человека с Богом – в *богообщении*. Как читаем у Александра Филоненко: «...В самой конституции человека есть то, что никак не наблюдается вне встречи, и раскрывается только во встрече, а именно *личность*. Личность встречей входит в мир, а до нее – *ненаблюдаема* и для самого человека, недоступна для его рефлексии... Только в событии встречи мы можем в этом мире видеть присутствие личности. Встреча, ведущая к такому раскрытию личности, и есть *подлинная встреча*»¹.

Встреча человека с Богом – через события, обстоятельства, общение с другими людьми – открывает как бы новое измерение в жизни и определяет духовный путь, связывающий нас с вечностью. Его Божественное Присутствие меняет все не только внутренне, но и внешне – ибо человек вдруг видит и себя, и мир, и окружающих как бы новыми глазами. Именно такое чудо встречи мы можем проследить в «*Переписке протоиерея Александра Меня с монахиней Иоанной (Ю. Н. Рейтлингер)*»². Когда два путника по дороге в Эммаус³ говорили о Христе, то Он Сам присоединился

¹ <http://www.bogoslov.ru/text/876935.html> Филоненко Александр Семёнович. «Богословие общения и евхаристическая антропология» (дата обращения: 11.12.14).

² «Умное небо. Переписка протоиерея Александра Меня с монахиней Иоанной (Ю. Н. Рейтлингер)». М.: Издательский дом «Жизнь с Богом», 2008. Далее в тексте – «Переписка», в сносках – «Умное небо».

³ От Луки 24:13-14. «В тот же день двое из них шли в селение, отстоящее стадий на шестьдесят от Иерусалима, называемое Эммаус; и разговаривали между собою о всех сих событиях».

к ним и вступил в их беседу, наставляя их и открывая очи их сердец, разясняя им пророчества о Себе Самом. Встреча с Воскресшим Христом, *Его Присутствие* кардинальным образом меняет жизнь человека. Господь вновь встречает нас на нашем пути за Ним и к Нему, и мы видим, как в «Переписке» *Господь незримо, но ощутимо «мысленными очами», присутствует в письмах, как бы сопровождая обоих авторов на их пути.* И в «Переписке» можно заметить, что как будто невидимая рука пишет две иконы – сестры Иоанны и отца Александра. Сама же сестра Иоанна, объясняя искусство иконописи, подчеркивала, что в иконах главное – *Его Присутствие.*

В этой статье обратимся к тексту «Переписки» как к достоверному свидетельству двух подлинных учеников и последователей Христовых, которые дают нам пример подражания Ему; также хочется обратить внимание на биографические элементы в их письмах – и о. Александра, и с. Иоанны – людей с уникальными судьбами, которые соединяют и дополняют друг друга в едином потоке жизни и христианской традиции. Можно проследить затейливое сплетение нитей судеб, которые создают единственный в своем роде рисунок, отражающий пути русского православия в XX столетии; традицию, прошедшую испытания в условиях эмиграции (оторванности, свободы) и жестоких гонений в России, но не прерванную, а даже обогащенную и обновленную.

И еще постараемся проследить, как в своем духовничестве отец Александр опирается на святоотеческое учение, и как его советы соотносятся и с мудростью отцов ранней христианской Церкви, и наших современников, признанных духовных учителей.

* * *

История «Переписки» началась много лет тому назад, задолго до первой встречи отца Александра Меня и сестры Иоанны, в миру Юлии Николаевны Рейтлингер. Встреча как бы подготавливалась Божьим Промыслом к совершению в определенный момент времени и в определенном месте⁴. Время – 70-е годы прошлого столетия, место – Москва. Разница в возрасте – 37 лет. Сестра Иоанна родилась в 1898 году, о. Александр – в 1935. Но больше, чем десятки лет их разделяла «пропасть» абсолютно разных жизненных контекстов: она сформировалась до революции, а он родился в сталинской империи, вступившей в борьбу с нравственным миропорядком. Казалось бы, так много исторических, психологических и культурных отличий могло бы быть у «советского» православного священника и реэмигрантки, наследницы древнего рода баронов фон Рейтлингер, оказавшейся в советской действительности уже после смерти Сталина. Эти объективные причины могли бы стать непреодолимым препятствием к их сближению. Однако, в действительности, оказалось, что они оба принадлежат к одной и той же традиции русского православия, русской религиозной философии и культуры, носителями которой они оба являлись вопреки безбожному и бесчеловечному режиму. Пожалуй, уже одного только этого обстоятельства было бы достаточно, чтобы книга «Умное небо» привлекла наше внима-

⁴ Havriljukova, Lida, 'Theologische and Ökumenische Aspekte im Briefwechsel Vater Aleksandr Men' (1935–1990) und Schwester Johanna (1898–1988)' (trans. By Ulrike Patow) in Für mich sind alle Menschen Gottes Kinder: Theologie, Ökumene und geistliche Praxis bei Aleksandr Men', ed. by Igor Pochoshajew (Frankfurt am Main: Verlag Otto Lembeck, 2008) cc. 90–102.

ние: столь необычно, что на страницах книги постоянно встречаются «два времени», две эпохи, два мира.

Каждая встреча, перерастающая в дружбу, – прекрасна; встреча же таких выдающихся людей как отец Александр и сестра Иоанна – воистину необыкновенна. Да и сам феномен такой встречи уникален и его можно «объяснить» лишь «мистическим реализмом» Божьего Промысла.

Большую часть своей творческой активной жизни сестра Иоанна, художник и иконописец, прожила во Франции и Чехословакии; работала над созданием монументальной живописи и в Англии; в Ташкент же – столицу Советского Узбекистана – советское правительство позволило ей переселиться из-за границы под благовидным предлогом, что это – город, наименее пострадавший в годы войны. В действительности – это была ссылка, обрекавшая ее на нищенское существование, когда она зарабатывала на жизнь росписью цветных платков на местной фабрике, жила в общежитии и в итоге получила крошечную пенсию. Но и это обстоятельство послужило во славу Божью! Ведь сестра Иоанна вступила на путь нестяжания уже в 1935 году, и с этого момента «всецелой преданности Христу» – так всю жизнь и следовала за Господом в бедности и послушании.

Судьба сестры Иоанны

Но начнем все по порядку. В 1922 году Юлия Рейтлингер, талантливая девушка из дворянской семьи, с задатками самобытного художника и иконописца, оказалась вместе со своей младшей сестрой Катей в Чехословакии. Как и многие другие русские эмигранты того

времени, сестры осели в Праге. После многочисленных жизненных перипетий, столь характерных для того трудного времени, Юля и Катя в конце концов оказались в кругу друзей и просто сочувствующих людей. Самое главное, наверное, было то, что в Праге не было войны и преследований. А это уже начало новой жизни, ибо во время военных действий и при неустроенной жизни беженцев, трудно и, пожалуй, невозможно не только создавать произведения искусства, учиться, но и просто жить. После смерти мамы от тифа в Крыму, а также гибели двух старших сестер, служивших на фронтах гражданской войны сестрами милосердия, обе девушки как бы чудесным способом возвратились к жизни, продолжавшейся несмотря на все несчастья и потери. Это была та жизнь, которую они знали до трагедии 1917 года и бедствий, с нею связанных. Обе сестры окунулись в учебу и творчество, поэзия, литературные встречи были их естественной средой, а друзья и просто добрые знакомые, старые и новые, окружали сестер, как и в былые времена. Вот что пишет сама Юлия в автобиографии: «Чешское правительство помогало русской молодежи учиться, давало стипендии. ... Учились в университете, в академии художеств, в архитектурном институте!»⁵. Сохранись Австро-Венгерская Империя, можно предположить, что беженцам из Советской России после падения монархии и всех ужасов, следовавших далее, помощь была бы оказана не меньшая.

И все же, действительно, много было сделано правительством молодой Чехословацкой республики для эмигрантов из СССР⁶. Однако, Юлия Янчаркова, глав-

⁵ <http://www.alexandrmnen.ru/pan.html> «Умное небо».

⁶ <http://www.nkp.cz/soubory/ostatni/rakcia-info.pdf> (дата обращения: 20.11.14).

ный специалист по творческому наследию сестры Иоанны в Чехословакии, считает, что далеко не все было так благополучно в судьбах людей искусства в эмиграции⁷. Но – Юлия Рейтлингер ни на что не жалуется и не сетует на судьбу. Позже она скажет: «Здорово живешь – икону не напишешь!». Читая автобиографию сестры Иоанны, чувствуем ее признательность чужой земле и чужому правительству. В то время как тысячи талантливых людей оказались не нужны своему «родному» правительству в России. Трудна судьба эмигрантов! И, тем не менее, студенческая молодежь в 1923 году сформировалась в Русское студенческое христианское движение (РСХД) на I Пшеровском съезде⁸. По чешским меркам, Пшеров довольно далеко от Праги, но русские источники часто упоминают о Пшерове, как городе «недалеко от Праги». Возможно, и нашим молодым героиням Юле и Кате Рейтлингер тоже виделось – «недалеко». В молодости многое видится иначе. Кажется, что молодые и не очень молодые русские интеллектуалы буквально «проквасили» общество⁹ своим энтузиазмом, жаждой познания и творчества; после трагедии безбожной революции это было возвращением к духовным истокам; стремились к подлинной православной традиции, не к обрядам и бытовому православию, а именно к глубинным сокровищам христианства. Прага была полна в то время русскими писателями философами, учеными. Недаром её называли тогда «русскими

⁷ http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/25253/1/galeeva_kostina_2013.pdf (дата обращения: 20.11.14).

⁸ <http://www.sfi.ru/statja/rol-sezdov-rskhd-vvocerkovlenii-molodezhi/> (дата обращения: 28.10.14).

⁹ <http://www.nkp.cz/soubory/ostatni/rakcia-info.pdf> (дата обращения: 21.11.14).

Афинами», или «русским Оксфордом». Действительно, Прага, в конце 20-х – 30-х годов прошлого столетия, по праву считалась одной из трех столиц русской интеллектуальной эмиграции наряду с Берлином и Парижем. Пражский период жизни сестры Иоанны был воистину удивительным¹⁰. Сейчас отметим лишь одно из наиболее значительных событий в этот период ее жизни, определившее дальнейшую судьбу Юли – новая встреча с отцом Сергием Булгаковым (1871-1944). Именно в Праге в 1923 году произошла их вторая встреча, первая же состоялась в Крыму в 1917 году¹¹. Затем последовал третий, Парижский период их духовной дружбы, творчества, более длительный по времени, насыщенный драматическими событиями, и закончившийся в 1944 году предсмертным благословением отца Сергия сестре Иоанне возвращаться на Родину и нести свой крест с радостью.

Духовное формирование сестры Иоанны происходило под руководством отца Сергия Булгакова. В предисловии к его произведениям отмечается, что этот столп русского религиозного возрождения может считаться главным свидетелем православия на Западе¹². Можем

¹⁰ Юлия Янчаркова. «Именно в этой точке карты земной...» (Пражские годы Юлии Рейтлингер) // Вестник РСХД №186. Париж-Нью-Йорк-Москва, 2003. С. 95–113.

Юлия Янчаркова. «Надо все пройти, чтобы лететь в вечность на белых крыльях...». (Чехословацкие годы сестры Иоанны (Рейтлингер) // Вестник РСХД № 189. Париж-Нью-Йорк-Москва, 2005. С. 85–106.

¹¹ «Автобиография». «Булгаков – впервые (теперь его вижу). Он – почти страшен; горящие пронизывающие глаза, напряженное лицо – производит на меня огромное впечатление. Пророк!».

¹² «Русский философ, богослов, священник, столп русского религиозного возрождения, глава Свято-Сергиевского

с уверенностью сказать, что духовная дочь во многом достойно представляла своего великого учителя. Как свидетельствует «Диалог богослова и художника»¹³, их плодотворное общение вело к взаимному духовному обогащению; возникали темы, вдохновлявшие творчество их обоих – как в богословии, так и в иконописи.

Таким образом, факт встречи с отцом Александром Менем почти тридцать лет спустя, может свидетельствовать об интересном феномене – духовной преемственности и продолжении традиции. Сама сестра Иоанна неоднократно в «Переписке» подчеркивает духовное родство отца Сергия, высланного из СССР в 1923 году, и отца Александра, ее последнего духовного наставника, подготовившего ее к встрече с Господом лицом к Лицу – в вечности. О печально знаменитом «корабле

православного богословского института, может быть, главный свидетель православия на Западе. Прошел путь от «марксизма к идеализму», после революции выслан из России. Был близок к св. патриарху Тихону. Занимался философским и богословским развитием православной догматики, уделял много внимания общественным, экономическим, политическим вопросам. Вокруг его софиологии до сих пор не стихают споры. Учение отца Сергия прошло в своем развитии два этапа, философский (до изгнания с родины) и богословский, которые, разнясь по форме и отчасти по источникам, влияниям, вместе с тем прочно связаны единством ведущих интуиций и центральных понятий. На всем своем пути это учение о Софии и Богочеловечестве, христианское учение о мире и его истории как воссоединении с Богом. Важнейший движущий мотив учения – оправдание мира, утверждение ценности и осмысленности его бытия». <http://predanie.ru/bulgakov-sergey-nikolaevich-protoierey/#description> (дата обращения 18.12.14).

¹³ Рейтлингер, Булгаков: Диалог художника и богослова. Дневники. Записные книжки. Письма. Подробнее: <http://www.labirint.ru/books/296751/> (дата обращения: 28.10.14).

философов»¹⁴ написано много и о парижской группе философов тоже. Но то, как они связаны невидимыми нитями с отцом Александром и его прихожанами, может свидетельствовать лишь сама сестра Иоанна, что она и делает. Читатель «Переписки» и ее «Автобиографии» в приложении «Умного неба» может заметить, что сестра Иоанна в последний период своей жизни как бы душой вернулась к годам своей юности, и вновь, как тогда, много лет тому назад, испытала огромный духовно-творческий подъем¹⁵. Визуально, так сказать в материальном смысле, об этом свидетельствуют ее иконы и даже одна из последних, написанная уже в полуслепом состоянии – «Хождение по водам» – шедевр ее иконописного творчества. А в духовном... В духовном – это только Господь знает, да еще душа ведаёт; опытный же, Богом данный духовник, может видеть, как Дух Святой ведет вверенную ему душу. «Переписка» приоткрывает для нас, тех, кто с глубоким смирением и благоговением приближается к тайне – духовной жизни человека, вернее двух людей, ибо внутренний мир и самого отца Александра открывается в письмах. Для исследователей его творчества, которые в настоящее время трудятся, стремясь определить место отца Александра в традиции русских православных философов и религиозных мыслителей прошлого века, «Переписка» предоставляет уникальный и богатый материал.

¹⁴ Paul R. Gregory: The Ship of Philosophers. How the Early USSR Dealt with Dissident Intellectuals. http://www.independent.org/pdf/tir/tir_13_04_1_gregory.pdf (дата обращения: 28.10.14).

¹⁵ «Умное небо» // «Автобиография»: «Работаю над иконой больше, чем когда-либо в жизни».

Некоторые биографические моменты из жизни отца Александра и его семьи

Отец Александр лично не встретился ни с отцом Сергием Булгаковым, ни с Николаем Бердяевым, но, еще подростком, открыв для себя мир русских религиозных философов, славный «ренессанс», он интеллектуально сформировался под их влиянием; затем, значительно позже, он использовал их труды, их опыт в пастырской работе в своем приходе и в попечении вверенных ему душ. Интерес к творческому и богословско-философскому наследию Русского зарубежья заметно вырос в последнее время – в том числе, и благодаря неустанному просветительскому служению отца Александра, его беседам и лекциям о философах, историках, богословах эмиграции (которые теперь все изданы), – особенно щедро он смог делиться своими энциклопедическими знаниями с большим количеством слушателей, выступая на публичных лекциях в огромных аудиториях и даже на стадионе¹⁶ в последние три года жизни, вплоть до своей трагической кончины.

Интересно заметить, что в лекции об отце Сергии Булгакове, он использует факты, которыми с ним поделилась сестра Иоанна, так хорошо знавшая своего духовника и присутствовавшая при его кончине. Завершая Автобиографию, с. Иоанна пишет: «Наконец – знакомство с о. Александром Менем как будто послано мне отцом Сергием»¹⁷.

Действительно, знакомство и духовная дружба обогатила их обоих. Сестра Иоанна нашла в отце Алексан-

¹⁶ Выступление в московском спорткомплексе «Олимпийский» (лето 1990 г.).

¹⁷ «Умное небо». С. 489.

дре заинтересованного и хорошо подготовленного слушателя и собеседника, а для него сестра была «живым приветом» из тех времен, когда жили и творили великие русские религиозные философы, богословы, оказавшие влияние на мировую философию, открывшие русскую православную мысль для западной культуры¹⁸. Когда пришло время заново «открыть» их для советского общества в годы перестройки, сестра Иоанна оказалась мостом, символически соединившим две эпохи, восстановившим ту связь и преемственность, насильственно прерванную и вдруг, по воле Божией, возрожденную в конкретное историческое время, благодаря конкретными личностями, верно исполнившим свое призвание.

Но ведь живая традиция русского православия была сохранена. Именно благодаря таким людям, как мама и тетя Александра Меня, принявшим христианство в годы гонений и передавшим веру своим детям, источник воды живой не иссякал. Священники и архиереи, ради сохранения «чистоты православия» от «живоцерковников» и безбожной власти, ушедшие на нелегальное положение и служившие в «катакомбах», или сидящие в лагерях, – все же руководили своей паствой. Этот опыт пастырского попечения душ, в условиях тоталитарного режима, позже повторит и разовьет отец Александр, расширив границы своего прихода, по сути дела, на весь Советский Союз и за его пределы, так как его духовные дети жили и в Ташкенте, и в Латвии, и в Бельгии, и в Израиле, и в Америке. Пожалуй, необхо-

¹⁸ “Cesty pravoslavné teologie ve 20. století na Západ”, Kateřina Bauerová, Ivana Noble, Tim Noble a Parush Parushev, <https://www.kosmas.cz/knihy/177865/cesty-pravoslavne-teologie-ve-20.-stoleti-na-zapad/> (дата обращения: 28.10.14).

димо коротко остановиться на некоторых биографических чертах, чтобы пояснить мысль о духовной преемственности.

Маленький Александр принял крещение вместе со своей мамой, Еленой Семёновной Мень в 1935 году. Оба его родителя происходили из еврейских семей; отец, не был религиозен, а вот мама с детства чувствовала необыкновенное влечение к христианству, что вызывало конфликты с ее матерью¹⁹. Елена Семёновна вместе со своей двоюродной сестрой, Верой Яковлевной Василевской, жили под духовным руководством архимандрита Серафима (Батюкова)²⁰, который и предсказал,

¹⁹ Василевская В.Я. «Катакомбы XX века». М.: Фонд имени Александра Меня, 2001.

²⁰ Архим. Серафим, в миру Сергей Михайлович Батюков (1880–1942). В 1928 г., не приняв «сергианство», перешел на нелегальное положение. Он крестил Е. С. Мень с маленьким Александром; В. Я. Василевскую. Подробнее об архимандрите Серафиме см. в кн.: «Катакомбы XX века». М., 2001.

http://lib.ru/HRISTIAN/MEN/aman0.txt_Piece40.02, Ив Аман:

«Почувствовав призвание к священству в ранней юности, отец Серафим, тем не менее, получил техническое образование и до того, как был рукоположен в священники в 1919 г. (ему уже было 39 лет), работал по гражданской специальности. Избрав celibat, спустя короткое время он стал монахом. Сам Патриарх Тихон поручил ему приход свв. Кира и Иоанна. До революции отец Серафим бывал в Оптиной Пустыни и теперь в своей пастырской деятельности руководствовался советами последнего из оптинских старцев, вел своих прихожан с тем же терпением и индивидуальным вниманием к каждому, с тем же вниманием к их трудностям, как это было принято в Оптиной.

Отец Серафим не принял декларацию 1927 г. митр. Сергия (Страгородского), перешел в подполье и вошел в юрисдикцию епископа Афанасия, одного из не признавших власть митрополита Сергия архiereев. Естественно, связь их была

что благодаря жертвенности обеих женщин и их серьезному и полному любви христианскому воспитанию, Александр станет великим человеком. В своих воспоминаниях²¹ Вера Яковлевна, детский психолог, хорошо образованный и интеллигентный человек, подробно описывает детство Александра и его брата Павла, а также людей, окружавших их и оказавших влияние на мировоззрение мальчиков.

Из воспоминаний Веры Яковлевны об о. Серафиме, из его писем к ней видим пример истинного духовничества старца²². Александр, как и все маленькие дети, был чуток к исключительно духовной атмосфере каткомбной общины, созданной отцом Серафимом в домике двух тайных монахинь в Сергиевом Посаде (тогда – Загорске).

исключительно духовной, ибо после революции жизнь епископа Афанасия (Сахарова, канонизированного в 2000 г.) – цепь непрерывных арестов и депортаций в ГУЛАГ, встретиться или связаться можно было лишь время от времени. Отец Серафим неоднократно тайно менял места своего пребывания. Наконец, ему удалось найти приют в Загорске, в доме двух изгнанных из монастыря монахинь. Там, в одной из комнат был обустроен маленький храм, где он тайно совершал богослужения.

Отсюда он продолжал поддерживать своих духовных детей, а также тех из старых прихожан церкви св. Николая, которые нуждались в его помощи после ареста отца Сергия Мечёва. Но, разумеется, приезжать к нему нужно было незаметно, с большой осторожностью».

²¹ Василевская В.Я. «Катакомбы XX века». М., 2001.

²² Там же. «Встреча с о. Серафимом, общение с ним, крещение и последующее его руководство моей жизнью для меня самое подлинное и великое чудо и в то же время самая неопровержимая, центральная реальность моего существования».

«Наставь юношу при начале пути его: он не уклонится от него, когда и состарится» (Притч 22:6).

Прежде всего, личный пример мамы, Елены Семёновны, и тети, Веры Яковлевны, их живая вера, любовь к Богу и ближнему стали фундаментом жизни во Христе для будущего пастыря и попечителя душ. Отец Александр вспоминает²³:

Основы веры были заложены в семье: матерью, теткой и их друзьями – духовными детьми архимандрита Серафима (Батюкова) и «маросейскими»²⁴.

Далее в воспоминаниях сам указывает на еще один источник духовного воспитания, а именно – тайный женский монастырь и личное общение его, мальчика, с игуменьей матерью Марией²⁵, влияние которой на его жизнь и служение трудно переоценить, и которую о. Александр считал подлинной святой:

Мое детство и отрочество прошли под сенью преподобного Сергия. Там я часто жил у схиигуменьи Мариин, которая во многом определила мой жизненный путь и духовное устроение. Подвижница и молитвенница, она была совершенно лишена черт ханжества, староверства и узости, которые нередко встречаются

²³ http://www.alexandrmnen.ru/books/o_sebe/3_glava.pdf (дата обращения: 16.12.14).

²⁴ «Маросейские» – прихожане храма святителя Николая на Маросейке, в котором служили праведный прот. Алексий Мечёв (1859–1923) и его сын священномученик прот. Сергей Мечёв (1892–1941) (канонизированы в 2000 г.). Подробнее о них см. в кн.: «Маросейка». М., 2001.

²⁵ Схиигуменья Мария (1879–1961) принадлежала к Катакомбной церкви. Проживала близ Троице-Сергиевой лавры, была настоятельницей небольшого тайного женского монастыря. Воспоминания о ней см. в кн.: «Катакомбы XX века». М., 2001.

среди лиц ее звания. В ней было что-то такое светлое, серафимическое. Всегда полная пасхальной радости, глубокой преданности воле Божией, ощущения близости духовного мира, она напоминала чем-то преподобного Серафима или Франциска Ассизского. Она недаром всегда, в любое время года, напевала «Христос воскрес»²⁶.

Примечательно, что матушка Мария дала читать будущему библиисту Библию в весьма раннем возрасте и вдохновила его к чтению Священного Писания. Он высоко ценил ее открытость миру и внутреннюю свободу.

Она была монахиня с ранних лет, очень много пережила, много испытала в жизни всяких тягот, но сохранила доброжелательность и открытость к людям, их проблемам; абсолютно ясный ум, чувство юмора, свободу.

Далее отец Александр описывает эпизод, иллюстрирующий педагогику матери Марии и того, как именно она воспитывала его свободным человеком, способным принять ответственность за свои поступки²⁷.

Сравнив автобиографические заметки сестры Иоанны, увидим, что в свободе и в самостоятельности воспитывалась и она своей мамой:

²⁶ http://www.alexandrmn.ru/books/o_sebe/3_glava.pdf (дата обращения: 16.12.14).

²⁷ *«Когда я был маленьким, матушка говорила: «Сходи в церковь, постой, сколько хочешь, и возвращайся», – она никогда не говорила: «Стой всю службу». И я шел в Лавру и стоял довольно долго. Наверное, если бы матушка сказала: «Стой всю службу», – то я бы томился. Я не очень любил длинные лаврские службы. Это я вам говорю искренне, вполне откровенно. Но чаще всего я стоял всю службу, потому что мне была дана возможность уйти когда угодно».* http://www.alexandrmn.ru/books/o_sebe/3_glava.pdf (дата обращения: 16.12.14).

С раннего детства, при всей своей жертвенной любви к нам, – полное отсутствие баловства, и при этом – свобода (например – когда видела с моей стороны нерешительность, – не берет на себя решение, а предоставляет его мне и т. д.)²⁸.

Подростком Александр испытал значительное влияние Бориса Александровича Васильева²⁹ – старинного друга семьи, который был тайным священником и ученым, преподававшим в университете на кафедре этнографии историю Древнего мира, и читавшим лекции по Древнему Египту и Вавилону. Ученый поддержал интерес подростка к Древнему Востоку, т.е. передал знания и подготовил его к собственной научной работе и написанию монографий в последующие годы.

Борис Александрович был из прихода Мечевых, пережил и ссылки, и тюрьмы; и никто в университете не знал, что он был священник. Интересно заметить, что именно Борис Александрович, высоко ценивший наследие русских религиозных мыслителей, привил молодому Александру любовь к Владимиру Соловьеву, Сергию Булгакову и Николаю Бердяеву, которые были почти неизвестны в то время в Советском Союзе³⁰. Общинную жизнь и духовное воспитание отец Александр

²⁸ «Автобиография» // «Умное небо».

²⁹ Борис Васильев (1899–1976) после отца Николая Голубцова (1900–1963) был духовником о. Александра.

³⁰ «Будучи антропологом, Васильев признавал обоснованность эволюционной теории происхождения человеческого тела и психики; но как богослов, он был убежден в особом высшем происхождении духа в человеке. Для него не существовало противоречия между наукой и религией, которые с его точки зрения лишь дополняют друг друга». http://www.alexandrmn.ru/books/o_sebe/3_glava.pdf (дата обращения: 12.01.15).

ценил очень высоко. Вспоминая о своем наставнике, он пишет:

*Духовную жизнь, которую Васильев обрел в маросейской общине, он считал важнейшей школой, которую не могут заменить никакие знания*³¹.

Интересно проследить, как молодой Александр Мень шел по стопам своего учителя. Как известно, отец Александр получил высшее образование как ученый биолог. Его интерес к биологии никогда не угасал, а научные знания помогали ему в пастырском служении. Так, например, показательна его лекция для студентов и преподавателей факультета психологии МГУ³², прочитанная в 1989 году. Он говорит со студентами как священник и как ученый. Действительно, нет никакого противоречия между верой и наукой. Исследовательские методы, подход ученого к материалугодились ему и в работе над 3-х томным Библиологическим словарем³³. Специалисты отмечают, что труд такого масштаба обычно предпринимается коллективом авторов. В нашем случае автор один – отец Александр Мень.

Факт серьезной и вдумчивой, научной подготовки к пастырскому служению, это традиция, которая роднит его и с отцом Сергием Булгаковым, первым духовником сестры Иоанны, ученым и священником. Вот что говорит о нем отец Александр Мень в своей лекции:

Двадцать восемь томов произведений. Сотни и сотни статей! Всего его творения охватывают двадцать тысяч печатных страниц. Он переведен почти на все

³¹ Там же.

³² Модель библейского понимания личности, <https://www.youtube.com/watch?v=jfT0gM2cNVc> (дата обращения: 12.01.15).

³³ <http://www.alexandrmnen.ru/books/dict/dict0.html> (дата обращения: 12.01.15).

европейские языки. Свыше тысячи страниц занимают только переводы Булгакова на европейские языки. Экономист, историк, эссеист, литературный критик, философ, богослов, комментатор Библии, человек необыкновенно разносторонний, и наконец, священник, профессор Парижской духовной академии, – вот таков Сергей Николаевич Булгаков³⁴.

Архиепископ Михаил (Мудьюгин, 1912–2000) не менее высоко оценил и самого отца Александра несколькими годами позднее:

Для меня он сейчас человек, который является звездой первой величины у нас на церковном небосклоне. Именно как богослов и как человек, прокладывающий новые пути в русле, намеченном Христом Спасителем. Вот так. Не просто новые пути, а в русле Христовом. Вот это для меня совершенно ясно³⁵.

Организация жизни в приходе отца Александра и его пастырская работа подтверждают что он воплотил в жизнь и продолжил идеи, вдохновившие патриарха Тихона. Знаем, что отец Александр осуществлял свое священническое служение по примеру первых общин апостольских времен, когда христиане встречались тайно в маленьких группках для изучения Священного Писания, молитв и домашних бесед. Именно так, как было постановлено на Соборе 1917–1918 гг. У Ива Амана читаем:

Собор 1917–1918 года поставил, среди прочего, перед собой цель восстановить приходы в виде «маленьких церквей» по образу первых христианских общин. Сам

³⁴ <http://www.vehi.net/bulgakov/men.html>

³⁵ Интервью 21 апреля 1992 г. О протоиерее Александре Мене, <http://www.alexandrmene.ru/fam/pan.html> (дата обращения: 17.12.14).

*патриарх Тихон был очень увлечен этой идеей обновления церковной жизни с опорой на приходские общины. С этой целью после революции миряне стали объединяться в братства вокруг некоторых священников, талантливых и сильных людей*³⁶.

Среди таких христиан, священников, призванных на службу в трудные для Церкви Христовой времена³⁷, рос и формировался, с самого детства, Александр Мень.

В Париже отец Сергей Булгаков определенно следовал этому направлению, заданному патриархом Тихоном – созиданию «маленьких церквей», где сестра Иоанна была активным членом прихода как *монахиня в миру*, а не в монашеской общине сестер. В начале 70-х годов, уже в СССР, сестра Иоанна вновь обрела такую же христианскую общину, – приход отца Александра, как свидетельствует «Переписка». Она писала иконы по заказам отца Александра и для храма, и для его крестившихся и венчавшихся прихожан, помогала в организации и работе процветавшего уже в то время «самиздата», а также в молитве ежедневно была в духовном сединении и с отцом Александром, и с членами его общины.

³⁶ http://lib.ru/HRISTIAN/MEN/aman0.txt_Piece40.02 (дата обращения: 14.01.2015).

³⁷ *«В Москве существовали две, особенно активных, непосредственно связанных между собой, общины. Самая знаменитая сложилась вокруг церкви святого Николая Чудотворца на Маросейке, где служил отец Алексей Мечёв, а после его смерти – его сын, – отец Сергей Мечёв. Это было братство мирян, основанное в 1917 г. Вторая возникла в приходе свв. Кира и Иоанна, где служил отец Серафим».* http://lib.ru/HRISTIAN/MEN/aman0.txt_Piece40.02 (дата обращения: 14.01.2015).

Переписка

Итак, переписка началась в 1974 году (первое письмо датировано 25.08.74), а прервалась летом 1987, незадолго до смерти сестры Иоанны.

Святой апостол Павел утверждает, что: «Притом знаем, что любящим Бога, призванным по *Его* изволению, все содействует ко благу»³⁸. Как же конкретно можно истолковать вышеприведённые слова апостола именно в той трудной ситуации и по-человечески едва выносимой, в которой оказалась сестра Иоанна? Как же все обратилось к лучшему и для нее, и для нас? Поскольку советское правительство не позволило сестре Иоанне возвратиться из-за границы в ее родной Санкт-Петербург, тогда Ленинград, и она была вынуждена постоянно проживать в Ташкенте, общение с отцом Александром со времени их знакомства происходило, в основном, письменно. Ведь именно так и родилась «Переписка», которая сейчас обращена к нам. В течение же летних месяцев, когда сестра приезжала к своим друзьям и родственникам в Подмоскowie, и ее привозили на литургию в храм Сретения в Новой Деревне, где служил отец Александр, при личной беседе, отец Александр все же должен был писать «записочки», т. к. сестра Иоанна с молодости страдала глухотой. После личной встречи сестра Иоанна вновь обращалась к темам, затронутым посредством «записочек», но уже в письмах к отцу Александру. «Записочки», написанные при личных встречах отцом Александром для неслышащей сестры Иоанны, по всей вероятности, не сохранились. И, тем не менее, у нас не возникает ощущения «пропусков» в их разговоре длиной в тринадцать лет. Ведь

³⁸ Рим 8:28.

сестра Иоанна продолжала размышлять над вопросами, затронутыми при встречах.

Итак, мы можем постоянно присутствовать на их общении, в их беседе и окормляться духовно на той богатой трапезе, которую Дух Святой приготовил для всех любящих Его.

О чем же идет речь в «Переписке»? Обо всем том, что тревожит и нас сегодня, потому что каждый человек должен найти для себя ответ на вечные вопросы бытия, о добре и зле, о жизни и смерти. Сестра спрашивает, делится воспоминаниями и впечатлениями, и вновь задает вопросы, постоянно извиняется, что отвлекает внимание отца от более важных дел, и снова – вопросы или дискуссии, ибо она очень часто не соглашается с ним, спорит, называет себя «еретичкой», можно сказать, – провоцирует отца Александра. И вдруг, извиняется и проявляет необыкновенное понимание и нежное материнское сочувствие, – и в их переписке разливается благоухание гармонии. Отец Александр отвечает очень терпеливо и доброжелательно, если богословская тема особенно важная, то его письма превращаются в мини-лекцию³⁹.

Еще в письмах о. Александра нельзя не отметить особую атмосферу безграничного доверия и уважения к личности и к внутренней свободе «ведомого» человека, всегда оставляющую возможность выбора между «да» и «нет». Ибо если человек не имеет возможности сказать «нет», то его «да» ничего не стоит. Сестра Иоанна высказывает критические замечания в вопросах не только творческого характера. Так, например, тема

³⁹ Так, например, в вопросе о Евхаристии он пишет: «Простите за академичность изложения, но так удобнее» в кн. «Умное небо».

важности установления подлинности Туринской Плащаницы для иконографии, показала, что их взгляды на этот вопрос были противоположны, их дискуссия продолжалась в течение года, и она поучительна и для нас. Далее, замечания сестры Иоанны о книге отца Александра «Сын человеческий», где она недоумевает, для кого он писал свою книгу, дают нам замечательное свидетельство того, что они оба выросли в одной и той же традиции. Отец Александр дает ценные комментарии, и, отвечая ей, пишет, что книга рассчитана на человека, который с традицией либо мало знаком, либо не знаком вовсе.

В этой связи необходимо отметить особый дар отца Александра как духовного наставника: его чуткость в *наставлении*, великодушие в *поддержке и способности вдохновлять* сестру Иоанну на творческие и молитвенные подвиги, огромное сочувствие и сопереживание, *утешение* в ее страданиях и невзгодах. Как известно, эти три аспекта духовного руководства являются центральными в том поиске, который предпринимают оба – и духовный отец, и его духовная дочь. Ведет же Дух Святой.

Темы в «Переписке»

По неисчерпаемому богатству затронутых аспектов – человеческих отношений, веры, искусства, культуры, богословия, жизни Церкви и «последних» экзистенциальных вопросов – «Переписка» являет собой уникальное свидетельство «разговора по душам» двух людей, способное помочь в испытаниях, укрепить в вере, ответить на мучительные вопросы многим и многим читателям «Умного неба».

Наиболее значительными и интересными темами, по нашему мнению, являются:

1. *Боль, страдание и молитва;*
2. *Понимание Креста;*
3. *Творчество и избранность.*

Попробуем кратко рассмотреть лишь некоторые аспекты первых двух тем, каждая из которых помогает лучше понять личность отца Александра, как выдающегося пастыря, попечителя душ, проповедника Слова Божьего – апостола, пророка и миссионера. Известно, что личность лучше всего раскрывается в общении с другими людьми, и, мы наблюдаем, как духовная дружба о. Александра и с. Иоанны растет и зреет в их многолетнем диалоге⁴⁰.

1. *Боль, страдание и молитва*

С самого начала «Переписки» мы можем видеть, как в боли и страдании отец Александр поддерживает сестру Иоанну, утешает и отвечает на ее вопросы, помогая сестре найти волю Божию в ее судьбе. В то время сестра Иоанна начала терять зрение и испытывала острую неврологическую боль. Ей было 76 лет, она находилась в очень жарком климате Средней Азии. Духовно врачую ее страдания психофизического характера, священник обращается к основам христианской веры, к учению о единстве мистического Тела Христова – Церкви. Он говорит о том, что когда страдает одна часть тела, то все тело страдает. Сестра Иоанна постоянно страдала,

⁴⁰ Подробное исследование тем в дипломной работе, Havriljukova, Ludmila, 'Biographical, Theological and Ecumenical Aspects of the Correspondence between Fr Alexandr Men' (1935–1990) and Sr Ioanna (Yu. N. Reitlinger) (1898–1988)' (unpublished MA Thesis, Leeds University, 2010)

испытывая резкую боль лицевого нерва, усугублявшуюся при еде, при прикосновении платка к лицу, и т. д. Человеческое страдание есть нечто более обширное чем болезнь, что-то более сложное и в то же время, уходящее глубоко корнями в проблему самой сущности человечности⁴¹. Сестра Иоанна вдумывается, размышляет на эту тему и смиренно осознает именно такое понимание страдания человеческого. Эту же мысль найдем и у старца Силуана Афонского (1866–1938): «Болезнь и бедность смиряют человека до конца»⁴². Когда сестра Иоанна замечает, что ее болезнь зависит от внутреннего состояния, отец Александр отвечает: «Если это так, то лекарство в нас самих. Будем вверять себя всецело и уповать, а это – открывает тот удивительный мир, который заставляет утихать волны души, поднимаемые жизненными ветрами. ... Как только мы “смиряемся” в том смысле, что готовы принять все, меняются и обстоятельства»⁴³. Отец Александр помогает сестре Иоанне постигнуть Божественное Присутствие в ее судьбе; воодушевленная его советом, она пишет свои воспоминания и автобиографию. Он утверждает, что можно видеть, как рука Божия ведет ее по жизни⁴⁴. Ведь именно в этом и заключается подлинное значение духовного руководства – исцеления души – в распознавании Божией воли в конкретной ситуации конкретного человека. Отец поддерживает сестру, заверяя ее в том, что Господь действительно помнит о ней и, также как и

⁴¹ Apostolic Letter, ‘Salvifici Doloris’, no. 5 (1984) <www.vatican.va> [accessed 8 August 2009].

⁴² Иеромонах Софроний. «Старец Силуан». (Tolleshunt Knights: Stavropegic Monastery of St. John the Baptist, 1990).

⁴³ «Умное небо». С. 113 (1-е издание).

⁴⁴ Там же. С. 339–340 (1-е издание).

старец Силуан, учит свою духовную дочь предаваться на волю Божию и доверять Божиему Провидению⁴⁵.

Постепенно сестра приходит к осознанию Божьей воли, которую она искренне старается распознать в своей судьбе. И вдруг происходит скорбное и все же чудо – она обретает мир и внутреннее успокоение среди боли и страдания – то, что она не испытывала в то время, когда ее физическое состояние было намного лучше. Теперь она почувствовала себя обновленной и бодрой духом. Объяснение этого феномена находим у нашего современника, святого Иоанна Павла II, который сам, как известно, страдал тяжелой болезнью в старости. Святой Папа размышляет о смысле страданий и соучастии человека в Страдании Христа:

Постепенно, когда человек принимает крест свой, духовно присоединяясь ко Христову Кресту, спасительное значение страдания раскрывается перед ним. Он находит этот смысл не на своем собственном человеческом уровне, а на уровне страданий Христа. В то же время, однако, от этого уровня Христа спасительный смысл страдания спускается до уровня человека и становится, в некотором смысле, личным ответом индивидуума. Именно тогда, человек находит в своих страданиях внутренний мир и даже духовную радость... Святой Павел говорит о такой радости (Кол 1:24): «Я

⁴⁵ Прп. Силуан Афонский. Писания, VI.1. «Великое благо – предаться на волю Божию. В душе тогда один Господь, и нет другой мысли, и она чистым умом молится Богу. Когда душа всецело предалась на волю Божию, тогда Сам Господь начинает руководить ею, и душа непосредственно учится от Бога... Горделивый не хочет жить по воле Божией: он любит управлять собою сам; и не понимает того, что не хватает у человека разума без Бога управлять собою».

радуюсь в страданиях моих за вас». Источник радости находится в преодолении чувства бесполезности страдания⁴⁶.

Ее огромное доверие к отцу Александру в какой-то мере облегчает задачу духовника помочь ей преодолеть чувство бесполезности страдания и тем открыть источник духовной радости. В годину тяжких испытаний слепнущая сестра находит сострадание и сопереживание у духовника⁴⁷, который ведет ее к пониманию Креста Христова: «Только бы Господь был с нами. Он ведь и с нами страдает. И Он берет на Себя наши немощи»⁴⁸. И еще: «Хочу надеяться и молюсь, чтобы у Вас утихла эта ужасная боль. И верю, что распятие, которое стоит у Вас в глазах, – призыв страдать с Ним и через это преодолеть страдание»⁴⁹.

Сестра Иоанна прожила полноценную и богатую духовно жизнь, несмотря на все тяжелые обстоятельства своей жизни, приобщившись к тайне Христова Креста и Его любви. Естественно, что она должна была проделать огромный духовный путь, который, по словам отца Александра, состоит в познании Божьей воли⁵⁰. В самом начале ее духовного пути отец Сергей Булгаков мудро наставлял и окормлял ее, а в конце своей жизни, она верит, что, по его молитвам, Господь послал ей отца Александра. Не просто быть духовным отцом

⁴⁶ 'Salvifici Doloris', nos. 26-27.

⁴⁷ «Чувствую кожей, как Вам трудно». С. 319; «Сострадаю вместе с Вами, верю, что пройдет немного времени и мучитель Вас оставит. Крепитесь!». «Умное небо». С. 170 (2-е издание).

⁴⁸ «Умное небо». С. 321 (2-е издание).

⁴⁹ Там же. С. 419 (1-е издание).

⁵⁰ Там же. С. 286 (2-е издание).

такой сильной, неординарной и творческой личности – монахини в миру, которую о. Александр всегда уважительно называет Юлией Николаевной, а она неизменно подписывается в своих письмах к нему – с. И. – сестра Иоанна. В одном из писем она трогательно обращается к нему: «Отец мой и друг мой!»⁵¹. Доверие ее, кажется безграничным, и вдруг она горько упрекает и даже сердится на отца Александра, за его «непонятливость», ведь, ослепнув, она, глухая и старая, будет полностью отрезана от внешнего мира. Она хочет умереть и просит молиться его о смерти. Вот ответ ее духовника:

*О трудном Вы говорите [...] наверно, нет во мне этой решимости. Никогда не мог. [...] Наверно, здесь говорит во мне что-то библейское – жизнь табу, она принадлежит Богу всецело, Он один здесь властен распорядиться*⁵².

2. Понимание Креста

Те страдания, которые глухота причиняла сестре, а к концу жизни она еще и полностью ослепла, не пропали даром. Верим, что крест, принятый и осмысленный как сопричастность страданиям Спасителя, приносит плод и для самого человека и для тех, кто его окружает. «Переписка» позволяет нам проследить, с какой любовью и состраданием отец Александр вел свою духовную дочь, престарелую монахиню в миру, сестру Иоанну, сопровождая ее на крестном пути, на ее Голгофе. Верим, что в лице священника Сам Христос утешает и наставляет страдальцу, когда к ее полной глухоте присоединилась еще, и полная тьма физическая – последствия глауко-

⁵¹ «Умное небо». С. 286 (2-е издание).

⁵² «Умное небо». С. 332 (1-е издание).

мы и немощь старческая, она приближалась к своему 90-летию. Вспомним о той женщине, самаритянке⁵³, которая в полуденный зной пришла к колодцу и нашла там Иисуса. Он просил у нее воды напиться, но, на самом деле, Сам дал ей воду живую⁵⁴. Действительно, сестра Иоанна щедро раздавала «целебную воду» – и иконы, которые она писала для многих духовных чад отца Александра, и любовь милосердную, которую она раздавала людям, когда сама уже пожилая и больная, все же самоотверженно опекала их в Ташкенте, горячо участвуя в жизни окружавших её, щедро делясь со своими подопечными духовным опытом и советами, полученными от о. Александра.

Все это свидетельствует о том, как она глубоко и совершенно естественно проживала евангельскую традицию служения Богу и ближнему⁵⁵. Так например, находим многочисленные цитаты из писем отца Александра в ее письмах к Элле Лаевской⁵⁶, а имена, которые она упоминает в письмах, спрашивая совета отца Александра, составили бы довольно длинный список. Этой деятельной любви к ближнему нас учит Христос, и Он Сам жаждет ее. Проявление нашей любви к людям и есть выражение любви к Нему. «...Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих бра-

⁵³ <http://www.alexandrmn.ru/books/svetvtme/svtms321.html> (дата обращения: 29.10.14).

⁵⁴ Ин 4:10 «Иисус сказал ей в ответ: если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просили бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую».

⁵⁵ Прп. Максим Исповедник. Главы о любви, 1.26. «Любовь является не через одну лишь раздачу имущества [нуждающимся], но еще более – распространением слова Божия и помощь делами».

⁵⁶ См.: «Христианос-VII». Рига, 1998. «Христианос-XV». Рига, 2006.

тьев Моих меньших, то сделали Мне»⁵⁷. Это евангельская «встреча у колодца»⁵⁸. Но, заметим, когда самаритянка пришла к колодцу, Господь уже ожидал ее там. Сестра Иоанна подошла к вершине своей жизни, а Господь ожидал ее там... И послал человека, духовника, который смог ее понять и помочь встретить Христа в ее страдании. Именно так, как и заверяет отец Александр другую свою духовную дочь, да и нас тоже: «Господь Сам все устроит»⁵⁹.

Приобщимся же и мы к «источнику воды живой». Ведь то, как ведет Дух Святой душу сестры Иоанны в годину испытаний посредством Своего верного апостола, священника Христова, — это и для нас тоже духовное руководство. И для нас отец Александр повторяет: в трудные времена «просите у Господа о терпении как о камне, на котором стоим». Да, конечно, трудно вести «заочное» духовное руководство. Именно поэтому отец Александр настаивает: «Пишите мне обо всем, мне тогда легче вас вести на расстоянии». Сестра Иоанна почти в каждом письме пишет, что ей неловко, потому что кажется, что она отнимает время у отца, и, тем не менее, она часто повторяет: «Мне хочется рассказать Вам все». Она как бы спешит наверстать все то, что ей кажется было упущено в определенный период ее жизни, и сокрушается, что невозможно исправить непоправимые грехи прошлого. Ответ ее духовника вселяет надежду и ведет ко Христу:

Есть только одна сила, которая может исправить непоправимое. И эта сила Христова. Собственно, Он

⁵⁷ Мф 25:40.

⁵⁸ Ин 4.

⁵⁹ Аудио послание Ответ на письмо Сони Руковой (6 июля 1989 г.), <http://www.alexandrmen.ru/pan.html>, (дата обращения: 24.11.14).

*только потому вошел в мрак нашей жизни, чтобы сделать это, чтобы превратить нас в «пшеницу Божию», как говорил св. Игнатий Богоносец. «Хочу разрешиться и со Христом быть», – говорил ап. Павел, но нес свой крест. Так вся жизнь наша с Ним становится временным крестоношением, умиранием с Ним, чтобы с Ним воскреснуть в свете*⁶⁰.

Страдание и послание

Кажется, что страдание сестры Иоанны каким-то образом связано с тем, что христиане посланы – нести Благую Весть. Более того, именно страдание обеспечивает плодотворность миссии, потому что учит настоящему христианскому смирению, когда человек понимает, что не на кого уповать, кроме Господа Бога Самого. Вполне очевидно, что сестра как бы совершает бросок своим молодым сердцем и духом, а измученное болью и старостью тело следует ее желанию послужить Богу и ближнему. Именно как отец Александр ей писал, заверяя ее, что Господь чудесным образом сам даст силы послужить, где будет такая необходимость⁶¹. Отец Александр верит, что Господь даст сестре Иоанне *время и силы для служения Ему*. Верим, что Сам Господь разделяет с человеком его страдание, а соучастие человека в страданиях Христа удостоивает его Царствием Божиим уже здесь, на земле. Продолжая святоотеческую традицию, отец Александр пишет: «А там, где страдает ближний, страдает Господь»⁶².

⁶⁰ «Умное небо». С. 310 (2-е издание).

⁶¹ «Умное небо». С. 365 (1-е издание).

⁶² Александр Мень. «Восстань спящий» М.: Жизнь с Богом, 2007. С. 201.

Боль и страдания сестры Иоанны были не только на физическом уровне, но и на духовном – страдала ее душа. Например, в письмах читаем о ее переживаниях и страданиях за Халиму, девушку мусульманку, обратившуюся в христианство. На Халиму обрушились испытания не только дома, но и в Русской православной церкви в Ташкенте. Когда сестра Иоанна описывает печальную ситуацию в провинциальной церкви, которая может разочаровать неопфита, она находит полное понимание и сочувствие у отца Александра. Он разделяет ее грусть, что невозможно помочь большому количеству людей; однако, говорит он, эта ситуация дана нам для нашего смирения, чтобы мы не думали, что можем все. В действительности – без Бога, мы не можем ничего⁶³!

В одном из своих писем сестра Иоанна пишет: «Будто приходится за любовь к людям бороться!»⁶⁴. Подобную мысль выразил и старец Силуан Афонский: «Чем сильнее любовь, тем больше страдания»⁶⁵. В другом месте он цитирует святого апостола Иоанна Богослова, который говорит, что заповеди Божии не тяжки, а легки⁶⁶. А старец Силуан поясняет: «Но легки они только от любви, а если нет любви, то все трудно»⁶⁷. Кажется, нам приходится бороться за совершенствование в любви к ближнему; и борьба, и страдания попускаются, чтобы мы были более совершенны в любви к Богу и к ближнему, и просили у Него Самого любви, чтобы любить ближнего. Состраданию, которое питает молитву, учили своих учеников старцы, и также поступал отец Александр, давая советы своим духовным детям.

⁶³ «Умное небо». С. 152–153 (1-е издание).

⁶⁴ «Умное небо». С. 347 (1-е издание).

⁶⁵ Boosalis, cc. 81-9.

⁶⁶ Ср.: 1 Ин 5:3.

⁶⁷ Прп. Силуан Афонский. Писания, XVI.10.

Сестра Иоанна не считала себя мистиком. Но она чувствовала, что страдания были посланы ей вместо подвигов, которых она не совершала в молодости⁶⁸. Согласно христианской традиции, страдания души или тела могут считаться особым путем к тому, чтобы человек удостоился венца мученичества. Так святой Макарий Египетский (+391)⁶⁹ напоминает нам, что когда человек проходит через испытания – в сознании ли своем, страдая от злых мыслей, или физически, испытывая болезни, – то, выдержав испытания до конца, мы получаем такой же венец, как и мученики. А святой апостол Павел учит: «Ибо вы к тому призваны, потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его»⁷⁰. Жить во Христе – значит следовать за Ним, и Он ведет нас Своим собственным примером самопожертвования и многострадания. Отец Александр объясняет, что страдания и боль, по-видимому, даны сестре Иоанне для очищения ее духовности и для того, чтобы она смогла действительно понять не только свой собственный «плач из глубины», *de profundis*⁷¹, но также и других страдающих людей⁷². Как можем наблюдать в «Переписке» смирение в страдании и добровольное принятие креста ведет душу к подлинной красоте и зрелости⁷³.

⁶⁸ «Умное небо». С. 69 (1-е издание).

⁶⁹ http://azbyka.ru/otechnik/Makarij_Velikij/slovo/7#sel=25:1,25:321 (дата обращения: 16.01.15).

⁷⁰ 1 Петр 2:21.

⁷¹ См.: Пс 129.

⁷² «Умное небо». С. 178-179, 180-181.

⁷³ Прп. Силуан Афонский. Писания, III.9. «Иной много страдает от бедности и болезней, но не смиряется, и потому без пользы страдает. А кто смирится, тот всякою судьбою будет доволен, потому что Господь его богатство и радость, и все люди будут удивляться красоте души его».

Миссия сестры Иоанны

Обратимся еще раз к свидетельству нашего современника, святого Иоанна Павла II, человека, который личным примером подтвердил свои слова о смысле страдания, когда и он тоже испытал тяжесть креста болезни, старости и умирания. Характеризуя значение страдания как сверхъестественное, ибо своими корнями оно уходит глубоко в Божественную тайну Искупления мира и в то же время является глубоко человеческим, потому что человек открывает себя, свою личность, свое собственное достоинство и свою личную миссию⁷⁴. Именно в этом ключе отец Александр помогает сестре Иоанне понять, что ее подлинное благословение в том, что она окружена людьми, которым она очень нужна, и что, де-факто, в этом и заключается самое большое счастье⁷⁵. Опытный духовник объяснил сестре Иоанне, что это замечательно, когда ее молитва за других людей преобладает над всеми иными молитвами: «Это делает молитву не уведящей, а открывающей душу всему миру»⁷⁶. В одном из следующих писем он развивает свою мысль о молитве за других:

*В ней есть много аспектов: и включение близких в наш духовный поток, устремленный к Богу, и соединение с ними в молитве, и исповедание перед Ним, что мы все принадлежим Ему, и свидетельство любви. Христос молился за Своих. Тем самым принимал их в Свое сердце*⁷⁷.

⁷⁴ 'Salvifici Doloris', no. 31.

⁷⁵ «Умное небо». С. 181.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ «Умное небо». С. 314.

Именно так поступал и сам отец Александр. Он молился за людей, которые не всегда желали ему добра, согласно заповедям Евангелия и веря – вместе со святым Силуаном Афонским, – что, если мы будем любить врагов своих, то будем пребывать в мире и покое день и ночь. Советуя сестре Иоанне, как преодолеть атмосферу враждебности, царящую в доме ее любимой сестры Кати, отец Александр пишет: «Лишь один путь. Постоянно молиться за сноху. Дух зла нужно разбивать духом добра»⁷⁸. Подобный совет найдем и у отцов Церкви:

«Кто молится о людях, обижающих его, тот низлагает демонов, а сопротивляющийся первым, уязвляется последними»⁷⁹.

А старец Силуан еще добавляет:

«Кто не будет любить врагов, тот не может познать Господа и сладость Духа Святого. Дух Святой учит любить врагов так, что будет жалеть их душа, как родных детей»⁸⁰.

Отец Александр также поддерживал желание сестры Иоанны молиться за мир и выразил уверенность в том, что большинство людей хочет мира. Он объясняет, что люди втянуты в войну (и это единственное упоминание о войне) мертвым механизмом слепых сил, воля которых поработочена внешними обстоятельствами. В условиях советского режима их письма не могли касаться острых тем, в частности, Советско-Афганской войны (1979–1989), хотя советские войска в огромном количестве были размещены в Ташкенте, где жила сестра Иоанна. Отец Александр утверждает, «что Господь не

⁷⁸ «Умное небо». С. 368 (1-е издание).

⁷⁹ Прп. Марк Подвижник. Слова, 1.45.

⁸⁰ Прп. Силуан Афонский. Писания, I.11.

напрасно создал нас и, в конечном счете, все обратит к добру, развеяв нашу тьму и грязь и глупость»⁸¹.

Несомненно, они оба верят, что Господь любит всех людей. Но тем, кто ищут Его и стремятся исполнять Его волю – Он дает уже при жизни вкусить Царствия Небесного. Хочется привести слова старца Силуана, дополняющие, как нам кажется, диалог о. Александра и с. Иоанны:

*Своим избранныкам Господь дает столь великую благодать, что они любовью обнимают всю землю, весь мир, и душа их горит желанием, чтобы все люди спаслись и видели славу Господню*⁸².

Заключение

Итак, мы рассмотрели лишь некоторые аспекты «Переписки». Вопросы, затронутые в письмах двух необыкновенных людей, наших современников, затрагивают вечные темы добра и зла, требующие практического ответа в конкретной ситуации. Считаем, что, во-первых, «Переписка» является свидетельством того, что традиция духовного наставничества, заключающаяся в познании воли Божией о человеке – со времен святого апостола Павла, первых апостольских общин, отцов-пустынников, старцев фактически никогда не прерывалась, но продолжается и в наше время. Сестра Иоанна была духовной дочерью двух настоящих пастырей, она

⁸¹ «Уверен я, что можно и должно молиться о мире. Ведь такая молитва идет в унисон с желанием и волей большинства людей. К войне же влечет их мертвый механизм слепых сил. Здесь воля человека поработочена обстоятельствами». «Умное небо». С. 307 (2-е издание).

⁸² Прп. Силуан Афонский. Писания, IX.8.

является прямым свидетелем того, что традиция русского православия прервана не была, а отец Александр утверждал, что они оба принадлежат к одной и той же традиции.

Во-вторых, можем отметить, что христианская община под руководством истинного пастыря принесла обильные, добрые плоды. Наша героиня, сестра Иоанна, нашла свое место и подлинное христианское призвание – миссионерство, и когда по просьбе отца Александра писала иконы для храма и для его прихожан; и когда навещала больных и просвещала неверующих, приводя их к вере. Но, возможно, самый большой вклад в дело роста Царствия Божиего посреди нас, – это ее молитвы и жертвы, которые она приносила, как советовал ей отец Александр, соединяя физическое и духовное страдание с Жертвой Христа на Кресте. Именно так учили отцы Церкви, у которых отец Александр определенно черпал вдохновение для своего духовного руководства.

В-третьих, уникальный характер «Переписки» дает возможность взглянуть на некоторые аспекты духовничества как бы «под лупой» и прикоснуться к тайне Божиего Промысла в человеческой судьбе. Отец Александр мудро и чутко ведет сестру Иоанну через все перипетии жизни в ее преклонном возрасте, со всем тяжким бременем не только своих болезней и невзгод, но еще и других людей, близких и не столь уж близких. Однако, всегда следует главной заповеди – любить Бога и ближнего, как самого себя. Поэтому не удивительно, что «Переписка» «полна людей», где встречаемся со многими человеческими судьбами, о которых с большой любовью заботятся и сестра Иоанна и ее духовник, отец Александр.

Судьбы сестры Иоанны и отца Александра, их наследие – духовное, научное, художественное – вызывают живой интерес у нынешнего поколения. Пишутся о них книги⁸³ и многочисленные серьезные исследования⁸⁴, создаются фильмы⁸⁵, сохраняются и передаются живые свидетельства (опубликованные, в том числе, и во многих номерах альманаха «Христианос»).

Многие современные исследователи феномена пастырского опыта отца Александра Меня задают вопрос: был ли отец Александр старцем? Думается, что тема духовного водительства и особого дара исповедника и духовника, присущего отцу Александру, заслуживает серьезного изучения, и, конечно, «Переписка» (в том числе) дает богатый материал для такого исследования.

Прага, 2015

⁸³ Наиболее полный список книг об отце Александре Мене на сайте его имени: <http://www.alexandrmen.ru/>

⁸⁴ Roberts, Elizabeth, 'The Wise Sky – the letters between Father Alexander Men (1935-1990) and Sister Joanna (Julia) Reitlinger (1898-1988)', Theandros, An Online Journal of Orthodox Christian Theology and Philosophy, vol. 1, no. 1 (Fall 2003) <www.theandros.com/wisesky.html> [accessed 10 October 2007]

⁸⁵ «Художница», <https://www.youtube.com/watch?v=fGI7SI77BfU> (дата обращения 16.12.14).

**К 25-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ
МИТРОПОЛИТА РИЖСКОГО И
ЛАТВИЙСКОГО
ЛЕОНИДА (ПОЛЯКОВА)**

*Митрополит Рижский и Латвийский
Леонид (Поляков)
(1913–1990)*

«ВЛАДЫКА ЖИЛ ПО ЕВАНГЕЛИЮ...»

Беседа игумена Никиты (Добронравова)

с игуменьей Тавифой (Горлановой)

Игуменья Тавифа (Горланова Тамара Александровна) – настоятельница Свято-Троицкого женского монастыря в городе Муроме (Россия) с момента возвращения его Русской православной церкви в 1991 году. Находилась в рижском Свято-Троице-Сергиевом монастыре с 1982 по 1991 год.

Игумен Никита (Добронравов Олег Станиславович) – священник Русской православной церкви Московского патриархата, церковный историк, специалист по церковному праву; настоятель Успенского прихода в г. Турку (Финляндия).

Игумен Никита: Матушка! В этом году исполняется 25 лет со дня кончины владыки Леонида. И к Вам обращаются издатели православного альманаха «Христианос», который выходит в Риге, с вопросами о митрополите Рижском и Латвийском Леониде (Полякове)¹.

Расскажите, пожалуйста, когда и как вы познакомились с Владыкой.

¹ Владыка Леонид возглавлял Рижскую кафедру с 1966 по 1990 годы.

См.: Гаврилин Александр. Биография владыки Леонида // Христианос-IX. Рига, 2000. С. 323–326.

Иеромонах Леонид (Поляков). Слово в Неделю по Воздвижению Креста. // Христианос-IX. Рига, 2000. С. 327–329.

Митрополит Рижский и Латвийский Леонид. Рождественское послание. // Христианос-IX. Рига, 2000. С. 330–331.

Мамонтов Виктор, архим. Таков нам подобает архиерей... // Христианос-XV, 2006. С. 201–217. (Прим. ред.)

Мать Тавифа: Я приехала в Ригу 3 августа 1981 года на матушкины именины, – 4 августа были именины игуменьи Магдалины (Жегаловой)², служил Владыка, – он был еще архиепископом, и я тогда первый раз увидела владыку Леонида.

Иг. Н.: А когда вы стали монахиней рижского Свято-Троицкого монастыря?

М. Т.: Поступила я в монастырь Великим постом 1982 года. Я была еще только послушница, даже не в «связке». И матушка игуменья дала мне читать 18-ю кафизму на литургии Преждеосвященных Даров, это была среда первой недели.

По-видимому, мать Магдалина сказала Владыке, что к нам пришла девочка из Перми (я родом из Перми). А владыка Леонид в Ригу приехал в 1966 году из Перми, где два года он возглавлял Пермскую кафедру. А в октябре 1966 года Владыку назначили архиепископом Рижским и Латвийским, – чтобы монастырь не уничтожили. Власти хотели тогда закрыть рижский женский монастырь. Ведь закрыли они кафедральный Собор Рождества Христова в Риге в 1961 году, так как архие-

² Монахиня Магдалина (Людмила Жегалова, 1921–1996). С 1977 по 1996 г. игуменья Магдалина была настоятельницей Свято-Троице-Сергиева женского монастыря (Рига) и Спасо-Преображенской пустыни (Валгунда, недалеко от г. Елгавы).

При игуменье Магдалине (Жегаловой) из рижского Свято-Троице-Сергиева женского монастыря в Россию отправились на игуменство 19 сестёр. Фактически рижский монастырь стал колыбелью российского женского монашества, отсюда началось его возрождение. «Всероссийская игуменья» - так назвал игуменью Магдалину Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, лично знавший и очень уважавший ее.

пископ Иоанн (Алексеев)³ согласился с принятым властями решением о ликвидации кафедрального Собора в центре, на улице Ленина, 23⁴ и перенесении его куда-нибудь на окраину.

Так вот, когда еще владыка Леонид был в Перми, в 1966 году, я лежала в больнице, мне поставили диагноз такой, что, как врачи говорили: «Сделаем операцию – умрет, а не сделаем, все равно умрет». А мама моя пела на клиросе в кафедральном Соборе и тогда вся Пермь молилась о болящей отроковице Тамаре.

Ну, вот, читаю я 18-ю кафизму (это уже в Риге), а Владыка на кафедре сидит и так поворачивается в мою сторону... у меня такой морозик пошел по голове...

Он же знает, когда в Перми был, что за меня-то молились, он знает, что это я... А потом, уже после литургии он спрашивает: «Это за тебя, – говорит, – вся Пермь молилась? Болящая девица Тамара, – только и слышишь, – болящая девица Тамара, – это ты, что ли?» – «Да, – говорю, – Владыка святой, та самая Тамара».

А потом, когда мама приехала ко мне на день пострига в 1983 году, и они с Владыкой встретились, – а он знал мою маму, – и так они хорошо беседовали, и Владыка, по-домашнему улыбаясь, слушал рассказы моей мамы о пермских событиях.

Иг. Н.: Что вообще было характерно в его отношениях с людьми?

³ Архиепископ Иоанн (Алексеев, 1892–1966). В 1955 г. хиротонисан во епископа Таллинского и Эстонского. В 1958 году ему было поручено временное управление Рижской и Митавской епархией, от которого освобожден 14 августа 1961 г. С 1961 по 1965 г. – архиепископ Горьковский и Арзамасский.

⁴ Сейчас ул. Бривибас (Brīvības iela). (Прим. ред.)

М. Т.: Владыка не ставил преград между собой и людьми, для него каждый человек был особенным, с особенной душой и поэтому он так бережно относился к каждому, порой, – очень трогательно. Никогда он не унижал, не кричал ни на кого, если даже на кого-то повысил голос, этого было достаточно, чтобы человек сразу понимал, в чем дело. Ко всем он умел найти подход.

Владыка умел и любил беседовать с людьми, искать истину в человеке, помогал выбраться из трудностей, разобраться в себе. Он и психолог, и педагог был хороший. И очень умным и мудрым человеком он был, мог, если надо, и защитить любого. Поэтому у него в епархии были такие личности, которых другие епархии не принимали, боялись, а он не боялся.

Иг. Н.: Ведь и отца Тавриона (Батозского)⁵ владыка Леонид позвал в Латвийскую епархию, когда после многих лет лагерей, ссылки он вернулся, и нигде ему не было места – ни в Пермской, ни в Уфимской, ни в Ярославской епархиях, – отовсюду гнали. А в Спассо-Преображенской пустыньке, куда Владыка определил его настоятелем, он последние 10 лет своей жизни прослужил, и скромная пустынька, благодаря отцу Тавриону, стала одним из духовных центров РПЦ тех лет.

⁵ Архимандрит Таврион (Тихон Данилович Батозский, 1898–1978).

См.: Батозский Таврион, архим. Из проповедей; Четыре автобиографии; Записка о Глинской пустыни. Литургия отца Тавриона // Христианос-VII, 1998. С. 35–74.

Батозский Таврион, архим. Проповеди, произнесенные в Спасо-Преображенской пустыни. // Христианос-IX, 2000. С. 121–132.

Вильгерт Владимир, свящ. Новое вино – новые мехи. // Христианос-XVII, 2008. С. 127–136.

Чистяков Пётр. «Мир спасает Чаша»: опыт служения архимандрита Тавриона // Христианос-XVII, 2008. С. 137–148.

*Могила схиархимандрита
Космы (Смирнова)
на монастырском кладбище
Спасо-Преображенской
пустыни*

*Могила архимандрита
Тавриона (Батозского)
на монастырском кладбище
Спасо-Преображенской
пустыни*

М. Т.: Да, никакая епархия не брала отца Тавриона, и как раз старец Косма⁶ умер в 1968 году, и владыка Леонид взял отца Тавриона, чтобы он, как бы на место Космы заступил. Пустынька практически жила отцом Таврионом, просто жила им... Какое количество паломников, стало стекаться в пустыньку! Это в те времена! И количество сестёр увеличилось. Владыка любил приезжать в пустынь, служить там вместе с отцом Таврионом. С кем ему еще и общаться было в те годы здесь?! Тем более, что отец Таврион был духовником владыки Леонида.

Еще, знаете, Владыка был очень внимательным, к людям внимательно относился, к нам, сестрам. Может быть, это еще и потому, что он был врачом...

Вот вам такой пример. Помню, мы возили облачение в храмы, я тогда на «победе» ездила, еще послушницей была, и я упала, очень сильно упала, по ступенькам скатилась в Всехсвятской церкви, даже сознание потеряла. У меня было сотрясение мозга. Я все равно пошла на клирос, матушке я ничего не сказала, хотя меня очень тошнило. Ну, я сама – медик, понимаю, что у меня сотрясение... Подхожу к Владыке под помазание, он мажет и говорит: «Немедленно в постель и 21 день!». Матушка: «Что он тебе сказал?». Я говорю: «Матушка, я упала с лестницы, у меня сотрясение мозга. Он мне сказал 21 день лежать». Она говорит: «А чего ж ты мне ничего не сказала?!». Я говорю: «Матушка, да кто у вас

⁶ Схиархимандрит Косма (Смирнов Кузьма Иванович, 1885–1968). С 1953 по 1968 г. служил в Спасо-Преображенской пустыньке, был духовником обители.

См.: Мамонтов Виктор, архим. Пустынный житель (Жизнеописание старца Космы). // «Христианос – V». Рига, 1996. С. 50–79.

будет петь-то?». «Иди, сейчас же ложись!». Понимаете, ведь я ему ничего не говорила, и кто я? – послушница, шофериха. Но он – врач. Он был врач, и все видел: «Немедленно в постель, на 21 день!». Конечно, 21 день я не пролежала, меня хватило, может, дней на пять всего. Я не умею много лежать.

Иг. Н.: ...Какое внимание у Владыки к человеку, как он чувствует не только духовное, но и физическое состояние человека!

М. Т.: Да! Духовно, он, вообще, очень тонко чувствовал. Я это не раз видела. И ведь в рясофор он меня принимал, но это он решил неожиданно, исходя из ситуации, которая тогда сложилась. У меня же была старица – мать Сергия (Петрова). Я к ней бегала каждые пять минут, и она меня приучила к такому пониманию, что плох тот монах, которого не превратят в половую тряпку, на которого не наплюют, ноги об него не вытрут. Иначе плохой ты монах будешь. А в Пюхтицком монастыре, где я до этого жила, матушка Варвара говорила нам по-другому: «Гвоздь забить в углу – ржавеет, – на пороге – блестит». Вот такая монастырская философия.

Ну, вот. А когда матушка Магдалина уже перед самым постригом спросила меня, хочу ли я, чтобы кто-то принимал меня после пострига, – душа у меня просто плакала, потому что я понимала, что мать Сергия, совсем старенькая, ей уже 86 лет было, она никак не сможет, и что делать, что сказать... И я ответила, положившись на волю Божию: «Матушка, как благословите!». Она говорит: «Ну, ладно!», – как бы оставив этот вопрос. И когда меня вели на постриг, я увидела краем глаза, что пришла мать Сергия. Она очень хотела быть на постриге, и ее одели и привели. И ситуация еще бо-

лее осложнилась. И Владыка, все это увидел и понял, что происходит между нами. Ему ничего говорить не надо было. Он всю ситуацию видел! Когда меня вели на постриг, в каком состоянии матушка, что мать Сергия стоит и плачет, что я плачу. И он понял, что я положи-лась на волю Божию. И что вы думаете: когда меня стали вручать пред крестом, Владыка своей рукою покрыл мою руку! И этим все решилось. Он принял меня сам. Он понимал ситуацию и сам положил руку, чтобы не было раздора ни между мной и матушкой, и чтобы не обиделась мать Сергия. Меня это тогда поразило! Для меня это было настолько неожиданно, что Владыка сам положил руку. Так что не игуменья, не мать Сергия, а Владыка принимал меня после пострига. Он был моим восприемником.

Иг. Н.: Как он прочувствовал ситуацию и ее разрешил максимально деликатно...

М. Т.: Да! Чтобы и матушку не оскорбить, и чтобы никто не обиделся: я сам решил принять её! Вот и всё! Имя мне дали Мария.

А еще вспомнила потрясающий момент. Как-то, — я уже была в мантии, — Владыка несет коробку конфет, поздравляет меня с Днем пострига в рясофор. Представляете?!

Он ведь всегда молился за всех. У него была феноменальная память, он знал, кто когда умер. Помнил, кого когда он постриг. Он знал, кого как назвал. Помнил все даты, имена, поздравлял сестёр с Днем ангела, с Днем пострига. И такое отношение у него было ко всем. Владыка Леонид, конечно, был отцом для нас!

Иг. Н.: Такое, матушка, не часто можно встретить!

М. Т.: А какой Владыка был еще миротворец!

Иг. Н.: Расскажите, пожалуйста.

М. Т.: Было такое искушение у меня вскоре после пострига. Я чуть не ушла из монастыря. Ну, это такие бесовские дела. У нас с матушкой, – не сказать, чтобы ссора, а просто возник конфликт из-за Пюхтицкого монастыря, а больше – из-за моего гонора. Матушка думала, что я уйду в Пюхтицы. Но я решила уйти из монастыря по-честному. Написала прошение игуменье: «Отпустите меня из монастыря». Она это прошение посылает Владыке. Владыка говорит своему келейнику: «Пойди, скажи Марии, – пусть она попросит прощения у матушки и все пройдет».

Келейник говорит мне: «Ты что собралась уходить, что ли?». Я говорю: «Да я по-честному. Я не буду убежать, как это делают некоторые. Я написала прошение...». Он говорит: «А тебе Владыка сказал, – иди, проси прощения у матушки». Я говорю: «Ладно, я пойду, попрошу прощения...». Я выполнила его благословение. Пришла я к матушке, бух в ноги: «Матушка! Простите меня ради Христа!». А она: «Бог тебя простит, доченька! Да что ж такое...». (Смеётся.) Вот так Владыка примирял...

Иг. Н.: Сколько вам было тогда, матушка?

М. Т.: Это был 1983 год, значит, мне был 31 год. Да, он умел примирять... Он был человеком, который знал твою душу. Я бы так сказала. Сестры его очень любили. Он и разговаривал так ласково, мило, чисто по-отечески. Мог на любые вопросы отвечать. С этим чувством, что архиерей – это отец, я и в Муром приехала.

Иг. Н.: И владыка Леонид ведь был очень образованным человеком? Был избран даже почетным членом Московской духовной академии.

М. Т.: Конечно, магистром, профессором он был, и потом – доктором церковной истории. Но Рига – не

Москва, не Ленинград, здесь ему преподавать было негде и некому... Знал он прекрасно святых отцов, очень много читал, и библиотека у него была прекрасная, огромная была библиотека. И как он любил книги! И когда я заинтересовалась Симеоном Новым Богословом, Владыка мне помог.

К тысячелетию крещения Руси в монастыре в Джорданвилле выпустили третий том Симеона Нового Богослова, и мне батюшка отец Наум прислал его. Наша библиотека монастырская была не очень большая, уже все было перечитано – это теперь такой шквал литературы, а раньше же этого не было. И я просто погрузилась в эту книгу, такое пережила обновление. Потому что и никчемность свою ощущала, и греховность, но то, как Симеон Новый Богослов относится к покаянию, и как он нас ведет к покаянию, меня просто поразило. Многие пишут о покаянии, но чтоб вот так вот! Задеть до самой глубины сердца меня мог только Симеон Новый Богослов. Я почувствовала, кто я такая. Как он пишет: кто такой пёс, который ищет своего хозяина... Прочитав эту книгу, я как будто воскресла.

Было такое воодушевление, подъем такой был внутренний, и я думаю, где же мне взять первый и второй тома... Я подхожу к Марфе – келейнице Владыки и говорю: «Спроси, пожалуйста, у Владыки – нет ли у него Симеона Нового Богослова – 1-го и 2-го томов?». «Я спрошу», – отвечает.

Иг. Н.: Редко кто этим интересуется...

М. Т.: Редко кто этим интересуется, и Владыка меня спрашивал, почему у Симеона так полюбила? И я сказала, что не встречала такого, кто бы так вел к покаянию. Кто-то может понять, – кто-то не может... И он дал мне первый том почитать. Конечно, может, не все мне было

понятно, но, тем не менее, мне было интересно и для меня это было важно. Я буквально этот том проглотила, потому что я читала его везде. И в машине, – тогда я очень много ездила, – и дома... где бы я ни была, и в трапезной, когда сидели, – где была свободная минутка – там я читала Симеона Нового Богослова. Для меня он был необходим. Потом я попросила второй том почитать. Дал Владыка второй том, но я его не дочитала тогда. Владыка умер.

Иг. Н.: Владыка часто служил в монастыре?

М. Т.: Часто. Вообще, службы он любил больше всего на свете. Потому он служил везде, всегда. Очень любил служить в монастырском храме. В пустыньке очень часто служил. И, конечно, для нас было радостно встречаться с Владыкой. И когда служил Владыка с нами, для нас это была большая радость. И мы знали точно, что каждое воскресенье вечером он служит у нас акафист Толгской иконе Божией Матери. Всегда с народом пели. Он очень любил петь с народом, и всегда акафист пели два клироса и народ.

Он жил на территории монастыря, но он так жил, что мы его практически не видели никогда. Те, кто ночью дежурили, они знали, что Владыка всегда ночью полчетвертого поднимается. У него всегда шторы были зашторены, но сквозь щёлку свет проникал. У него был домовый храм. И те, кто читали ночью псалтырь или дежурили на территории, знали – если зажигается полчетвертого свет, – значит, Владыка уже молится. Это стабильно было у него. Полчетвертого он просыпался и обязательно молился.

Иг. Н.: Вы говорили, что Владыка служил часто. А как он служил литургию – размеренно или быстро?

М. Т.: Чётко! Вы знаете, мне понравилось, как служит патриарх Кирилл. Когда он у нас служил здесь на святых Петра и Февронию, мне понравилась эта четкость: никаких заминок, никаких заторов, никаких повторов. Особенно, когда «Херувимскую» начинают петь, и по пять раз повторяют «И животворящей Троице... И животворящей Троице... Всякое ныне житейское... Всякое ныне житейское...». Этого нет во время служения Патриарха, и такого никогда не было на литургии у владыки Леонида. Настолько четко все было отработано у него и настолько четко он укладывался, – может быть, потому что он всегда молился с утра, до литургии – поэтому у него не было, знаете, размазывания такого... Вот это мне и нравилось в нем.

Иг. Н.: Он проповедовал на службе?

М. Т.: Да! Проповеди он говорил, конечно, уникальные и постоянно призывал: «Читайте всегда Евангелие!». По гомилетике он был профессор, если не ошибаюсь.

У него были проповеди краткие, но настолько раскрывали тему сегодняшнего Евангелия, выражали самую суть.

Я, например, годами ходила в храм, а ведь не понимала, что есть подготовительные недели к Великому посту. С чего начинается? С Недели о Закхее. Почему Закхей? Вот, – он забрался, чтобы увидеть Христа. Дальше, какая Неделя идет? О мытаре и фарисее. Это – кто как молится. Дальше – о Блудном сыне. Вот он решил, покаялся и пришел к своему отцу. Владыка умел связать все это. Я, например, до владыки Леонида, как-то и не увязывала эти недели. Просто начиналась Неделя о мытаре и фарисее, это как бы подготовительная неделя. А начинается подготовка раньше... Для меня, например, это тоже было такое откровение. Он умел как-то так

сказать, дать увидеть всю суть. Причем сказать так, что даже эти бабушки, которые там стояли, все понимали. У него была такая голова... он видел всех, кто стоит в храме и на их языке разговаривал. Если он видел, что собрались люди среднего возраста, – он иначе говорил, так, чтобы они понимали. Если бабуси стоят, он говорит на их языке.

Иг. Н.: На том уровне...

М. Т.: Да, на том уровне. Это конечно, талант. Просто талант! Он умел такие проповеди говорить, что стоишь, разинув рот. Повторяю, они были краткие, но насыщенные и полностью раскрывали всю тему отрывка из Евангелия, всю суть. Так он умел говорить. Я, в общем-то, больше таких архиереев не встречала. Честно скажу. Это такой Владыка удивительный был!

(Смеется.) Один раз было такое... Неделя жен-мироносиц, он говорит: «Всех поздравляю с праздником Недели жен-мироносиц! Бывают жены-мироносицы, а бывают – скандалоносицы. Аминь!». Вот, вроде как делайте сами вывод: кем вы хотите стать: или мироносицами или скандалоносицами... Это было потрясающе! Все замерли, друг на друга смотря...

Иг. Н.: (Смеется.) Какое у Владыки чувство юмора было!

М. Т.: Очень большое!

Но, знаете, какая главная была проповедь владыки Леонида? Самая лучшая его проповедь – это его жизнь. Потому что мало хорошие слова говорить! Можно ведь и святыми отцами говорить, можно и словами Евангелия, по-всякому можно говорить... а вот показать Евангелие своей жизнью... А Владыка именно своей жизнью проповедовал. Он жил по Евангелию. Не раз я видела, как его отношение к людям, к священникам, к сестрам,

было именно по-евангельски мудрым. Он прямо жил Евангелием! Может быть, в этом было материнское благословение... Ведь его мама умерла после родов, и она завещала ему маленькое Евангелие, – он его везде с собой носил, читал его постоянно. Поэтому, когда Владыка умер, матушка Магдалина положила это материнское Евангелие ему в гроб.

Иг. Н.: У него были какие-то или службы или времена года, которые он больше выделял или любил?

М. Т.: Великим постом он, практически, все время служил. По приходам служил. В пустыньке служил. За Великий пост только у нас в монастырском храме он служил четыре-пять раз обязательно. И во всех приходах Владыка служил, ездил по всей епархии, несмотря на холод, снежные заносы, иногда приходилось машину просто толкать – иначе было не проехать. Вообще за год он объезжал всю епархию, – около 120-ти приходов. И не только служил, но и во все вникал – как приход живет, как священник, интересовался отоплением храмов, а в сельских храмах его не было. Старался помочь бедным приходам. Действительно это был архипастырь.

Хотя он настолько все и всех (и ситуации, и священников) видел, что он мог, сидя в кресле, управлять епархией.

Иг. Н.: Как он со священниками взаимодействовал?

М. Т.: Для Владыки самое главное была служба, литургия. И он всегда со священников спрашивал, чтобы они приходили не только за пятнадцать минут до начала службы, а за час. Для того, чтобы они совершали проскомидию, вынимали частицу сорокоуста хотя бы за час до литургии, поминали все помянники. Он требовал это.

Относился Владыка к священникам по-отечески. Чисто по-отечески... Он никого не обижал никогда. Такой педагог был, что умел держать и духовенство, и сестер. Хотя, в монастырскую жизнь Владыка не вмешивался, игуменьей не командовал. И как-то даже, можно сказать, защитил мать Магдалину от неуважения и оскорблений со стороны некоторых старых монахинь. Это было в праздник, Владыка объявил с амвона, что матушка-игуменья – это старица монастыря, и чтобы никто никогда не смел матушке слово против сказать. Если игуменья сказала, значит это закон. Владыка прямо с амвона сказал, что она игуменья и она тут хозяйка. Знаете, он сразу статус её поднял.

Иг. Н.: То есть игуменье все привилегии давались по руководству монастырем...

М. Т.: Да, он очень уважал матушку. Единственное, помню, как однажды послали нас ухаживать за цветочками. Сидим мы на центральной клумбе, молодежь, шутим, смеемся. Просим мать Никону анекдот рассказать, сидим: хи-хи, ха-ха, а Владыка так через шторочку на нас глядит... Звонит матушке и спрашивает: «Матушка игуменья, а у вас что там, – комсомольско-молодежная бригада работает на клумбе или монашествующие?».

Иг. Н.: Остроумно... (смеётся).

М. Т.: Да... Прибегает благочинная: «Вы чего тут делаете? Лясы точите? Так... Ну-ка прекратить сейчас же». Мы поняли, что Владыка тут есть. Но очень деликатно он обратил внимание матушки на наше поведение.

Вы уже заметили чувство юмора Владыки. Так вот, я бы сказала, что у него был тонкий юмор, оригинальный.

Он мог шутить с серьезным лицом и не улыбаться, но в глазах у него было все видно. Понимаете, настолько искры радости, искры смеха, даже просто молнии смеха

сверкали порой в его глазах. Может, это еще и потому, что он очень дружил с Аркадием Райкиным⁷. Они же почти однокашники были, и Райкин часто приезжал в Дубулты⁸ к Владыке и, кстати, причащался там у него. Он у Владыки жил в Дубулты, у них были теплые отношения... Сами понимаете – Райкин, который мог говорить и не улыбаться, когда весь зал умирал со смеху, а ему хоть бы что! И Владыка точно так же. Интересный он был человек!

Иг. Н.: В последние годы вы много с Владыкой общались?

М. Т.: Я массаж ему делала. По два с половиной часа, порой, массаж делала – его мучил сильный сколиоз. Ну, он под руками засыпал сразу. Для меня Владыка был как отец, и я рада была ему хоть немножко помочь.

Иг. Н.: А что-нибудь на память о Владыке у вас осталось?

М. Т.: Симеон Новый Богослов остался (смеется). 1 и 2 тома. Марфа сказала: «На, забирай. Раз уж он это тебе давал читать – забирай». И когда-то на мой День ангела мне подарил Владыка фисгармонию. Она была вся закрашена и когда я отдала ее в реставрацию, все ахнули: она была сделана из карельской березы, прямо цельной. Она была закрашена специально, чтобы сохранить ее. Он знал, что я очень люблю фисгармонию, и он мне подарил её. Но главное, он у меня в памяти, я всегда молюсь о нем. Владыка был настолько редкий человек,

⁷ Аркадий Исаакович Райкин (Рига, 1911 г. – Москва, 1987 г.). Народный артист СССР. (*Прим. ред.*)

⁸ Район курортного города Юрмала (Латвия), где находится православный храм во имя св. равноапостольного князя Владимира. В те годы при храме был небольшой архиерейский домик, где и скончался вечером 8-го сентября 1990-го года владыка Леонид. (*Прим. ред.*)

и я благодарю Бога, что встретила в свое время матушку Варвару, матушку Магдалину и владыку Леонида. Встретить такого архиерея, это получить пример на всю жизнь.

Иг. Н.: Вы попали в золотое время.

М. Т.: В самое золотое (смеется).

Иг. Н.: Игуменья была – мать, а архиерей был – отец. То есть, действительно, была семья духовная.

М. Т.: Ну, да! Меня иногда спрашивают: «У вас, что там, специально на игуменью учили?». Я говорю: «Нет! Нас учили монашеству». Так я все время говорю, что мне повезло, и я десять лет, с 1981 по 1991 год провела в рижском монастыре, где матушка учила нас молитве, и послушанию тоже, конечно. А Владыка, вел к покаянию. Матушка больше приучала к смирению, послушанию, к молитве, а он больше к покаянию. Он всегда призывал к покаянию. Это основа всего. И когда постригали в мантию сестер – он всегда плакал.

Так вот, я хочу сказать, что, конечно, нам просто повезло, нашему набору 80–81 года, что у нас был Владыка и матушка... Это две такие величины... Матушка Варвара – это был человек, который в меня монашество вдохнул. А матушка Магдалина – та, которая меня уже отшлифовывала (смеется). Вот так вот! Шлифовала.

Иг. Н.: Она мудрая. Она и шлифовала мудро.

Сколько в то время, при владыке Леониде, в монастыре сестер было?

М. Т.: У нас в Риге было восемьдесят. В пустыньке было сто двадцать.

Иг. Н.: Ого!

М. Т.: Да, двести человек в общей сложности.

Ну, двадцать игумений уехали вскоре после кончины Леонида. Возглавлять другие монастыри. Здесь была колыбель монашества.

*Могила митрополита Леонида (Полякова)
в Спасо-Преображенской пустыни
у алтаря Преображенского храма*

Иг. Н.: Владыку Леонида, видимо, все уважали?..

М. Т.: Да, духовный авторитет у Владыки был большой, даже среди светских властей.

Иг. Н.: Как владыка Леонид относился к христианам других конфессий? Известно, что и лютеране, и католики, и старообрядцы в Латвии очень уважали Владыку...

М. Т.: ...и баптисты, и евангелисты, – все конфессии его уважали.

Иг. Н.: Наверно, его приглашали на общие встречи?

М. Т.: Да, он ездил сам на какие-то приемы, на встречи по случаю церковных праздников, и к нам приглашал.

Владыка, как человек интеллигентный, культурный, мог общаться на любом уровне, — как с представителями власти высокого ранга, так и с иерархами церковными — и с католическим кардиналом, и с главой лютеранской церкви. Все к нему с таким почтением относились.

И это было очень заметно на отпевании владыки Леонида в Кафедральном Троицком соборе.

Иг. Н.: А светские власти тоже приходили проститься?

М. Т.: Да, и светские власти. И христиане всех конфессий. Буквально все были на отпевании, все приходили прощаться.

Собор был переполнен. Митрополичий хор очень хорошо пел. И еще, что удивительно, пришли на отпевание двенадцать семинаристов-католиков. Они встали полукругом у гроба Владыки и прекрасными голосами пели псалмы на латинском языке, который Владыка хорошо знал. Стояла благоговейная тишина, прихожане были тронуты до слез. Вот такой подарок сделали католики Владыке, которого они знали и почитали.

Иг. Н.: Как ценили Владыку в Латвии! А место захоронения уже предполагалось, или он сам завещал, где похоронить его?

М. Т.: Наверно, было решено заранее похоронить Владыку в пустыньке, где он так любил бывать и служить.

Иг. Н.: Большое спасибо вам, матушка Тавифа, за беседу!

*Россия, Муром,
Свято-Троицкий монастырь
Апрель, 2015*

СОДЕРЖАНИЕ

Церковь в своих святых	5
-------------------------------------	----------

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Священник Владимир Лапшин

Проповедь в день празднования Собора новомучеников и исповедников российских	11
---	----

Священник Владимир Зелинский

За пределами молчания.....	15
----------------------------	----

СОВРЕМЕННЫЕ ЦЕРКОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

«Святость – это цель жизни всех людей» – беседа с архиепископом Телмисским Иовом (Геча).....	37
---	----

ЦЕРКОВЬ ИСПОВЕДНИКОВ И МУЧЕНИКОВ

Илья Семененко-Басин

Тематика новомучеников в мировоззрении отца Александра Меня	77
--	----

Мироносицы в катакомбах XX века

Елена Семёновна Мень

Мариам Мень

Сила в немощи	83
---------------------	----

Ольга Бухина

Мои любимые «старушки» 93

София Рукова

Леночкин день 97

Анна Сергеевна Иговская (Ася)**София Рукова**

Об Асе Иговской 106

Протоиерей Александр Мень

«Промысл Божий над нами» 113

Письма о. Александра к Асе Иговской

Из жития преподобноисповедника

Севастиана Карагандинского 132

Мария Витальевна Тепнина**Анна Корнилова**

От расставания до встречи 143

Из воспоминаний о М. В. Тепниной

«Для меня богослужение стало жизнью» 190

*Из интервью с М. В. Тепниной****Вера Алексеевна Корнеева*****Ольга Ерохина**

Невидимый приход 236

Вера Корнеева

Отец Серафим 243

Помощь святого Иосифа 252

Письмо отца Серафима (Батюкова)

Вере Корнеевой 257

К 25-летию мученической кончины отца Александра Меня

Ответы о. Александра Меня

на вопросы неизвестной корреспондентки	259
«Закрытое письмо» Юрия Андропова (1974 г.).....	269
«Объяснительная записка» прот. А. Меня Ювеналию митр. Крутицкому и Коломенскому (1984 г.)	276

ИЗ ПАСТЫРСКОГО НАСЛЕДИЯ ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

Протоиерей Александр Мень

О проведении Рождественского поста	287
О медитации	289
Начало Рождественского поста. Проповедь	290
В преддверии Рождества. Проповедь	293

Людмила Гаврилюкова

Дар встречи	297
<i>Переписка о. А. Меня с сестрой Иоанной Рейтлингер</i>	

К 25-ЛЕТИЮ КОНЧИНЫ МИТРОПОЛИТА РИЖСКОГО И ЛАТВИЙСКОГО ЛЕОНИДА (ПОЛЯКОВА)

«Владыка жил по Евангелию» – беседа с игуменьей Тавифой (Горлановой)	337
---	-----

SOMMAIRE

L'Église dans ses saints.....	5
--------------------------------------	----------

PAROLES D'UN PASTEUR

Père Vladimir Lapchine

Homélie pour la fête de la Synaxe des nouveaux martyrs et confesseurs russes	11
---	----

Père Vladimir Zélinsky

Au-delà du silence.....	15
-------------------------	----

PROBLÈMES ACTUELS DE L'ÉGLISE

«La sainteté, c'est le but de la vie de tous les fidèles» – entretien avec l'archevêque Job (Getcha) de Telmessos	37
--	----

L'ÉGLISE

DES CONFESSEURS ET DES MARTYRS

Ilya Semenenko-Bassine

Le thème des nouveaux martyrs dans la conception du monde du père Alexandre Men.....	77
---	----

Les Myrrophores dans les catacombes du XXe siècle

Elena Semionovna Men

Mariam Men

La force qui s'accomplit dans la faiblesse.....	83
---	----

Olga Boukhina

Mes « vieilles dames » préférées 93

Sophia Roukova

Le jour où Lénotchka est retournée au Seigneur 97

Anna Serguïévna Igovskaya (Assia)**Sophia Roukova**

À propos d'Assia Igovskaya 106

Archiprêtre Alexandre Men

« La Providence de Dieu sur nous » 113

Lettres du père Alexandre à Assia Igovskaya

Dans la vie du saint confesseur Sébastien de Karaganda 132

Maria Vitalievna Tepnina**Anna Kornilova**

De la séparation à la rencontre 143

Souvenirs sur Maria Vitalievna Tepnina

« L'office divin est devenu ma vie » 190

Extrait d'un entretien avec Maria Vitalievna Tepnina

Véra Alexéievna Korniéeva**Olga Érokhina**

La paroisse invisible 236

Véra Korniéeva

Le père Séraphim 243

L'aide de saint Joseph 252

Une lettre de l'archimandrite Séraphim (Batioukov)

à Véra Korniéeva 257

**L'archiprêtre Alexandre Men
à l'occasion des 25 ans de sa mort en martyr**

Réponses du père Alexandre Men

aux questions d'une correspondante inconnue	259
« Une lettre fermée » de Youri Andropov (1974)269« Une lettre d'explications »	
Au métropolite Juvénal de Kroutitsky et Kolomna (1984)	276

**L'HÉRITAGE PASTORAL
DU PÈRE ALEXANDRE**

Archiprêtre Alexandre Men

Comment passer le carême de Noël.....	287
Sur la méditation	289
Homélie pour le début du carême de Noël.....	290
À la veille de la fête de Noël. Homélie	293

Ludmilla Gavrielioukova

Le don de la rencontre	297
<i>La correspondance du père Alexandre Men avec sœur Jeanne Reitlinger</i>	

**POUR LE 25 ANNIVERSAIRE DE LA MORT
DU MÉTROPOLITE DE RIGA ET
DE TOUTE LA LETTONIE
LÉONIDE POLYAKOV**

« Vladyka vivait selon l'Évangile » – entretien avec l'higoumène Tabitha (Gorlanova)	337
---	-----

CONTENTS

The Church in its saints.....	5
--------------------------------------	----------

PASTOR'S WORD

Priest Vladimir Lapshin

The sermon at the Day of celebration of Synaxis of the new martyrs and confessors of Russia	11
--	----

Priest Vladimir Zelinsky

Beyond silence	15
----------------------	----

CONTEMPORARY ECCLESIASTICAL PROBLEMS

«Holiness is the purpose of life of all people» – interview with Archbishop Telmissky Job (Gecha)	37
--	----

THE CHURCH OF CONFESSORS AND MARTYRS

Ilya Semenenko-Basin

The subject of new martyrs in the worldview of Fr Alexander Men'	77
---	----

Myrrhophores in the catacombs of the 20th century

Elena Semyonovna Men'

Mariam Men'

Strength is made perfect in weakness	83
--	----

Olga Bukhina

My dear «old ladies» 93

Sophia Rukova

Lenochka's day 97

Anna Sergeyevna Igovskaya (Asya)**Sophia Rukova**

About Asya Igovskaya 106

Archpriest Alexander Men'

«Divine Providence upon us» 113

*The letters of Fr Alexander to Asya Igovskaya*From the Life of venerable monk and confessor
Sebastian of Karaganda 132***Maria Vitalyevna Tepnina*****Anna Kornilova**

From parting to meeting 143

From the reminiscences about M. V. Tepnina

«For me God worship has become life» 190

*From the interview with M. V. Tepnina****Vera Alexeyevna Korneeva*****Olga Erokhina**

Invisible parish..... 236

Vera Korneeva

Father Seraphim..... 243

St. Joseph's help 252

The letter of **Archimandrite Seraphim (Batyukov)**

to Vera Korneeva 257

**To the 25th anniversary of martyrdom
of Fr Alexander Men'**

Fr Alexander Men's answers

to the questions of an unknown correspondent	259
«Confidential letter» of Yury Andropov (1974).....	269
«Explanatory letter» to Metropolitan Yuvenaly of Krutitsy and Kolomna (1984)	276

**FROM THE PASTORAL HERITAGE OF
FATHER ALEXANDER MEN'**

Archpriest Alexander Men'

On holding Advent.....	287
On meditation	289
Beginning of Advent. Sermon	290
On the threshold of Christmas. Sermon	293

Lyudmila Gavrilyukova

The gift of encounter	297
<i>Correspondence of Fr Alexander Men' with Sister Ioanna Reitlinger</i>	

**TO THE 25TH DEATH ANNIVERSARY
OF METROPOLITAN LEONID POLYAKOV
OF RIGA AND LATVIA**

«Vladyka lived the Gospel» – an interview with hegumeness Tabitha (Gorlanova).....	337
---	-----

**Международным Благотворительным Обществом
имени Александра Меня
(Рига, Латвия)
изданы (1991–2015)**

Альманах «Христианос» – выпуски I – XXIV

Книги:

Протоиерей Александр Мень
«Практическое руководство к молитве»

«Апокалипсис» –
Комментарий протоиерея Александра Меня

«Крестный Путь». Молитвенные размышления
и молитвы
Вселенского Патриарха Варфоломея

Архимандрит Зинон (Теодор) «Беседы иконописца»

Владимир Френкель «Время пустыни». Стихи

Малая сестра Магдалена Иисуса
«По следам брата Шарля» (Зеленая тетрадь)

Иеромонах Габриэль Бунге «Скудельные сосуды» –
практика личной молитвы по преданию Святых Отцов

София Рукова «Отец Александр Мень»

Протоиерей Александр Мень «Истоки религии»
(«Reliģijas pirmsākumi») на латышском языке

Артуро Каттанео «Брак: дар и служение»

Иеромонах Габриэль Бунге

«Другой Утешитель. Икона Пресвятой Троицы
преп. Андрея Рублева»

Светлана Домбровская «Пастырь»

(Повесть об отце Александре Мене)

Иеромонах Габриэль Бунге

«Вино дракона и хлеб ангельский» –
учение Евагрия Понтийского о гневе и кротости

Священник Владимир Лапшин

«Деяния Святых Апостолов» – Комментарии

Иеромонах Габриэль Бунге

«Акедия» – духовное учение Евагрия Понтийского
об унынии

Наталия Большакова

«Христианство осуществимо на земле»
(История создания и жизнь монастыря
Покрова Пресвятой Богородицы в Бюси-ан-От (Франция))

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:
Послания к Коринфянам,
Послание к Галатам – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:
Послания к Фессалоникийцам,
Послание к Римлянам – Беседы»

Наталия Большакова

«Жизнь и служение епископа
Кампанского Мефодия (Кульмана)»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:
Послание к Филиппийцам,
Послание к Колоссянам, Послание к Филимону,
Послание к Ефесянам – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:
Послание к Титу,
Послания к Тимофею,
Послание к Евреям – Беседы»

Alexander Men' International Charity Society
Riga LATVIA
Phone: +371 29147350
E-mail: vasilij@mailbox.riga.lv